Вестник
Российско-Армянского
Университета

(серия: гуманитарные и общественные науки)

N 3/2006

Российско-Армянский (Славянский)
государственный университет

Печатается по решению

Ученого Совета РАУ

Вестник РАУ

(серия: гуманитарные и общественные науки)

Издательство РАУ

N 3/2006

К 1600-летию изобретения
армянских письмен

ИЗОБРЕТЕНИЕ АРМЯНСКИХ ПИСЬМЕН КАК ФАКТОР БОРЬБЫ ЗА НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ

Мирумян К. А.

Наши разделенные на части земли
Это только он вновь свел воедино
И соединил – но уже в нашей мысли.

Паруйр Севак

В культурно-историческом бытии каждого народа прослеживается проявление как общеисторического, так и сугубо национального. История народа – носителя общечеловеческих ценностей – это постоянный процесс трансформации, преломления и, одновременно, обогащения, нюансировки общих закономерностей, что, в свою свою очередь, конкретизирует, “приземляет”, “индивидуализирует” логику культурно-исторического процесса. Каждый народ в своем развитии специфически отражает общечеловеческие ценности, по-своему усваивает и участвует в их создании.

В значительной мере эти культурные процессы обусловлены конкретными историческими, политическими, экономическими, социокультурными факторами, а также ***внутренней духовной потенцией*** народа. Именно комплекс этих факторов, их сопряженность, гармония и определяют “лицо” нации в истории цивилизации, которую условно можно представить в виде смены сложных, многоуровневых и многогранных культурно-исторических периодов, создаваемых усилиями многих народов.

Одновременно культура каждого народа – неотъемлемый компонент его исторического и национального бытия. Ее состояние обусловливается наличием или отсутствием государственности, степенью политической независимости страны, социально-экономической структурой общества, политической системой государства – и что очень важно – местом культуры в политической программе или идеологии власти, функциональной ролью, отводимой ей. Конечно, безотносительно ко всему этому культура, в широком понимании этого слова, то есть как продукт специфической человеческой деятельности, продолжает существовать, она не исчезает полностью, так как это может произойти только с исчезновением народа-носителя. В данном случае речь идет преимущественно о сохранении в той или иной мере культурного наследия, но отнюдь не о развитии, приобщении к общечеловеческим ценностям, их обогащении посредством собственной национальной культуры.

Значение культуры в истории народов и государств трудно переоценить, но она играла и продолжает играть неоднозначную роль. О культуре в любом ее значении говорилось и говорится с уважением. Однако на деле отношение к сфере культуры не всегда адекватно словесно-лозунговому отношению.

В истории некоторых народов культурный фактор зачастую выполнял и иные – политические, идеологические и другие функции, восполняя их пробел

в жизни народа, то есть приобретал “компесаторную” функцию. При этом имеется в виду не реально-объективное протекание исторического процесса, в ходе которого происходит естественное взаимовлияние и взаимодействие различных форм общественного и национального сознания, так называемых надстроечных явлений, а о сознательном акцентировании культурного начала, ***возведенного в ранг государственной, а в условиях отсутствия государственности и политической независимости − национальной политики.***

Понятно, что сказанное главным образом касается тех народов, которые утратили, а не тех, которые еще не приобрели своей государственности и политической независимости, но вместе с тем обладают мощной внутренней энергией, способной не только компенсировать отсутствие независимости; но и создавать (а не только сохранять) культурные ценности, обогащая своими достижениями сокровищницу мировой культуры. В данном случае речь идет ***о политической концепции культуры, а не о культурной политике или политике в сфере культуры.*** Создать подобную концепцию, а тем более реализовать ее на практике может только народ, находящийся на определенном и высоком уровне социокультурного и политического развития, имеющий дифференцированные уже формы социального и национального сознания.

Армянский народ в своем развитии прошел все периоды человеческой истории, пережив эпохи подъема и упадка культурной и государственной жизни. Он испытал миграции и опасность смешения народов, этнических групп и религий, общался с цивилизованными и варварскими народами, вовлекался в процесс взаимовлияния культур, пронеся через все исторические перипетии свою национальную и культурную самобытность.

Другой характерной особенностью истории армянского народа является то, что Армения практически всегда находилась между двумя соседними могущественными державами, становясь ареной их постоянной борьбы за военно-политическую гегемонию в регионе, а зачастую и “яблоком раздора” вследствие своего стратегического положения и геополитического значения. Данное обстоятельство, естественно, требовало от предводителей народа также способности проведения тонкой внешней политики и дипломатических навыков. Кроме того, Армении приходилось иногда воевать на два фронта, для чего одной военной силы было недостаточно. Во внешней и внутренней политике царей Великой Армении вырисовывается одна тенденция, которая на первый план выдвигала духовно-культурный и идеологический факторы. Данная установка впоследствии стала стержнем национально-политического мышления. Формируется модель мышления, которая имела различные проявления в различных исторических периодах, в зависимости от политических условий и задач, стоящих перед армянской государственностью и нацией.

В этом смысле примечательно принятие христианства в Армении в качестве государственной религии, что возымело судьбоносное влияние на всю последующую историю армянского народа. Данное культурно-историческое и духовное событие также имеет ярко выраженную политическую тенденцию, которая сопряжена как со сферой практической политики, так и политической теории.

Возрождение древнеиранского зороастризма и его постепенное превращение в государственную религию Персии сопровождалось искоренением эллинистических традиций как в самом Иране, так и в Армении. С целью политического подчинения Армении Сасаниды стремились

уничтожить "синкретичный армянский эллинистический пантеон", эллинистические храмы[1]. ***Политика насильственного насаждения в Армении зороастризма и противоборство Армении фактически приобрели характер столкновения не только двух форм религиозной идеологии, но и двух форм мировоззрения, систем культурных ценностей и духовно-интеллектуальной ориентации. В этой борьбе Армения выступала как носитель и защитник эллинистических традиций, как представитель эллинистического культурного мира.***

Таким образом, противоборство соседних могущественных держав, в том числе за господство в стратегически важной для них Армении, углубление процесса феодализации, усиление в связи с этим центробежных устремлений армянских князей-нахараров, междоусобицы, формирование среди знати проримской и проперсидской политико-идеологической ориентаций расшатывали устои государства, угрожая не только его внутренней целостности, но и самому существованию армянской государственности.

Перед страной встала сложнейшая историческая задача по нейтрализации этих губительных процессов и тенденций. Решение задачи с необходимостью требовало укрепления центральной царской власти, что в свою очередь предполагало объединить все слои общества, весь народ единой идеей, общенациональными задачами и интересами. При этом идеи централизованной власти, государственной целостности и национальной самобытности должны были восприниматься как идентичные. ***Такую функцию могла выполнить лишь хорошо разработанная идеологическая система***, которая подкрепляла бы идею верховенства и незыблемости центральной царской власти, способствовала бы консолидации на их основе всех слоев народа, сохранению и упрочению его единства. Между тем, господствующий в стране политеизм, как мировоззрение и идеология в новых исторических условиях, не только был не способен способствовать решению проблем, но и потенциально содержал обоснование автономности отдельных нахарарских родов, нахарарского строя, центробежных тенденций.

Среди множества разноликих религиозных течений и культов, распространенных в регионе, этим требованиям в наибольшей мере отвечало набирающее силу, но еще не имеющее официального статуса, христианство с его ярко выраженным монотеизмом, которое в 301г. царем Трдатом III было провозглашено государственной религией Армении.

Таким образом, во второй половине III века и в Армении, и в Римской империи сложилась в некотором смысле идентичная ситуация: угроза потери государственной целостности и самостоятельности под натиском Сасанидского Ирана и опасность распада империи, обусловленная главным образом внутренними процессами. В обоих случаях объективно чувствовалась неотложная потребность в идейно-религиозном консолидирующем факторе. И хотя христианство, возникшее на территории империи, укрепилось организационно, а церковь полностью была готова предоставить имперской власти свои услуги, влиться в государственные структуры, все же императоры, по тем или иным причинам, оказались не в состоянии оценить по достоинству реальные и потенциальные возможности христианской церкви.

Христианство в Армении не имело такого широкого распространения и тем более не получило организационного оформления, но именно здесь оно впервые в истории человечества было принято в качестве государственной религии. Произошло это благодаря решительным действиям царя Трдата III, его ближайшего окружения и главным образом Григора Лусаворича, что можно

объяснить тем, что, во-первых, наряду с осознанием последствий внутренних процессов феодализации они поняли также всю опасность внешней угрозы для существования национальной государственности, во-вторых, они правильно сориентировались в вопросе выбора средств для сохранения и укрепления государственной целостности, что можно объяснить адекватной оценкой идейно-политической ситуации как в Армении, так и в империи.

Принятие христианства в Армении как государственной религии означало, во-первых, провозглашение новой ***государственной идеологии***, во-вторых, создавало идейно-теоретические предпосылки для идеологического отмежевания как от Ирана, так и от языческого в то время Рима, обеспечения идеологической, а опосредовано – и политической суверенности и независимости Армении – необходимой основы сохранения государственности и самостоятельной политики[2], в-третьих, христианство призвано было в первую очередь на единой (монотеистической) идеологической основе укрепить шаткую государственную целостность, в-четвертых, провозглашение и идеологическое обоснование самостоятельной национально-государственной политики. В этой связи необходимо отметить, что непосредственно после принятия в Армении христианства в Римской империи прокатилась волна антихристианских мероприятий, ожесточенных гонений на христиан и церковь (диаклетиановы репрессии), что отразилось также на взаимоотношениях Армении и Рима. Имели место также военные столкновения, в ходе которых Армения выступала как защитница христианства.

Принятие христианства наметило пути дальнейшего развития армянского народа и армянской государственности, ориентиры и критерии духовной жизни, культуры, мышления, мировоззрения, которые, хотя и с трудом, но постепенно проникали в национальное сознание, в образ жизни, в быт. Со временем оно превратилось в национальную идеологию, в мощное духовное оружие против внешних идейно-политических и духовно-религиозных притязаний.

Культурное самосознание каждого народа воспринимает создание национальных письмен как выдающееся культурно-историческое событие, выражение определенной ступени развития, цивилизованности, необходимую предпосылку для создания и развития письменной культуры. В то же время изобретение письмен тесно связано с уровнем развития государственности, когда становится необходимым “культурное обеспечение”, цивилизационное обоснование военно-политического, экономического и т. п. могущества государства. Такова общая историческая закономерность, такова и история создания письмен у различных народов. В этом случае государственная политика, проводимая в сфере языка и письменной культуры вообще выступает как “продолжение” , конкретизация общей государственной политики.

Однако в истории культуры, в частности, изобретения письмен известны отдельные случаи, нарушающие эту закономерность, то есть когда самому факту создания национальных письмен и национальной культуры изначально придается роль идейно-политического фактора, посредством которого их создатели пытаются решить государственные (или национально-политические) задачи. Иными словами, когда в соотношении культура-политика (государственная или национальная) происходит изменение не только в акцентах, но и на функциональном уровне. Яркой иллюстрацией этому служит история создания армянских письмен и письменности.

В IV веке все усилия армян, направленные на сохранение целостности государства Великая Армения, не увенчались успехом и в середине 80-х гг. IV в. страна была разделена между Сасанидским Ираном и Восточно-римской империей. В Западной (римской) части Армении царство было упразднено сразу, что резко изменило политическую ситуацию не только в самой Армении, но и во всем регионе.

Хотя в Восточной Армении царство номинально просуществовало до 428 г., тем не менее опасность потери государственной целостности стала реальностью и на повестку дня был поставлен вопрос существования армянской государственности. ***Проблемы, связанные с укреплением центральной царской власти и сохранением государственного суверенитета, уступили место другой, более трудной и судьбоносной – проблеме национальной самозащиты, сохранения самобытности национального бытия, остатков государственности, решение которых усугублялось усиливающейся религиозно-идеологической экспансией извне.***

В сложившихся условиях духовные и светские предводители народа осознали, что решение этих, поставленных самой историей задач, возможно лишь путем консолидации всех физических и духовных сил и потенций народа, всех социальных слоев общества, организации всеобщего фронта общенациональной борьбы. Это, в свою очередь, предполагало наличие политически организованной силы с хорошо разработанной и слаженной идеологической системой, способной взять на себя историческую миссию по организации и руководству борьбы против религиозно-идеологических и политических притязаний соседних держав, заменить отсутствующие государственные структуры. В армянской действительности такой силой могла стать Армянская Апостольская церковь, призванная играть главную роль в политико-идеологической и культурной жизни страны, особенно ***после потери политической независимости и государственной целостности***[3].

Существующая же идеологическая система в лице монотеистического христианства, несмотря на столетнее существование в качестве официальной религии, не успела еще полностью раскрыть свои потенциальные возможности и не стала общенациональной религией, потому и не могла превратиться в единую духовную и идеологическую силу, охватывающую всю территорию Армении, все социальные слои общества и народа. Армянская церковь институционально оформилась, национализировалась, укрепилась как политический и социально-экономический институт, став своеобразным нахарарством, но она еще не стала символом идейного и духовного единства нации, выразительницей и носителем национальных интересов.

Выполнению этой исторической миссии препятствовали не только историческая память народа, богатое языческое прошлое, жизненность устоявшихся в течение столетий традиционных форм мировоззрения, но и то обстоятельство, что в Армении распространение христианства, церковное богослужение велось не на родном языке, а на чуждых для широких народных масс языках – греческом и сирийском. Это обстоятельство существенно мешало полнокровной и масштабной деятельности армянской церкви, процессу превращения ее в национальную церковь, повсеместному распространению христианства, превращению религии в национальную веру, в духовное убеждение. Иными словами, будучи государственной религией, следовательно, и государственной идеологией в течение столетия, христианство не превратилось в ***общенациональную религию и общенациональную идеологию.*** Это обстоятельство объясняется и тем, что лишь незначительная часть народа преимущественно знать, владеющая греческой и сирийской письменностью,

могла понять суть и значение этой религии. Многие же приняли христианство по “принуждению, без ревностной веры, не сознательно, не с надеждой и верой, как подобало”[4].

Кроме того, хотя после раздела Армении обе ее части (особенно, восточная) пользовались определенной внутренней самостоятельностью, однако вскоре обе соседние державы возобновили политику идейной и религиозной ассимиляции. Интересно, что это прежде всего проявилось в сфере языковой политики. В персидской части Армении был наложен запрет на греческий язык, являвшийся официальным языком армянской церкви, учебно-образовательной системы, культурной деятельности, деловых сношений – внутренних и внешних, а в византийской части – на сирийский и персидский языки, выполнявших, особенно, сирийский, идентичные функции. Каждая из держав стремилась посредством языкового фактора решить вопросы духовно-религиозного и идейно-политического характера, подчинить их своим стратегическим имперским интересам, в реализации которых Армении отводилась первостепенная роль. То есть в конкретных исторических и идейно-политических условиях сама проблема языка приобрела политическое содержание и направленность, выйдя за рамки сферы культуры.

Вследствие этого, возникла довольно-таки сложная идейно-политическая и культурная ситуация, в которой переплелись жизненные интересы Армении, имперские интересы Сасанидского Ирана и Восточно-римской империи. Армянские идеологи, правильно ориентируясь в сложнейших политических перипетиях и осознав веление времени, пришли к с точки зрения практической политики трудно воспринимаемому, но в смысле политического мышления концептуальному выводу, что для решения проблем национальной самозащиты необходимо, прежде всего, придать армянскому языку статус официального языка церкви, а значит – и управления, политической и культурной деятельности. Для реализации же этой задачи было необходимо создать национальные письмена, богослужебную и другую литературу на армянском языке.

По замыслу армянских политических деятелей и мыслителей создание национальных письмен было призвано, во-первых, укрепить позиции армянской христианской церкви и христианского вероучения, вывести страну и народ из своеобразного тупика. Во-вторых, создать своеобразный заслон на пути идейно-религиозной экспансии Ирана и домогательств покровительствуемой им сироязычной церкви – проводницы политики Сасанидов. В-третьих, усилить национальный характер армянской церкви, предоставляя возможность на языковой основе проводить линию, отделяющую ее от греческой христианской церкви (тенденцию отделения от всеобщей христианской церкви, проведения самостоятельной церковной политики). Ведь отнюдь не случайно, что Византия впоследствии усмотрела в этом проявление центробежных, сепаратистских устремлений армянской церкви. Вместе с тем, в империи понимали, что нейтрализация в перспективе влияния сирийской церкви (соперницы греческой церкви, в том числе в борьбе за позиции в армянской церкви) на армянскую, уменьшение ее роли и ослабление позиции в религиозной жизни армян вполне отвечает интересам империи и греческой церкви. Что касается позиции Сасанидского Ирана, то он (как и империя) в тот период не мог вести активную внешнюю политику и вынужден был довольствоваться тем, что изобретение армянских письмен противоречило также интересам греческой церкви и империи. В итоге ***обе державы проявили ощутимую терпимость к созданию армянского алфавита, так как политическая***

чаша весов в принципе не склонялась в пользу ни той, ни другой из противоборствующих соседних держав.

Таким образом, идея создания армянского алфавита явилась не “неизбежным” результатом общественного развития[5] или естественным следствием социально-экономических, политических и цивилизационных сдвигов в IV – V веках, а выражением оригинального политического мышления национальных деятелей и идеологов. Эта задача была блестяще выполнена в 405 г. великим ученым и просветителем Месропом Маштоцем при активном участии армянского католикоса Саака Партева и всемерном содействии царя Врамшапуха (388 – 414).

Однако вопрос создания армянских письмен в начале V века, то есть спустя столетие после принятия христианства в качестве государственной религии продолжает интересовать арменоведов и еще ждет своего решения. Тем более, что более естественным и закономерным представляется создание алфавита непосредственно после принятия христианства, как это имело место у целого ряда народов (коптов, славян и др.). Сложность проблемы заключается в том, что изобретение армянских письмен является не только выдающимся культурным явлением в жизни народа. В этом факте переплелись идейные, политические, национальные, церковно-религиозные, культурные и другие факторы, то есть он представляет собой комплекс проблем, что, в свою очередь, требует комплексного подхода.

В аспекте данного исследования примечательно, что как показывают сохранившиеся исторические сведения и соответствующая научная литература, идея создания национальных письмен сформировалась после упразднения царства в Западной Армении в 390 – 391 гг. Армянские идеологи сознавали, что подобное в недалеком будущем может произойти и с восточной частью Армении. То есть с самого начала указанная идея имела ярко выраженный национально-политический оттенок.

В арменоведении бытовало мнение, согласно которому создание армянского алфавита и письменности было обусловлено необходимостью богослужения и распространения христианства, создания христианской литературы на родном языке, то есть сугубо нуждами церкви. Хотя исследователи и указывали политическое значение данного культурного феномена, однако же не раскрывали суть его политического содержания. В этом смысле определенный интерес представляет точка зрения А. Мартиросяна, согласно которой “основные стимулы имели не религиозно-церковный, а национально-религиозно-политический характер, и не следует особо разделять их и выискивать грани различия”, что изобретение “алфавита было порождено вовсе не необходимостью иметь церковную литературу на родном языке. Национальную письменность и национальную христианскую литературу призвали к жизни политические тенденции пробуждающегося национального самосознания и необходимостью организовать сопротивление надвигающейся опасности”[6]. Данная точка зрения, подчеркивающая национально-политические мотивы создания армянских письмен, еще не получила должной оценки и раскрытия в арменоведческой литературе.

Мне представляется, что отмеченные концептуальные установки, хотя и акцентируют действие различных факторов, тем не менее, они в принципе не противоположны, а составляют различные звенья единой идейно-политической концепции по спасению страны и нации от нависшей угрозы.

Кристаллизация идеи создания национальных письмен и их изобретения представляют длительный и трудный процесс, что было обусловлено не только

и не столько языковой и культурной сложностью задачи, сколько наличием ряда препятствий общехристианского религиозного и идейно-политического характера. Без решения подобных проблем невозможно было даже приступить к решению более конкретной задачи – созданию письмен. При этом следует учитывать то обстоятельство, что упомянутая проблема тесно переплеталась с интересами Восточно-римской империи и Сасанидского Ирана. Следовательно, создание алфавита предполагало решение ряда сложных политических, межцерковных и дипломатических проблем.

В этом смысле представляет несомненный интерес деятельность Месропа Маштоца, которая, несмотря на имеющуюся богатую литературу, не получила еще должной оценки в арменоведении. Существующее положение объясняется тем, что исследования имели преимущественно эмпирический, текстологический, фактографический характер, а сведения, содержащиеся в основном письменном источнике – сочинении ученика Маштоца Корюна "Житие Маштоца" – рассматривались в прямом смысле, без учета подспудного смыслового уровня.

Так, оставление Маштоцем царской службы и получение священнического сана, а через короткое время отправление в гавар Гохтн, где наиболее сильны были позиции язычества (в том числе маздеизм) трудно объяснить одним христолюбием Маштоца и его склонностью к проповеднической деятельности.

Согласно Корюну, именно во время этой поездки у Маштоца возникла мысль о необходимости создания армянских письмен с целью распространения и укрепления христианского вероучения, его внедрения в сознание народа. Возвратившись в столицу Вагаршапат и сообщив об этом католикосу Сааку Партеву и царю Врамшапуху, Маштоц узнает, что они также пришли к подобной идее. Более вероятным кажется другое объяснение, а именно: эта идея возникла у царя и католикоса задолго до отправки Маштоца в центр язычества в Армении. Более того, основной целью поездки Маштоца было изучение на месте причин жизнестойкости языческих традиций, в ходе проповеднической деятельности на практике апробировать необходимость и возможность реализации указанной идеи для выработки последующих действий.

Однако наличие идеи и убежденность в ее правильности отнюдь не достаточны, даже если в этом заинтересованы царь и католокос. Вопрос не сводится и к тому, что для этого необходимо было одобрение всеармянского церковного собора, как полагают некоторые исследователи[7]. Известно, что такой собор был созван по инициативе католикоса Саака Партева и Месропа Маштоца, который, кстати, отверг идею создания армянских письмен.

При этом, исследователи не учитывают следующие обстоятельства.

Во-первых, вопрос создания национальных письмен не входил в компетенцию церковных соборов[8].

Во-вторых, трудно представить, чтобы церковный собор отверг предложение царя и католикоса, которое целиком и полностью отвечало интересам Армянской церкви, а в данном случае и всего армянского народа.

В-третьих, не кажется убедительным то объяснение, согласно которому, мол, отрицательное решение собора было обусловлено позицией армянских епископов – сирийцев по происхождению или просирийской и прогреческой церковных партий, существовавших в лоне Армянской церкви.

В-четвертых, армянский царь и католикос, по-видимому, имели и другие способы воздействия на участников собора.

В-пятых, для опровержения предложения царя и католокоса епископы должны были противопоставить им более фундаментальные общехристианские аргументы и принципы.

В этом смысле кажется более вероятным и убедительным другое объяснение: на упомянутом соборе речь шла не о создании национальных письмен или выборе одного из 15 основных диалектов в качестве основы для литературного языка, а о ***принципиальной возможности придания армянскому языку официального статуса.*** Этот вопрос уже непосредственно касается всех христианских церквей и мог стать предметом обсуждения на церковном соборе. (К тому же не следует забывать, что еще не было Халкидонского собора, что формально речь шла о единой общехристианской церкви). В пользу данного соображения свидетельствует и то обстоятельство, что после создания армянских письмен и возвращения Маштоца из Сирии не было необходимости в созыве церковного собора для их утверждения, а армянские епископы-сирийцы не проявили какого-либо противодействия этому.

Известно, что в христианском мире действовал следующий принцип: в западной части империи с Богом можно общаться только на латинском и греческом, а в восточной – на греческом и сирийском. Естественно, что церковная литература также создавалась только на этих языках. В обеих частях христианского мира запрещалось использование "третьего" языка, что рассматривалось как ересь, которая получила название "трехъязычной ереси". Следовательно, позиция всеармянского церковного собора имела серьезную идейно-политическую и церковно-религиозную подоплеку. Поэтому перед царем Врамшапухом и католикосом Сааком стояла более трудная задача: избежать обвинения со стороны христианского мира в "трехъязычной" ереси и нейтрализовать противодействие действующих в Армянской церкви партий (особенно, сирийской). Для выхода из сложившейся ситуации существовал один путь – получить согласие иерархов, или сирийской или греческой церкви на создание национальных письмен, ибо только в этом случае они могли быть признаны законными. Царь Врамшапух и католокос Саак остановили свой выбор на сирийской церкви, что можно объяснить следующими причинами:

1) В этот период позиции сирийской церкви в Армении были более сильны, чем греческой церкви.

2) В отличие от греческой сирийская церковь не имела государственно-политической опоры.

3) По-видимому, учитывалось и то обстоятельство, что в это время западная часть Армении была включена в состав Восточно-римской империи.

Приведенные аргументы и соображения позволяют определенным образом утверждать, что поездка Маштоца в сирийские религиозные и культурные центры (Эдессу, Амид, Самосат), обусловлена не культурными, а церковно-политическими соображениями. Его задача заключалась в том, чтобы убедить иерархов сирийской церкви и получить их согласие на проведение богослужения в армянской церкви на родном языке, и, как следствие, право на изобретение национальных письмен. Тем самым нейтрализовывалась опасность обвинения в ереси и сирийская партия в Армении уже не могла препятствовать созданию армянских письмен. Сказанное свидетельствует о том, что сирийская миссия Маштоца была прежде всего дипломатической и он выступал в качестве личного представителя, посла армянского царя (возможно, и католикоса). Этим можно объяснить высокий уровень приема со стороны светских и духовных предводителей Эдессы, Амида и Самосата.

Несомненно, что Маштоц во время переговоров с иерархами сирийской церкви должен был проявить незаурядные дипломатические способности, умение лавировать в тонких церковно-политических вопросах, глубокую осведомленность в межцерковных отношениях, в догматических различиях, нюансах, идейно-политических контекстах восточно-христианского мира. В противном случае ему вряд ли удалось выполнить возложенную на него миссию. Однако из-за отсутствия письменных свидетельств весьма трудно судить о конкретных аргументах, использованных Маштоцем в ходе переговоров.

Тем не менее, дальнейшая культурно-просветительская деятельность школы Саака Партева и Месропа Маштоца, особенности армянских письмен и письменности, взаимоотношения Армянской церкви с Сирийской и Греческой церквами и многие другие обстоятельства позволяют в общих чертах обрисовать и реконструировать некоторые концептуальные установки, которыми руководствовались царь Врамшапух, католикос Саак Партев и Месроп Маштоц.

Своим обращением к сирийским, а не к греческим епископам, Армянская церковь выразила свое отношение к сирийской церкви, следовательно, и к сирийскому языку как одному из официальных языков христианской церкви. Поэтому отнюдь не случайно, что на первом этапе деятельности армянской переводческой школы переводы осуществлялись преимущественно с сирийского, хотя отправной моделью для создания армянского алфавита считается именно греческий алфавит.

Кроме того, если принять во внимание, что и Саак Партев и Месроп Маштоц получили прекрасное эллинистическое образование, греческую ориентацию рода Просветителей, то более вероятным казалось обращение к греческим письменным памятникам. Более того, будучи образованными людьми своего времени они наверняка знали, что сирийская христианская литература была в основном производной от греческой. Поэтому, если следовать культурологической логике, то более целесообразным оказался бы перевод именно греческих памятников.

Упомянутое обстоятельство более подчеркнуто проявилось при переводе христианской Книги Книг – Библии. Первый перевод Библии на армянский был сделан с сирийского, непосредственно после создания армянских письмен. Сирийский текст был неполным, что, естественно, было известно армянским деятелям. Тем более, что в Армении одинаково были распространены как сирийские, так и греческие списки Библии, ибо оба языка являлись официальными языками Армянской церкви. По всей вероятности, перевод Библии с сирийского был той “платой”, которую заплатила Армянская церковь для получения благословления сирийской церкви на изобретение армянских письмен, одним из пунктов в переговорах Маштоца.

Следует принять во внимание и то обстоятельство, что проявленную сирийской церковью толерантность можно объяснить и тем, что Армянская церковь имела альтернативный вариант. В случае ее отказа Маштоц мог обратиться с тем же предложением к иерархам греческой церкви. В связи с этим нелишне вспомнить осуждение императора Феодосия II Младшего относительно отправления Маштоца в Сирию, а не в Грецию. В этом случае в регионе усилилось бы влияние греческой церкви, что в корне противоречило интересам сирийской церкви. Это обстоятельство не могли не учесть главы как Армянской, так и Сирийской церкви.

Месроп Маштоц блестяще выполнил культурную миссию, связанную с созданием армянских письмен. Для полной реализации намеченной национально-политической программы необходимо было соответствующим образом отразить ее в алфавите. То есть при создании алфавита он должен был учесть не только фонетическую систему армянского языка и ее особенности, но и идейно-политическую и церковно-религиозную ситуацию в стране и в регионе, а также национально-политические интересы народа.

История создания армянского алфавита, его строение становились предметом многочисленных исследований. На этот счет существует солидная литература. В интересующем нас аспекте и по ряду соображений здесь целесообразно привести точку зрения выдающегося лингвиста Т. Гамкрелидзе, высказанную в одной из его последних работ, где охватывается широкий спектр проблем и в этом смысле значительно отличается от других работ и имеет ярко выраженный концептуальный характер. Основные положения его концепции сводятся к следующему.

1) При составлении алфавитного ряда Месроп Маштоц из парадигматики греческой системы-прототипа предварительно устранил все эписемоны, то есть те знаки, которые в греческом выражали лишь числовые значения и не имели никакого фонетического значения, а также “все графические символы, обозначающие специфические для греческого и нехарактерные для армянского звуки’’. Он осуществил не фонетическую субституцию “специфических для греческого фонетических значений собственно армянскими звуками (как это имело место при создании коптской, готской и древнегрузинской письменностей)’’, а ‘’редукцию’’ греческого алфавитного ряда на последовательность, содержащую лишь фонетические корреляты армянских звуковых единиц’’. Именно после этих предварительных заготовок ‘’греческая парадигматическая последовательность явилась исходным ядром фонетических значений’’ для армянского алфавита[9].

‘’Специфически армянские’’ фонетические значения Месроп Маштоц включил в свой алфавит не в виде продолжения исходной – греческой модели, как это имело место в случае с коптским, готским и древнегрузинским алфавитами, а включаются в систему-прототип, вследствие чего исходная модель как бы растворяется в новой системе, создавая новую парадигматику. Это, в свою очередь, создает новую систему числовых значений, отличную от греческой. Этим армянский алфавит отличается от указанных трех алфавитов. Таким образом, греческая письменность выступает у Месропа Маштоца лишь в качестве ‘’опорной системы’’ для выделения определенных армянских звуковых единиц.

2) В отличие от коптской и готской системы, копирующих графику соответствующих знаков греческого письма, Месроп Маштоц сознательно исходит из совершенно иной графической основы. Т. Гамкрелидзе неоднократно подчеркивает, что в армянской письменной системе буквы имеют самобытные названия, большая часть которых создана на армянской фонетической основе. ‘’Графика древнеармянской письменности, – утверждает Т. Гамкрелидзе, – есть продукт оригинального творчества ее создателя и не есть результат исторического преобразования или графического воспроизведения какой-либо одной определенной письменности’’[10].

Указав на ряд особенностей и отличительных черт армянского алфавита, Т. Гамкрелидзе отмечает, что ‘’мотивом для подобного свободного творчества и создание оригинальных по начертанию письменных знаков должно было быть стремление скрыть зависимость вновь создаваемой письменности от

письменного источника, использованного в качестве модели для ее создания''. Позиция ученого отчетливо проявляется в продолжении данного утверждения: таким путем создавалась ''***внешне*** оригинальная национальная письменность, как бы независимая от каких бы то ни было внешних влияний и связей'' (подчеркнуто нами – К. М.)[11]. Этими же соображениями Т. Гамкрелидзе объясняет распределение добавочных букв армянского алфавита среди символов системы-прототипа, нарушение последовательности символов, возникновение новой системы числовых значений.

Таким образом, по мнению ученого, при создании армянского алфавита Месроп Маштоц исходил из принципов и норм существующих алфавитов и особенностей звуковой системы армянского языка, а не из одного алфавита. Вместе с тем он подчеркивает мысль о том, что созданный Маштоцем алфавит ни по парадигматике, ни по последовательности звуковых единиц и выражающих их буквенных знаков, ни по форме письма, ни по названиям букв, ни по числовым значениям не сводится ни к одному из использованных алфавитов. Гений Маштоца проявился в том, что выбор различных принципов построения алфавита и письма у него не свелся к механическому, эклектическому их сочетанию. Он мастерски синтезировал их, создав не только качественно новый алфавит, но и самобытную систему методов и принципов создания оригинального алфавита вообще. В этом заключается творческий характер созданного им алфавита.

Каковы же побудительные мотивы или причины подобного подхода? По мнению Т. Гамкрелидзе, ''это было, по всей вероятности, некоторым проявлением тенденций, диктовавшихся в восточно-христианском культурном мире того времени определенными религиозно-политическими соображениями, к ***сокрытию всякой связи и зависимости местной христианской культуры от греческой''*** (подчеркнуто нами – К. М.)[12]. И далее: ''Создание самобытной национальной письменности диктуется общей тенденцией после христианизации страны к возрождению местной культуры на базе национального языка. Объявление христианства официальной религией страны подразумевало в то же время развитие широкой деятельности по переводу и распространению христианской литературы на национальном языке с помощью специально созданной для этих целей новой письменности''[13].

В суждениях Т. Гамкрелидзе проявляется определенное противоречие, если не сказать тенденциозность. Как ученый, аргументируя ряд сторон творческого гения Маштоца, он вместе с тем в своей трактовке факта создания армянских письмен представляет его причины и сопутствующие факторы таким образом, что возникает противоречие между научным анализом конкретных фактов и их трактовкой, что, в конечном счете, умаляет национально-политическую значимость изобретения армянских письмен.

Так, многократно отмечая оригинальность подходов и решений Маштоца, Т. Гамкрелидзе, тем не менее, пытается объяснить это простым стремлением скрыть зависимость армянского алфавита от исходной модели – греческого алфавита, в результате чего создается внешне самобытный алфавит. Естественно, что маститый ученый не мог не знать, что самобытность алфавита любого народа (не внешней, скрытой, а действительной) обусловлена не отсутствием письменного источника, что относится практически ко всем алфавитам, в том числе греческой модели-прототипу, а особенностями созданного на ее основе алфавита, оригинальностью использованных принципов, подходов и т. д. Иными словами, наличие исходной модели нельзя

рассматривать как критерий самобытности письмен, ***критерием может послужить результат творчества***, а не его основа.

В приведенных суждениях Т. Гамкрелидзе отражены наиболее общие тенденции, характерные для всего христианского мира, которые можно рассматривать как выражение внутренних потребностей христианизирующихся народов. Однако осознание и осмысление, а тем более актуализация этих потребностей зависела от целого ряда факторов и условий. Во-первых, это зависело от условий, при которых было принято христианство, статуса церкви как среди народа, его восприятия в национальном сознании, так и в христианском мире в целом. Во-вторых, от наличия или отсутствия политической независимости и собственной государственности. В-третьих, от уровня духовно-интеллектуального и идейно-политического развития нации, национального сознания и самосознания, осмысления на этой основе комплекса национально-политических проблем.

Известно, что, как отмечает и сам Т. Гамкрелидзе, римская церковь ''отказывала местным народам в праве перевода книг Св. Писания на их языки и богослужения на родном языке''[14]. Однако это не означало, что восточно-христианская церковь была более либеральной и терпимой[15]. Дело в том, что в восточно-христианском мире, наряду с греческой церковью, исторически сложились и другие христианские церкви – сирийская, египетская, по силе и значимости не уступающие греческой, и долгое время конкурирующие с ней за первенство в христианском мире. Что касается, например, создания коптского алфавита, то оно имело место в период усиления египетской церкви и греческая церковь никак не могла препятствовать этому.

Иная ситуация сложилась в Армении в начале V века, то есть в период создания армянских письмен. Греческая церковь стремилась к гегемонии и за нею стояла государственно-политическая власть Восточно-римской империи. Сирийская церковь продолжала оставаться мощной идейно-религиозной силой и имела сильные позиции в восточных провинциях империи и в самой Армении. Обе церкви проводили свою политику в Армении через соответствующие партии внутри армянской церкви и особенно через языки и богослужебную литературу. Эти обстоятельства также должны были учесть армянские идеологи, в том числе Саак Партев, царь Врамшапух и Месроп Маштоц. Таким образом, ситуация была намного сложнее, чем сама проблема создания армянского алфавита и богослужения на армянском языке.

Изобретение национальных письмен, таким образом, явилось поворотным событием в культурно-исторической жизни армянского народа и было продиктовано следующими обстоятельствами: I) потерей государственной целостности (сер. 80-х годов IV в.) и угрозой потери государственности как таковой, что и произошло в 428г.; 2) необходимостью создания мощного идеологического заслона с целью пресечения политико-идеологической экспансии извне и в первую очередь со стороны маздеистской Персии; 3) потребностью широкого распространения и повсеместного внедрения в народное сознание христианской идеологии как единственного в то время дееспособного духовно-идеологического оружия; 4) потребностью ведения богослужения на родном, общепонятном армянском языке для обеспечения внутреннего духовного и идейного единства народа; 5) для создания необходимых предпосылок для создания христианской переводной, а затем и оригинальной литературы.

Маштоц на основе тщательного изучения алфавитов многих цивилизованных народов и учета лучших принципов письма и графики создал

алфавит более богатый по сравнению с использованными письменами, а также самобытные буквенные знаки. “Познать мудрость и наставления, понять изречения разума” – первые слова, написанные армянскими письменами на родном языке.

Изобретение армянского алфавита сыграло непреходящую роль в духовно-интеллектуальном развитии народа, создало мощный фундамент для равертываемой борьбы за духовную и культурную самобытность, а через это – и борьбы за “сохранение или восстановление национальной” или государственной независимости[16]. Хотя этот осознанный культурно-исторический акт был “опосредован потребностями церкви и религии”, однако они, в свою очередь, являлись порождением конкретной политической и идеологической ситуации в стране, будучи в конечном счете подчинены общенациональным интересам.

Создание национальных письмен позволило также избавиться от “засилья” греческого и сирийского языков, духовного, политического и идеологического влияния посредством этих языков соответствующих христианских церквей, что означало также ***создание своеобразного культурного заслона на пути политико-идеологической агрессии стоящих за этими церквами держав*** – Византии и Ирана.

Важнейшим элементом данной программы являлось обеспечение необходимой церковно-богословской литературой на родном языке. Естественно, что на первых порах речь могла идти о переводной литературе. Поэтому Месроп Маштоц и Саак Партев со своими многочисленными учениками, получившими прекрасное образование в лучших греческих и сирийских культурных центрах, приступили к переводу основных памятников церковно-богословской литературы, творений отцов церкви и в первую очередь Библии, дабы “облегчить просвещение своего народа”. С этой же целью наиболее одаренная армянская молодежь отправлялась в Сирию, Византию. Перевод Библии способствовал превращению армянского языка в общенациональный литературный язык, давал официальное признание живому разговорному языку.

К середине V века армянские переводчики перевели с греческого и сирийского основную церковно-богословскую литературу, в частности, произведения видных христианских писателей – Василия Кесарийского, Иоанна Златоуста, Афанасия Александрийского, Евсевия Кесарийского, Ефрема Сирина, Григория Назианзина, Григория Нисского и др. В своей деятельности первая школа переводчиков руководствовалась строгой программой, включающей основные разделы христианской литературы – библику, герменевтику, апологетику, литургику, патристику, мартирологию и агиографию, канонику, историю. Переводная литература послужила основой для становления оригинальной армянской христианской литературы.

Переводная и оригинальная литература, созданная в первой половине V века, была призвана решать конкретные духовно-культурные и политико-идеологические задачи и была направлена главным образом против экспансионистской политики Ирана.

Месроп Маштоц и Саак Партев понимали, что этого недостаточно, что необходимо расширить фронт борьбы и создать надежный тыл, дабы суметь выстоять против внешней агрессии. Исходя из этих соображений, Маштоц приступает к созданию письмен для иверского и агванского языков, при поддержке правителей и церковных иерархов этих стран налаживает культурно-просветительское и переводческое дело. В значительной мере этому

способствовало то обстоятельство, что церкви этих стран были тесно связаны с армянской церковью и фактически “находились под той же угрозой”[17].

Укрепив таким образом тыл, Маштоц сумел распространить армянские письмена и в византийской части Армении (421-422), добился того, что в армянских церквах богослужение впредь уже совершалось на армянском языке. Тем самым были созданы предпосылки для обеспечения языкового и культурно-духовного единства народа, языковой автономности, ослабления влияния греческого языка и литературы, а одновременно, и идейно-политического подчинения.

Итак, был создан широкий фронт борьбы, развернуто мощное культурное движение за идейную и духовную самобытность, что было призвано компенсировать отсутствие государственности, рудиментарность и зыбкость политической независимости. В этом заключается гениальность этих трех титанов мысли, концепция их широкомасштабной деятельности с ярко выраженной национально-политической направленностью. Месроп Маштоц и Саак Партев представляются взору современного исследователя как ***духовные и политические лидеры, идеологи народа***, не только глубоко осознавшие роль и значение культурного фактора в сохранении самобытности национального бытия, но и планомерно и методично проводившие в жизнь свою программу.

Благодаря этому христианство, ***официально*** принятое в стране столетием раньше, за короткий исторический период превратилось и в ***господствующую и общенациональную*** религию, а Армянская церковь стала выразителем и защитником общенациональных интересов, вследствие чего борьба за христианскую церковь и веру в то время правомерно отождествлялась с борьбой за национальную, государственную и политическую независимость. Аварайрская битва 451г. явилась материальной формой выражения идейно-политических сдвигов в национальном сознании. Мощный заслон на пути политико-идеологической экспансии заставил Иран фактически отказаться от проводимой им захватнической политики, а Армения вскоре приобрела статус самостоятельного государства. Позиции христианства в Армении значительно укрепились, а персидская угроза отошла на второй план.

Таким образом, создание армянского алфавита вряд ли правомерно рассматривать как результат закономерного общественно-политического и социально-экономического развития страны. В период после раздела Армении, потери государственного суверенитета вряд ли можно говорить о развитии (тем более закономерном) указанных сфер национальной жизни. Что касается обусловленности создания национальных письмен необходимостью создания христианской церковной литературы на родном языке, то эта проблема была более актуальной, особенно после принятия христианства в качестве государственной религии, то есть столетием раньше. Логика армянских политических деятелей и мыслителей развивалась в противоположном направлении – развернув на базе армянских письмен мощное культурно-духовное и идеологическое движение, обеспечить культурную самобытность нации, гарантию духовной и культурной безопасности. Изобретение национальных письмен должно было послужить основой для развития высоких форм национальной культуры – научной, философской, художественной и др., для подъема национального сознания и самосознания. А это не только культурная, но и общеполитическая задача. Следовательно, стержневым, определяющим фактором стал фактор ***политический***, а остальные были производными и вспомогательными, а не наоборот.

Добавим, что только адекватным осмыслением и подчеркиванием политического аспекта проблемы можно объяснить сведения Корюна и других армянских историков о деятельности Маштоца.

Таким образом, идеологи армянского народа сознавали, что стремление к национально-культурной самобытности можно осуществить только путем усвоения общечеловеческих ценностей, но проведя их через призму национального сознания и национальных ценностей, творчески переосмысливая и включая в контекст задач, периодически встающих перед нацией и ее идеологами. Только в этом случае возможно создать действительно самобытную национальную культуру – жизнеспособную и действенную, способную решить разнородные проблемы национального бытия. Самобытность не исключает, а наоборот, предполагает взаимовлияние, следовательно, и взаимообогащение культур. Ярким свидетельством этому является многовековая история культуры армянского народа, которую можно представить как один из вариантов постоянного синтеза различных культурных традиций и ценностей, а Армению – как место встречи и скрещивания начал Востока и Запада. Более того, указанный процесс имел не столько естественный или стихийный характер, а приобрел значение важнейшего теоретико-методологического и идейно-политического принципа.

Уже Тигран Великий придал культуре и, в первую очередь, эллинистической, статус политического фактора, посредством которого попытался решить государственно-политические задачи: укрепление государственного строя, урегулирование межэтнических отношений, обеспечение социальной гармонии, целостности государственных и социальных структур империи. Именно в период его царствования была создана политическая концепция культуры, которая впоследствии видоизменилась, обогатилась новыми элементами, но как концептуально-политический принцип сохранился вплоть до XX века.

Концепция культурной самобытности под влиянием "внешних" факторов становилась одним из могучих средств и способов опосредованного, а иногда и прямого обоснования идеи политической независимости и национальной государственности.

Программной сверхидеей, пронизывающей все политическое мышление армянских деятелей, как светских, так и церковно-религиозных, была идея государственной целостности, национального единства, а с их потерей – восстановления национальной, политической и государственной независимости. ***То, что было потеряно в реальной государственно-политической сфере, они стремились сохранить в сознании армянского народа, отсутствие государственной целостности и политической независимости заменили идейным, языковым и культурным единством народа.***

Сказанное имеет не только историческое значение, оно одновременно является живым уроком и для нашего поколения. Деятели Армянской Апостольской церкви и культуры в течение веков, фактически, выступали и как политические мыслители, носители национально-политической программы, способствуя обеспечению культурной, а опосредовано, и политической независимости. Этой цели были подчинены все сферы духовно-культурной жизни, в том числе наука, философия, искусство, школьно-образовательная система и др.

1 История армянского народа. Т. 2. Ер., 1984. С. 53 (на арм. яз.).
2 Ср.: Там же. С. 71.
3 Ср.: Там же. С. 12 – 13.
4 Фавстос Бузанд. История Армении. Ер., 1987. Кн. III, XIII (на арм. яз.).
5 Ср.: Аревшатян С. С. Формирование философской науки в древней Армении (V – VI вв.). Ер., 1973. С. 32.
6 Мартиросян А. А. Маштоц. Ер., 1973. С. 32.
7 См.: Ачарян Гр. Армянские письмена. Ер., 1984. С. 96 (на арм. яз.).
8 См. также: Мартиросян А. А. Указ. соч.
9 Гамкрелидзе Т.В. Алфавитное письмо и древнегрузинская письменность. Тбилиси, 1989. С. 296-297 (на груз. яз.; цитируется пространное резюме на рус яз.).
10 Там же. С. 251.
11 Там же.
12 Там же. С. 252, 293 – 294. См. Также: Ачарян Гр. Армянские письмена.
13 Там же. С. 294.
14 Там же. С. 251, 263.
15 Ср.: Там же.
16 См.: Аревшатян С. С. Указ. работа. С. 33- 34.
17 См.: Абегян М. Месроп Маштоц и изобретение армянских письмен и письменности // Корюн. Житие Маштоца. Ер., 1981. С. 48.

ИЗОБРЕТЕНИЕ АРМЯНСКИХ ПИСЬМЕН КАК ФАКТОР БОРЬБЫ ЗА НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ

Мирумян К. А.

Наши разделенные на части земли
Это только он вновь свел воедино
И соединил – но уже в нашей мысли.

Паруйр Севак

В культурно-историческом бытии каждого народа прослеживается проявление как общеисторического, так и сугубо национального. История народа – носителя общечеловеческих ценностей – это постоянный процесс трансформации, преломления и, одновременно, обогащения, нюансировки общих закономерностей, что, в свою свою очередь, конкретизирует, "приземляет", "индивидуализирует" логику культурно-исторического процесса. Каждый народ в своем развитии специфически отражает общечеловеческие ценности, по-своему усваивает и участвует в их создании.

В значительной мере эти культурные процессы обусловлены конкретными историческими, политическими, экономическими, социокультурными факторами, а также ***внутренней духовной потенцией*** народа. Именно комплекс этих факторов, их сопряженность, гармония и определяют "лицо" нации в истории цивилизации, которую условно можно представить в виде смены сложных, многоуровневых и многогранных культурно-исторических периодов, создаваемых усилиями многих народов.

Одновременно культура каждого народа – неотъемлемый компонент его исторического и национального бытия. Ее состояние обусловливается наличием или отсутствием государственности, степенью политической независимости страны, социально-экономической структурой общества, политической системой государства – и что очень важно – местом культуры в политической программе или идеологии власти, функциональной ролью, отводимой ей. Конечно, безотносительно ко всему этому культура, в широком понимании этого слова, то есть как продукт специфической человеческой деятельности, продолжает существовать, она не исчезает полностью, так как это может произойти только с исчезновением народа-носителя. В данном случае речь идет преимущественно о сохранении в той или иной мере культурного наследия, но отнюдь не о развитии, приобщении к общечеловеческим ценностям, их обогащении посредством собственной национальной культуры.

Значение культуры в истории народов и государств трудно переоценить, но она играла и продолжает играть неоднозначную роль. О культуре в любом ее значении говорилось и говорится с уважением. Однако на деле отношение к сфере культуры не всегда адекватно словесно-лозунговому отношению.

В истории некоторых народов культурный фактор зачастую выполнял и иные – политические, идеологические и другие функции, восполняя их пробел

в жизни народа, то есть приобретал “компесаторную” функцию. При этом имеется в виду не реально-объективное протекание исторического процесса, в ходе которого происходит естественное взаимовлияние и взаимодействие различных форм общественного и национального сознания, так называемых надстроечных явлений, а о сознательном акцентировании культурного начала, ***возведенного в ранг государственной, а в условиях отсутствия государственности и политической независимости — национальной политики.***

Понятно, что сказанное главным образом касается тех народов, которые утратили, а не тех, которые еще не приобрели своей государственности и политической независимости, но вместе с тем обладают мощной внутренней энергией, способной не только компенсировать отсутствие независимости; но и создавать (а не только сохранять) культурные ценности, обогащая своими достижениями сокровищницу мировой культуры. В данном случае речь идет ***о политической концепции культуры, а не о культурной политике или политике в сфере культуры.*** Создать подобную концепцию, а тем более реализовать ее на практике может только народ, находящийся на определенном и высоком уровне социокультурного и политического развития, имеющий дифференцированные уже формы социального и национального сознания.

Армянский народ в своем развитии прошел все периоды человеческой истории, пережив эпохи подъема и упадка культурной и государственной жизни. Он испытал миграции и опасность смешения народов, этнических групп и религий, общался с цивилизованными и варварскими народами, вовлекался в процесс взаимовлияния культур, пронеся через все исторические перипетии свою национальную и культурную самобытность.

Другой характерной особенностью истории армянского народа является то, что Армения практически всегда находилась между двумя соседними могущественными державами, становясь ареной их постоянной борьбы за военно-политическую гегемонию в регионе, а зачастую и “яблоком раздора” вследствие своего стратегического положения и геополитического значения. Данное обстоятельство, естественно, требовало от предводителей народа также способности проведения тонкой внешней политики и дипломатических навыков. Кроме того, Армении приходилось иногда воевать на два фронта, для чего одной военной силы было недостаточно. Во внешней и внутренней политике царей Великой Армении вырисовывается одна тенденция, которая на первый план выдвигала духовно-культурный и идеологический факторы. Данная установка впоследствии стала стержнем национально-политического мышления. Формируется модель мышления, которая имела различные проявления в различных исторических периодах, в зависимости от политических условий и задач, стоящих перед армянской государственностью и нацией.

В этом смысле примечательно принятие христианства в Армении в качестве государственной религии, что возымело судьбоносное влияние на всю последующую историю армянского народа. Данное культурно-историческое и духовное событие также имеет ярко выраженную политическую тенденцию, которая сопряжена как со сферой практической политики, так и политической теории.

Возрождение древнеиранского зороастризма и его постепенное превращение в государственную религию Персии сопровождалось искоренением эллинистических традиций как в самом Иране, так и в Армении. С целью политического подчинения Армении Сасаниды стремились

уничтожить “синкретичный армянский эллинистический пантеон”, эллинистические храмы[1]. ***Политика насильственного насаждения в Армении зороастризма и противоборство Армении фактически приобрели характер столкновения не только двух форм религиозной идеологии, но и двух форм мировоззрения, систем культурных ценностей и духовно-интеллектуальной ориентации. В этой борьбе Армения выступала как носитель и защитник эллинистических традиций, как представитель эллинистического культурного мира.***

Таким образом, противоборство соседних могущественных держав, в том числе за господство в стратегически важной для них Армении, углубление процесса феодализации, усиление в связи с этим центробежных устремлений армянских князей-нахараров, междоусобицы, формирование среди знати проримской и проперсидской политико-идеологической ориентаций расшатывали устои государства, угрожая не только его внутренней целостности, но и самому существованию армянской государственности.

Перед страной встала сложнейшая историческая задача по нейтрализации этих губительных процессов и тенденций. Решение задачи с необходимостью требовало укрепления центральной царской власти, что в свою очередь предполагало объединить все слои общества, весь народ единой идеей, общенациональными задачами и интересами. При этом идеи централизованной власти, государственной целостности и национальной самобытности должны были восприниматься как идентичные. ***Такую функцию могла выполнить лишь хорошо разработанная идеологическая система***, которая подкрепляла бы идею верховенства и незыблемости центральной царской власти, способствовала бы консолидации на их основе всех слоев народа, сохранению и упрочению его единства. Между тем, господствующий в стране политеизм, как мировоззрение и идеология в новых исторических условиях, не только был не способен способствовать решению проблем, но и потенциально содержал обоснование автономности отдельных нахарарских родов, нахарарского строя, центробежных тенденций.

Среди множества разноликих религиозных течений и культов, распространенных в регионе, этим требованиям в наибольшей мере отвечало набирающее силу, но еще не имеющее официального статуса, христианство с его ярко выраженным монотеизмом, которое в 301г. царем Трдатом III было провозглашено государственной религией Армении.

Таким образом, во второй половине III века и в Армении, и в Римской империи сложилась в некотором смысле идентичная ситуация: угроза потери государственной целостности и самостоятельности под натиском Сасанидского Ирана и опасность распада империи, обусловленная главным образом внутренними процессами. В обоих случаях объективно чувствовалась неотложная потребность в идейно-религиозном консолидирующем факторе. И хотя христианство, возникшее на территории империи, укрепилось организационно, а церковь полностью была готова предоставить имперской власти свои услуги, влиться в государственные структуры, все же императоры, по тем или иным причинам, оказались не в состоянии оценить по достоинству реальные и потенциальные возможности христианской церкви.

Христианство в Армении не имело такого широкого распространения и тем более не получило организационного оформления, но именно здесь оно впервые в истории человечества было принято в качестве государственной религии. Произошло это благодаря решительным действиям царя Трдата III, его ближайшего окружения и главным образом Григора Лусаворича, что можно

объяснить тем, что, во-первых, наряду с осознанием последствий внутренних процессов феодализации они поняли также всю опасность внешней угрозы для существования национальной государственности, во-вторых, они правильно сориентировались в вопросе выбора средств для сохранения и укрепления государственной целостности, что можно объяснить адекватной оценкой идейно-политической ситуации как в Армении, так и в империи.

Принятие христианства в Армении как государственной религии означало, во-первых, провозглашение новой ***государственной идеологии***, во-вторых, создавало идейно-теоретические предпосылки для идеологического отмежевания как от Ирана, так и от языческого в то время Рима, обеспечения идеологической, а опосредовано – и политической суверенности и независимости Армении – необходимой основы сохранения государственности и самостоятельной политики[2], в-третьих, христианство призвано было в первую очередь на единой (монотеистической) идеологической основе укрепить шаткую государственную целостность, в-четвертых, провозглашение и идеологическое обоснование самостоятельной национально-государственной политики. В этой связи необходимо отметить, что непосредственно после принятия в Армении христианства в Римской империи прокатилась волна антихристианских мероприятий, ожесточенных гонений на христиан и церковь (диаклетиановы репрессии), что отразилось также на взаимоотношениях Армении и Рима. Имели место также военные столкновения, в ходе которых Армения выступала как защитница христианства.

Принятие христианства наметило пути дальнейшего развития армянского народа и армянской государственности, ориентиры и критерии духовной жизни, культуры, мышления, мировоззрения, которые, хотя и с трудом, но постепенно проникали в национальное сознание, в образ жизни, в быт. Со временем оно превратилось в национальную идеологию, в мощное духовное оружие против внешних идейно-политических и духовно-религиозных притязаний.

Культурное самосознание каждого народа воспринимает создание национальных письмен как выдающееся культурно-историческое событие, выражение определенной ступени развития, цивилизованности, необходимую предпосылку для создания и развития письменной культуры. В то же время изобретение письмен тесно связано с уровнем развития государственности, когда становится необходимым “культурное обеспечение”, цивилизационное обоснование военно-политического, экономического и т. п. могущества государства. Такова общая историческая закономерность, такова и история создания письмен у различных народов. В этом случае государственная политика, проводимая в сфере языка и письменной культуры вообще выступает как “продолжение” , конкретизация общей государственной политики.

Однако в истории культуры, в частности, изобретения письмен известны отдельные случаи, нарушающие эту закономерность, то есть когда самому факту создания национальных письмен и национальной культуры изначально придается роль идейно-политического фактора, посредством которого их создатели пытаются решить государственные (или национально-политические) задачи. Иными словами, когда в соотношении культура-политика (государственная или национальная) происходит изменение не только в акцентах, но и на функциональном уровне. Яркой иллюстрацией этому служит история создания армянских письмен и письменности.

В IV веке все усилия армян, направленные на сохранение целостности государства Великая Армения, не увенчались успехом и в середине 80-х гг. IV в. страна была разделена между Сасанидским Ираном и Восточно-римской империей. В Западной (римской) части Армении царство было упразднено сразу, что резко изменило политическую ситуацию не только в самой Армении, но и во всем регионе.

Хотя в Восточной Армении царство номинально просуществовало до 428 г., тем не менее опасность потери государственной целостности стала реальностью и на повестку дня был поставлен вопрос существования армянской государственности. ***Проблемы, связанные с укреплением центральной царской власти и сохранением государственного суверенитета, уступили место другой, более трудной и судьбоносной – проблеме национальной самозащиты, сохранения самобытности национального бытия, остатков государственности, решение которых усугублялось усиливающейся религиозно-идеологической экспансией извне.***

В сложившихся условиях духовные и светские предводители народа осознали, что решение этих, поставленных самой историей задач, возможно лишь путем консолидации всех физических и духовных сил и потенций народа, всех социальных слоев общества, организации всеобщего фронта общенациональной борьбы. Это, в свою очередь, предполагало наличие политически организованной силы с хорошо разработанной и слаженной идеологической системой, способной взять на себя историческую миссию по организации и руководству борьбы против религиозно-идеологических и политических притязаний соседних держав, заменить отсутствующие государственные структуры. В армянской действительности такой силой могла стать Армянская Апостольская церковь, призванная играть главную роль в политико-идеологической и культурной жизни страны, особенно ***после потери политической независимости и государственной целостности***[3].

Существующая же идеологическая система в лице монотеистического христианства, несмотря на столетнее существование в качестве официальной религии, не успела еще полностью раскрыть свои потенциальные возможности и не стала общенациональной религией, потому и не могла превратиться в единую духовную и идеологическую силу, охватывающую всю территорию Армении, все социальные слои общества и народа. Армянская церковь институционально оформилась, национализировалась, укрепилась как политический и социально-экономический институт, став своеобразным нахарарством, но она еще не стала символом идейного и духовного единства нации, выразительницей и носителем национальных интересов.

Выполнению этой исторической миссии препятствовали не только историческая память народа, богатое языческое прошлое, жизненность устоявшихся в течение столетий традиционных форм мировоззрения, но и то обстоятельство, что в Армении распространение христианства, церковное богослужение велось не на родном языке, а на чуждых для широких народных масс языках – греческом и сирийском. Это обстоятельство существенно мешало полнокровной и масштабной деятельности армянской церкви, процессу превращения ее в национальную церковь, повсеместному распространению христианства, превращению религии в национальную веру, в духовное убеждение. Иными словами, будучи государственной религией, следовательно, и государственной идеологией в течение столетия, христианство не превратилось в ***общенациональную религию и общенациональную идеологию.*** Это обстоятельство объясняется и тем, что лишь незначительная часть народа преимущественно знать, владеющая греческой и сирийской письменностью,

могла понять суть и значение этой религии. Многие же приняли христианство по "принуждению, без ревностной веры, не сознательно, не с надеждой и верой, как подобало"[4].

Кроме того, хотя после раздела Армении обе ее части (особенно, восточная) пользовались определенной внутренней самостоятельностью, однако вскоре обе соседние державы возобновили политику идейной и религиозной ассимиляции. Интересно, что это прежде всего проявилось в сфере языковой политики. В персидской части Армении был наложен запрет на греческий язык, являвшийся официальным языком армянской церкви, учебно-образовательной системы, культурной деятельности, деловых сношений – внутренних и внешних, а в византийской части – на сирийский и персидский языки, выполнявших, особенно, сирийский, идентичные функции. Каждая из держав стремилась посредством языкового фактора решить вопросы духовно-религиозного и идейно-политического характера, подчинить их своим стратегическим имперским интересам, в реализации которых Армении отводилась первостепенная роль. То есть в конкретных исторических и идейно-политических условиях сама проблема языка приобрела политическое содержание и направленность, выйдя за рамки сферы культуры.

Вследствие этого, возникла довольно-таки сложная идейно-политическая и культурная ситуация, в которой переплелись жизненные интересы Армении, имперские интересы Сасанидского Ирана и Восточно-римской империи. Армянские идеологи, правильно ориентируясь в сложнейших политических перипетиях и осознав веление времени, пришли к с точки зрения практической политики трудно воспринимаемому, но в смысле политического мышления концептуальному выводу, что для решения проблем национальной самозащиты необходимо, прежде всего, придать армянскому языку статус официального языка церкви, а значит – и управления, политической и культурной деятельности. Для реализации же этой задачи было необходимо создать национальные письмена, богослужебную и другую литературу на армянском языке.

По замыслу армянских политических деятелей и мыслителей создание национальных письмен было призвано, во-первых, укрепить позиции армянской христианской церкви и христианского вероучения, вывести страну и народ из своеобразного тупика. Во-вторых, создать своеобразный заслон на пути идейно-религиозной экспансии Ирана и домогательств покровительствуемой им сироязычной церкви – проводницы политики Сасанидов. В-третьих, усилить национальный характер армянской церкви, предоставляя возможность на языковой основе проводить линию, отделяющую ее от греческой христианской церкви (тенденцию отделения от всеобщей христианской церкви, проведения самостоятельной церковной политики). Ведь отнюдь не случайно, что Византия впоследствии усмотрела в этом проявление центробежных, сепаратистских устремлений армянской церкви. Вместе с тем, в империи понимали, что нейтрализация в перспективе влияния сирийской церкви (соперницы греческой церкви, в том числе в борьбе за позиции в армянской церкви) на армянскую, уменьшение ее роли и ослабление позиции в религиозной жизни армян вполне отвечает интересам империи и греческой церкви. Что касается позиции Сасанидского Ирана, то он (как и империя) в тот период не мог вести активную внешнюю политику и вынужден был довольствоваться тем, что изобретение армянских письмен противоречило также интересам греческой церкви и империи. В итоге ***обе державы проявили ощутимую терпимость к созданию армянского алфавита, так как политическая***

чаша весов в принципе не склонялась в пользу ни той, ни другой из противоборствующих соседних держав.

Таким образом, идея создания армянского алфавита явилась не “неизбежным” результатом общественного развития[5] или естественным следствием социально-экономических, политических и цивилизационных сдвигов в IV – V веках, а выражением оригинального политического мышления национальных деятелей и идеологов. Эта задача была блестяще выполнена в 405 г. великим ученым и просветителем Месропом Маштоцем при активном участии армянского католикоса Саака Партева и всемерном содействии царя Врамшапуха (388 – 414).

Однако вопрос создания армянских письмен в начале V века, то есть спустя столетие после принятия христианства в качестве государственной религии продолжает интересовать арменоведов и еще ждет своего решения. Тем более, что более естественным и закономерным представляется создание алфавита непосредственно после принятия христианства, как это имело место у целого ряда народов (коптов, славян и др.). Сложность проблемы заключается в том, что изобретение армянских письмен является не только выдающимся культурным явлением в жизни народа. В этом факте переплелись идейные, политические, национальные, церковно-религиозные, культурные и другие факторы, то есть он представляет собой комплекс проблем, что, в свою очередь, требует комплексного подхода.

В аспекте данного исследования примечательно, что как показывают сохранившиеся исторические сведения и соответствующая научная литература, идея создания национальных письмен сформировалась после упразднения царства в Западной Армении в 390 – 391 гг. Армянские идеологи сознавали, что подобное в недалеком будущем может произойти и с восточной частью Армении. То есть с самого начала указанная идея имела ярко выраженный национально-политический оттенок.

В арменоведении бытовало мнение, согласно которому создание армянского алфавита и письменности было обусловлено необходимостью богослужения и распространения христианства, создания христианской литературы на родном языке, то есть сугубо нуждами церкви. Хотя исследователи и указывали политическое значение данного культурного феномена, однако же не раскрывали суть его политического содержания. В этом смысле определенный интерес представляет точка зрения А. Мартиросяна, согласно которой “основные стимулы имели не религиозно-церковный, а национально-религиозно-политический характер, и не следует особо разделять их и выискивать грани различия”, что изобретение “алфавита было порождено вовсе не необходимостью иметь церковную литературу на родном языке. Национальную письменность и национальную христианскую литературу призвали к жизни политические тенденции пробуждающегося национального самосознания и необходимостью организовать сопротивление надвигающейся опасности”[6]. Данная точка зрения, подчеркивающая национально-политические мотивы создания армянских письмен, еще не получила должной оценки и раскрытия в арменоведческой литературе.

Мне представляется, что отмеченные концептуальные установки, хотя и акцентируют действие различных факторов, тем не менее, они в принципе не противоположны, а составляют различные звенья единой идейно-политической концепции по спасению страны и нации от нависшей угрозы.

Кристаллизация идеи создания национальных письмен и их изобретения представляют длительный и трудный процесс, что было обусловлено не только

и не столько языковой и культурной сложностью задачи, сколько наличием ряда препятствий общехристианского религиозного и идейно-политического характера. Без решения подобных проблем невозможно было даже приступить к решению более конкретной задачи – созданию письмен. При этом следует учитывать то обстоятельство, что упомянутая проблема тесно переплеталась с интересами Восточно-римской империи и Сасанидского Ирана. Следовательно, создание алфавита предполагало решение ряда сложных политических, межцерковных и дипломатических проблем.

В этом смысле представляет несомненный интерес деятельность Месропа Маштоца, которая, несмотря на имеющуюся богатую литературу, не получила еще должной оценки в арменоведении. Существующее положение объясняется тем, что исследования имели преимущественно эмпирический, текстологический, фактографический характер, а сведения, содержащиеся в основном письменном источнике – сочинении ученика Маштоца Корюна "Житие Маштоца" – рассматривались в прямом смысле, без учета подспудного смыслового уровня.

Так, оставление Маштоцем царской службы и получение священнического сана, а через короткое время отправление в гавар Гохтн, где наиболее сильны были позиции язычества (в том числе маздеизм) трудно объяснить одним христолюбием Маштоца и его склонностью к проповеднической деятельности.

Согласно Корюну, именно во время этой поездки у Маштоца возникла мысль о необходимости создания армянских письмен с целью распространения и укрепления христианского вероучения, его внедрения в сознание народа. Возвратившись в столицу Вагаршапат и сообщив об этом католикосу Сааку Партеву и царю Врамшапуху, Маштоц узнает, что они также пришли к подобной идее. Более вероятным кажется другое объяснение, а именно: эта идея возникла у царя и католикоса задолго до отправки Маштоца в центр язычества в Армении. Более того, основной целью поездки Маштоца было изучение на месте причин жизнестойкости языческих традиций, в ходе проповеднической деятельности на практике апробировать необходимость и возможность реализации указанной идеи для выработки последующих действий.

Однако наличие идеи и убежденность в ее правильности отнюдь не достаточны, даже если в этом заинтересованы царь и католокос. Вопрос не сводится и к тому, что для этого необходимо было одобрение всеармянского церковного собора, как полагают некоторые исследователи[7]. Известно, что такой собор был созван по инициативе католикоса Саака Партева и Месропа Маштоца, который, кстати, отверг идею создания армянских письмен.

При этом, исследователи не учитывают следующие обстоятельства.

Во-первых, вопрос создания национальных письмен не входил в компетенцию церковных соборов[8].

Во-вторых, трудно представить, чтобы церковный собор отверг предложение царя и католикоса, которое целиком и полностью отвечало интересам Армянской церкви, а в данном случае и всего армянского народа.

В-третьих, не кажется убедительным то объяснение, согласно которому, мол, отрицательное решение собора было обусловлено позицией армянских епископов – сирийцев по происхождению или просирийской и прогреческой церковных партий, существовавших в лоне Армянской церкви.

В-четвертых, армянский царь и католикос, по-видимому, имели и другие способы воздействия на участников собора.

В-пятых, для опровержения предложения царя и католокоса епископы должны были противопоставить им более фундаментальные общехристианские аргументы и принципы.

В этом смысле кажется более вероятным и убедительным другое объяснение: на упомянутом соборе речь шла не о создании национальных письмен или выборе одного из 15 основных диалектов в качестве основы для литературного языка, а о ***принципиальной возможности придания армянскому языку официального статуса.*** Этот вопрос уже непосредственно касается всех христианских церквей и мог стать предметом обсуждения на церковном соборе. (К тому же не следует забывать, что еще не было Халкидонского собора, что формально речь шла о единой общехристианской церкви). В пользу данного соображения свидетельствует и то обстоятельство, что после создания армянских письмен и возвращения Маштоца из Сирии не было необходимости в созыве церковного собора для их утверждения, а армянские епископы-сирийцы не проявили какого-либо противодействия этому.

Известно, что в христианском мире действовал следующий принцип: в западной части империи с Богом можно общаться только на латинском и греческом, а в восточной – на греческом и сирийском. Естественно, что церковная литература также создавалась только на этих языках. В обеих частях христианского мира запрещалось использование “третьего” языка, что рассматривалось как ересь, которая получила название “трехъязычной ереси”. Следовательно, позиция всеармянского церковного собора имела серьезную идейно-политическую и церковно-религиозную подоплеку. Поэтому перед царем Врамшапухом и католикосом Сааком стояла более трудная задача: избежать обвинения со стороны христианского мира в “трехъязычной” ереси и нейтрализовать противодействие действующих в Армянской церкви партий (особенно, сирийской). Для выхода из сложившейся ситуации существовал один путь – получить согласие иерархов, или сирийской или греческой церкви на создание национальных письмен, ибо только в этом случае они могли быть признаны законными. Царь Врамшапух и католокос Саак остановили свой выбор на сирийской церкви, что можно объяснить следующими причинами:

1) В этот период позиции сирийской церкви в Армении были более сильны, чем греческой церкви.

2) В отличие от греческой сирийская церковь не имела государственно-политической опоры.

3) По-видимому, учитывалось и то обстоятельство, что в это время западная часть Армении была включена в состав Восточно-римской империи.

Приведенные аргументы и соображения позволяют определенным образом утверждать, что поездка Маштоца в сирийские религиозные и культурные центры (Эдессу, Амид, Самосат), обусловлена не культурными, а церковно-политическими соображениями. Его задача заключалась в том, чтобы убедить иерархов сирийской церкви и получить их согласие на проведение богослужения в армянской церкви на родном языке, и, как следствие, право на изобретение национальных письмен. Тем самым нейтрализовывалась опасность обвинения в ереси и сирийская партия в Армении уже не могла препятствовать созданию армянских письмен. Сказанное свидетельствует о том, что сирийская миссия Маштоца была прежде всего дипломатической и он выступал в качестве личного представителя, посла армянского царя (возможно, и католикоса). Этим можно объяснить высокий уровень приема со стороны светских и духовных предводителей Эдессы, Амида и Самосата.

Несомненно, что Маштоц во время переговоров с иерархами сирийской церкви должен был проявить незаурядные дипломатические способности, умение лавировать в тонких церковно-политических вопросах, глубокую осведомленность в межцерковных отношениях, в догматических различиях, нюансах, идейно-политических контекстах восточно-христианского мира. В противном случае ему вряд ли удалось выполнить возложенную на него миссию. Однако из-за отсутствия письменных свидетельств весьма трудно судить о конкретных аргументах, использованных Маштоцем в ходе переговоров.

Тем не менее, дальнейшая культурно-просветительская деятельность школы Саака Партева и Месропа Маштоца, особенности армянских письмен и письменности, взаимоотношения Армянской церкви с Сирийской и Греческой церквами и многие другие обстоятельства позволяют в общих чертах обрисовать и реконструировать некоторые концептуальные установки, которыми руководствовались царь Врамшапух, католикос Саак Партев и Месроп Маштоц.

Своим обращением к сирийским, а не к греческим епископам, Армянская церковь выразила свое отношение к сирийской церкви, следовательно, и к сирийскому языку как одному из официальных языков христианской церкви. Поэтому отнюдь не случайно, что на первом этапе деятельности армянской переводческой школы переводы осуществлялись преимущественно с сирийского, хотя отправной моделью для создания армянского алфавита считается именно греческий алфавит.

Кроме того, если принять во внимание, что и Саак Партев и Месроп Маштоц получили прекрасное эллинистическое образование, греческую ориентацию рода Просветителей, то более вероятным казалось обращение к греческим письменным памятникам. Более того, будучи образованными людьми своего времени они наверняка знали, что сирийская христианская литература была в основном производной от греческой. Поэтому, если следовать культурологической логике, то более целесообразным оказался бы перевод именно греческих памятников.

Упомянутое обстоятельство более подчеркнуто проявилось при переводе христианской Книги Книг – Библии. Первый перевод Библии на армянский был сделан с сирийского, непосредственно после создания армянских письмен. Сирийский текст был неполным, что, естественно, было известно армянским деятелям. Тем более, что в Армении одинаково были распространены как сирийские, так и греческие списки Библии, ибо оба языка являлись официальными языками Армянской церкви. По всей вероятности, перевод Библии с сирийского был той “платой”, которую заплатила Армянская церковь для получения благословления сирийской церкви на изобретение армянских письмен, одним из пунктов в переговорах Маштоца.

Следует принять во внимание и то обстоятельство, что проявленную сирийской церковью толерантность можно объяснить и тем, что Армянская церковь имела альтернативный вариант. В случае ее отказа Маштоц мог обратиться с тем же предложением к иерархам греческой церкви. В связи с этим нелишне вспомнить осуждение императора Феодосия II Младшего относительно отправления Маштоца в Сирию, а не в Грецию. В этом случае в регионе усилилось бы влияние греческой церкви, что в корне противоречило интересам сирийской церкви. Это обстоятельство не могли не учесть главы как Армянской, так и Сирийской церкви.

Месроп Маштоц блестяще выполнил культурную миссию, связанную с созданием армянских письмен. Для полной реализации намеченной национально-политической программы необходимо было соответствующим образом отразить ее в алфавите. То есть при создании алфавита он должен был учесть не только фонетическую систему армянского языка и ее особенности, но и идейно-политическую и церковно-религиозную ситуацию в стране и в регионе, а также национально-политические интересы народа.

История создания армянского алфавита, его строение становились предметом многочисленных исследований. На этот счет существует солидная литература. В интересующем нас аспекте и по ряду соображений здесь целесообразно привести точку зрения выдающегося лингвиста Т. Гамкрелидзе, высказанную в одной из его последних работ, где охватывается широкий спектр проблем и в этом смысле значительно отличается от других работ и имеет ярко выраженный концептуальный характер. Основные положения его концепции сводятся к следующему.

1) При составлении алфавитного ряда Месроп Маштоц из парадигматики греческой системы-прототипа предварительно устранил все эписемоны, то есть те знаки, которые в греческом выражали лишь числовые значения и не имели никакого фонетического значения, а также “все графические символы, обозначающие специфические для греческого и нехарактерные для армянского звуки’’. Он осуществил не фонетическую субституцию “специфических для греческого фонетических значений собственно армянскими звуками (как это имело место при создании коптской, готской и древнегрузинской письменностей)’’, а ‘’редукцию’’ греческого алфавитного ряда на последовательность, содержащую лишь фонетические корреляты армянских звуковых единиц’’. Именно после этих предварительных заготовок ‘’греческая парадигматическая последовательность явилась исходным ядром фонетических значений’’ для армянского алфавита[9].

‘’Специфически армянские’’ фонетические значения Месроп Маштоц включил в свой алфавит не в виде продолжения исходной – греческой модели, как это имело место в случае с коптским, готским и древнегрузинским алфавитами, а включаются в систему-прототип, вследствие чего исходная модель как бы растворяется в новой системе, создавая новую парадигматику. Это, в свою очередь, создает новую систему числовых значений, отличную от греческой. Этим армянский алфавит отличается от указанных трех алфавитов. Таким образом, греческая письменность выступает у Месропа Маштоца лишь в качестве ‘’опорной системы’’ для выделения определенных армянских звуковых единиц.

2) В отличие от коптской и готской системы, копирующих графику соответствующих знаков греческого письма, Месроп Маштоц сознательно исходит из совершенно иной графической основы. Т. Гамкрелидзе неоднократно подчеркивает, что в армянской письменной системе буквы имеют самобытные названия, большая часть которых создана на армянской фонетической основе. ‘’Графика древнеармянской письменности, – утверждает Т. Гамкрелидзе, – есть продукт оригинального творчества ее создателя и не есть результат исторического преобразования или графического воспроизведения какой-либо одной определенной письменности’’[10].

Указав на ряд особенностей и отличительных черт армянского алфавита, Т. Гамкрелидзе отмечает, что ‘’мотивом для подобного свободного творчества и создание оригинальных по начертанию письменных знаков должно было быть стремление скрыть зависимость вновь создаваемой письменности от

письменного источника, использованного в качестве модели для ее создания''. Позиция ученого отчетливо проявляется в продолжении данного утверждения: таким путем создавалась ''***внешне*** оригинальная национальная письменность, как бы независимая от каких бы то ни было внешних влияний и связей'' (подчеркнуто нами – К. М.)[11]. Этими же соображениями Т. Гамкрелидзе объясняет распределение добавочных букв армянского алфавита среди символов системы-прототипа, нарушение последовательности символов, возникновение новой системы числовых значений.

Таким образом, по мнению ученого, при создании армянского алфавита Месроп Маштоц исходил из принципов и норм существующих алфавитов и особенностей звуковой системы армянского языка, а не из одного алфавита. Вместе с тем он подчеркивает мысль о том, что созданный Маштоцем алфавит ни по парадигматике, ни по последовательности звуковых единиц и выражающих их буквенных знаков, ни по форме письма, ни по названиям букв, ни по числовым значениям не сводится ни к одному из использованных алфавитов. Гений Маштоца проявился в том, что выбор различных принципов построения алфавита и письма у него не свелся к механическому, эклектическому их сочетанию. Он мастерски синтезировал их, создав не только качественно новый алфавит, но и самобытную систему методов и принципов создания оригинального алфавита вообще. В этом заключается творческий характер созданного им алфавита.

Каковы же побудительные мотивы или причины подобного подхода? По мнению Т. Гамкрелидзе, ''это было, по всей вероятности, некоторым проявлением тенденций, диктовавшихся в восточно-христианском культурном мире того времени определенными религиозно-политическими соображениями, к ***сокрытию всякой связи и зависимости местной христианской культуры от греческой''*** (подчеркнуто нами – К. М.)[12]. И далее: ''Создание самобытной национальной письменности диктуется общей тенденцией после христианизации страны к возрождению местной культуры на базе национального языка. Объявление христианства официальной религией страны подразумевало в то же время развитие широкой деятельности по переводу и распространению христианской литературы на национальном языке с помощью специально созданной для этих целей новой письменности''[13].

В суждениях Т. Гамкрелидзе проявляется определенное противоречие, если не сказать тенденциозность. Как ученый, аргументируя ряд сторон творческого гения Маштоца, он вместе с тем в своей трактовке факта создания армянских письмен представляет его причины и сопутствующие факторы таким образом, что возникает противоречие между научным анализом конкретных фактов и их трактовкой, что, в конечном счете, умаляет национально-политическую значимость изобретения армянских письмен.

Так, многократно отмечая оригинальность подходов и решений Маштоца, Т. Гамкрелидзе, тем не менее, пытается объяснить это простым стремлением скрыть зависимость армянского алфавита от исходной модели – греческого алфавита, в результате чего создается внешне самобытный алфавит. Естественно, что маститый ученый не мог не знать, что самобытность алфавита любого народа (не внешней, скрытой, а действительной) обусловлена не отсутствием письменного источника, что относится практически ко всем алфавитам, в том числе греческой модели-прототипу, а особенностями созданного на ее основе алфавита, оригинальностью использованных принципов, подходов и т. д. Иными словами, наличие исходной модели нельзя

рассматривать как критерий самобытности письмен, ***критерием может послужить результат творчества***, а не его основа.

В приведенных суждениях Т. Гамкрелидзе отражены наиболее общие тенденции, характерные для всего христианского мира, которые можно рассматривать как выражение внутренних потребностей христианизирующихся народов. Однако осознание и осмысление, а тем более актуализация этих потребностей зависела от целого ряда факторов и условий. Во-первых, это зависело от условий, при которых было принято христианство, статуса церкви как среди народа, его восприятия в национальном сознании, так и в христианском мире в целом. Во-вторых, от наличия или отсутствия политической независимости и собственной государственности. В-третьих, от уровня духовно-интеллектуального и идейно-политического развития нации, национального сознания и самосознания, осмысления на этой основе комплекса национально-политических проблем.

Известно, что, как отмечает и сам Т. Гамкрелидзе, римская церковь ''отказывала местным народам в праве перевода книг Св. Писания на их языки и богослужения на родном языке''[14]. Однако это не означало, что восточно-христианская церковь была более либеральной и терпимой[15]. Дело в том, что в восточно-христианском мире, наряду с греческой церковью, исторически сложились и другие христианские церкви – сирийская, египетская, по силе и значимости не уступающие греческой, и долгое время конкурирующие с ней за первенство в христианском мире. Что касается, например, создания коптского алфавита, то оно имело место в период усиления египетской церкви и греческая церковь никак не могла препятствовать этому.

Иная ситуация сложилась в Армении в начале V века, то есть в период создания армянских письмен. Греческая церковь стремилась к гегемонии и за нею стояла государственно-политическая власть Восточно-римской империи. Сирийская церковь продолжала оставаться мощной идейно-религиозной силой и имела сильные позиции в восточных провинциях империи и в самой Армении. Обе церкви проводили свою политику в Армении через соответствующие партии внутри армянской церкви и особенно через языки и богослужебную литературу. Эти обстоятельства также должны были учесть армянские идеологи, в том числе Саак Партев, царь Врамшапух и Месроп Маштоц. Таким образом, ситуация была намного сложнее, чем сама проблема создания армянского алфавита и богослужения на армянском языке.

Изобретение национальных письмен, таким образом, явилось поворотным событием в культурно-исторической жизни армянского народа и было продиктовано следующими обстоятельствами: I) потерей государственной целостности (сер. 80-х годов IV в.) и угрозой потери государственности как таковой, что и произошло в 428г.; 2) необходимостью создания мощного идеологического заслона с целью пресечения политико-идеологической экспансии извне и в первую очередь со стороны маздеистской Персии; 3) потребностью широкого распространения и повсеместного внедрения в народное сознание христианской идеологии как единственного в то время дееспособного духовно-идеологического оружия; 4) потребностью ведения богослужения на родном, общепонятном армянском языке для обеспечения внутреннего духовного и идейного единства народа; 5) для создания необходимых предпосылок для создания христианской переводной, а затем и оригинальной литературы.

Маштоц на основе тщательного изучения алфавитов многих цивилизованных народов и учета лучших принципов письма и графики создал

алфавит более богатый по сравнению с использованными письменами, а также самобытные буквенные знаки. “Познать мудрость и наставления, понять изречения разума” — первые слова, написанные армянскими письменами на родном языке.

Изобретение армянского алфавита сыграло непреходящую роль в духовно-интеллектуальном развитии народа, создало мощный фундамент для равертываемой борьбы за духовную и культурную самобытность, а через это — и борьбы за “сохранение или восстановление национальной” или государственной независимости[16]. Хотя этот осознанный культурно-исторический акт был “опосредован потребностями церкви и религии”, однако они, в свою очередь, являлись порождением конкретной политической и идеологической ситуации в стране, будучи в конечном счете подчинены общенациональным интересам.

Создание национальных письмен позволило также избавиться от “засилья” греческого и сирийского языков, духовного, политического и идеологического влияния посредством этих языков соответствующих христианских церквей, что означало также ***создание своеобразного культурного заслона на пути политико-идеологической агрессии стоящих за этими церквами держав*** — Византии и Ирана.

Важнейшим элементом данной программы являлось обеспечение необходимой церковно-богословской литературой на родном языке. Естественно, что на первых порах речь могла идти о переводной литературе. Поэтому Месроп Маштоц и Саак Партев со своими многочисленными учениками, получившими прекрасное образование в лучших греческих и сирийских культурных центрах, приступили к переводу основных памятников церковно-богословской литературы, творений отцов церкви и в первую очередь Библии, дабы “облегчить просвещение своего народа”. С этой же целью наиболее одаренная армянская молодежь отправлялась в Сирию, Византию. Перевод Библии способствовал превращению армянского языка в общенациональный литературный язык, давал официальное признание живому разговорному языку.

К середине V века армянские переводчики перевели с греческого и сирийского основную церковно-богословскую литературу, в частности, произведения видных христианских писателей — Василия Кесарийского, Иоанна Златоуста, Афанасия Александрийского, Евсевия Кесарийского, Ефрема Сирина, Григория Назианзина, Григория Нисского и др. В своей деятельности первая школа переводчиков руководствовалась строгой программой, включающей основные разделы христианской литературы — библику, герменевтику, апологетику, литургику, патристику, мартирологию и агиографию, канонику, историю. Переводная литература послужила основой для становления оригинальной армянской христианской литературы.

Переводная и оригинальная литература, созданная в первой половине V века, была призвана решать конкретные духовно-культурные и политико-идеологические задачи и была направлена главным образом против экспансионистской политики Ирана.

Месроп Маштоц и Саак Партев понимали, что этого недостаточно, что необходимо расширить фронт борьбы и создать надежный тыл, дабы суметь выстоять против внешней агрессии. Исходя из этих соображений, Маштоц приступает к созданию письмен для иверского и агванского языков, при поддержке правителей и церковных иерархов этих стран налаживает культурно-просветительское и переводческое дело. В значительной мере этому

способствовало то обстоятельство, что церкви этих стран были тесно связаны с армянской церковью и фактически “находились под той же угрозой”[17].

Укрепив таким образом тыл, Маштоц сумел распространить армянские письмена и в византийской части Армении (421-422), добился того, что в армянских церквах богослужение впредь уже совершалось на армянском языке. Тем самым были созданы предпосылки для обеспечения языкового и культурно-духовного единства народа, языковой автономности, ослабления влияния греческого языка и литературы, а одновременно, и идейно-политического подчинения.

Итак, был создан широкий фронт борьбы, развернуто мощное культурное движение за идейную и духовную самобытность, что было призвано компенсировать отсутствие государственности, рудиментарность и зыбкость политической независимости. В этом заключается гениальность этих трех титанов мысли, концепция их широкомасштабной деятельности с ярко выраженной национально-политической направленностью. Месроп Маштоц и Саак Партев представляются взору современного исследователя как ***духовные и политические лидеры, идеологи народа***, не только глубоко осознавшие роль и значение культурного фактора в сохранении самобытности национального бытия, но и планомерно и методично проводившие в жизнь свою программу.

Благодаря этому христианство, ***официально*** принятое в стране столетием раньше, за короткий исторический период превратилось и в ***господствующую и общенациональную*** религию, а Армянская церковь стала выразителем и защитником общенациональных интересов, вследствие чего борьба за христианскую церковь и веру в то время правомерно отождествлялась с борьбой за национальную, государственную и политическую независимость. Аварайрская битва 451г. явилась материальной формой выражения идейно-политических сдвигов в национальном сознании. Мощный заслон на пути политико-идеологической экспансии заставил Иран фактически отказаться от проводимой им захватнической политики, а Армения вскоре приобрела статус самостоятельного государства. Позиции христианства в Армении значительно укрепились, а персидская угроза отошла на второй план.

Таким образом, создание армянского алфавита вряд ли правомерно рассматривать как результат закономерного общественно-политического и социально-экономического развития страны. В период после раздела Армении, потери государственного суверенитета вряд ли можно говорить о развитии (тем более закономерном) указанных сфер национальной жизни. Что касается обусловленности создания национальных письмен необходимостью создания христианской церковной литературы на родном языке, то эта проблема была более актуальной, особенно после принятия христианства в качестве государственной религии, то есть столетием раньше. Логика армянских политических деятелей и мыслителей развивалась в противоположном направлении – развернув на базе армянских письмен мощное культурно-духовное и идеологическое движение, обеспечить культурную самобытность нации, гарантию духовной и культурной безопасности. Изобретение национальных письмен должно было послужить основой для развития высоких форм национальной культуры – научной, философской, художественной и др., для подъема национального сознания и самосознания. А это не только культурная, но и общеполитическая задача. Следовательно, стержневым, определяющим фактором стал фактор ***политический***, а остальные были производными и вспомогательными, а не наоборот.

Добавим, что только адекватным осмыслением и подчеркиванием политического аспекта проблемы можно объяснить сведения Корюна и других армянских историков о деятельности Маштоца.

Таким образом, идеологи армянского народа сознавали, что стремление к национально-культурной самобытности можно осуществить только путем усвоения общечеловеческих ценностей, но проведя их через призму национального сознания и национальных ценностей, творчески переосмысливая и включая в контекст задач, периодически встающих перед нацией и ее идеологами. Только в этом случае возможно создать действительно самобытную национальную культуру – жизнеспособную и действенную, способную решить разнородные проблемы национального бытия. Самобытность не исключает, а наоборот, предполагает взаимовлияние, следовательно, и взаимообогащение культур. Ярким свидетельством этому является многовековая история культуры армянского народа, которую можно представить как один из вариантов постоянного синтеза различных культурных традиций и ценностей, а Армению – как место встречи и скрещивания начал Востока и Запада. Более того, указанный процесс имел не столько естественный или стихийный характер, а приобрел значение важнейшего теоретико-методологического и идейно-политического принципа.

Уже Тигран Великий придал культуре и, в первую очередь, эллинистической, статус политического фактора, посредством которого попытался решить государственно-политические задачи: укрепление государственного строя, урегулирование межэтнических отношений, обеспечение социальной гармонии, целостности государственных и социальных структур империи. Именно в период его царствования была создана политическая концепция культуры, которая впоследствии видоизменилась, обогатилась новыми элементами, но как концептуально-политический принцип сохранился вплоть до XX века.

Концепция культурной самобытности под влиянием “внешних” факторов становилась одним из могучих средств и способов опосредованного, а иногда и прямого обоснования идеи политической независимости и национальной государственности.

Программной сверхидеей, пронизывающей все политическое мышление армянских деятелей, как светских, так и церковно-религиозных, была идея государственной целостности, национального единства, а с их потерей – восстановления национальной, политической и государственной независимости. ***То, что было потеряно в реальной государственно-политической сфере, они стремились сохранить в сознании армянского народа, отсутствие государственной целостности и политической независимости заменили идейным, языковым и культурным единством народа.***

Сказанное имеет не только историческое значение, оно одновременно является живым уроком и для нашего поколения. Деятели Армянской Апостольской церкви и культуры в течение веков, фактически, выступали и как политические мыслители, носители национально-политической программы, способствуя обеспечению культурной, а опосредовано, и политической независимости. Этой цели были подчинены все сферы духовно-культурной жизни, в том числе наука, философия, искусство, школьно-образовательная система и др.

1 История армянского народа. Т. 2. Ер., 1984. С. 53 (на арм. яз.).
2 Ср.: Там же. С. 71.
3 Ср.: Там же. С. 12 – 13.
4 Фавстос Бузанд. История Армении. Ер., 1987. Кн. III, XIII (на арм. яз.).
5 Ср.: Аревшатян С. С. Формирование философской науки в древней Армении (V – VI вв.). Ер., 1973. С. 32.
6 Мартиросян А. А. Маштоц. Ер., 1973. С. 32.
7 См.: Ачарян Гр. Армянские письмена. Ер., 1984. С. 96 (на арм. яз.).
8 См. также: Мартиросян А. А. Указ. соч.
9 Гамкрелидзе Т.В. Алфавитное письмо и древнегрузинская письменность. Тбилиси, 1989. С. 296-297 (на груз. яз.; цитируется пространное резюме на рус яз.).
10 Там же. С. 251.
11 Там же.
12 Там же. С. 252, 293 – 294. См. Также: Ачарян Гр. Армянские письмена.
13 Там же. С. 294.
14 Там же. С. 251, 263.
15 Ср.: Там же.
16 См.: Аревшатян С. С. Указ. работа. С. 33- 34.
17 См.: Абегян М. Месроп Маштоц и изобретение армянских письмен и письменности // Корюн. Житие Маштоца. Ер., 1981. С. 48.

БОРЬБА С ТЕРРОРИЗМОМ: ЕСТЬ ЛИ ВЫХОД В СОЗДАВШЕЙСЯ СИТУАЦИИ ?

Абрамян А. С.

Понятие «терроризм» не имеет однозначного толкования. Обычно его определяют как «любые насильственные действия против гражданского населения, направленные на провоцирование паники и нагнетание чувства страха и незащищенности в обществе, дестабилизацию социальных институтов»[1]. По мнению экспертов Государственного департамента США, «терроризм – это предумышленное, политически мотивированное насилие, осуществляемое группировками субгосударственного уровня или нелегальными агентами против невоенных целей, чтобы воздействовать на соответствующую аудиторию»[2]. Между тем, такое определение крайне редко применяется при оценке происходящих событий; намного чаще за терроризм выдаются преступные действия, которые, строго говоря, не могут и не должны рассматриваться в качестве проявлений террористической активности.

Так, ежедневно в репортажах из Ирака или с Северного Кавказа сообщается о таких «терактах», как подрыв автомобиля у ворот военной базы или расстрел из засады автомашины с военнослужащими. Подобные действия, однако, нельзя считать террористическими в прямом смысле слова, как, скажем, никогда не считались терроризмом вылазки партизан против оккупационных войск. Почему, например, убийство президента Чеченской Республики Ахмата Кадырова 9 мая 2004г. считается террористическим актом, а убийство германского протектора Богемии и Моравии Рейнхарда Гейдриха 27 июня 1942г. – успешной операцией сил Сопротивления? И если стало привычным говорить об убийстве народовольцами российского императора Александра II (1881г.) как об успехе террористов, то почему никто не рассматривает таким же образом убийство президента США Авраама Линкольна в 1865-м? И это далеко не все возможные сопоставления.

Как правило, к террору прибегают три типа политических сил, каждый из которых преследует свои цели.

Во-первых, это социальные движения, не имеющие широкой общественной поддержки: они применяют террористические методы, чтобы вызвать своими действиями больший общественный резонанс. Примерами могут служить «Народная воля» в России конца XIX века, а в XX столетии – итальянские «Красные бригады» в 1970-е годы, «Тупак Амару» в Перу в 1990-е и т. д. В большинстве случаев террористические вылазки не прибавляли этим группировкам симпатий граждан, и правительства успешно их подавляли.

Во-вторых, это движения меньшинств или угнетенных народов, стремящихся к независимости и самоопределению. Посредством террористических актов они пытаются заставить колонизаторов уйти с земли, которую считают исконно своей. Так действовали алжирские террористы во Франции в 50-е годы прошлого века (Франция в 8-летней войне с алжирскими сепаратистами, которые активно применяли тактику партизанской борьбы и

террор, из 500-тысячного контингента потеряла 112 тыс. солдат, в том числе 25 тыс. убитыми[3], и вынуждена была в 1962г. предоставить своему департаменту независимость), палестинские террористы в международном масштабе в 1960–1990-е гг., чеченские боевики в российских городах на протяжении последнего десятилетия. История показывает, что правительства в конце концов вынуждены идти на удовлетворение требований таких группировок.

В-третьих, это религиозные или квазиидеологические движения, целью которых является добиться либо невмешательства в дела тех или иных государств, регионов или религий, либо доминирования своих верований и идеологий над другими религиозными и общественными принципами. От первого, тоже идеологизированного типа, они отличаются прежде всего масштабом деятельности и социальной поддержки, а также глубиной идеологических корней. К подобным движениям относятся исламские террористы, объединенные в организованные группы, такие, как «Аль-Каида», ХАМАС, «Хезболла», «Ансар-аль-Ислам». В первую очередь «война с терроризмом» объявлена именно этим группам и организациям.

Противодействие каждому из названных типов терроризма обеспечивается по-разному. В первом случае это, прежде всего, максимально эффективное использование сил правопорядка и обычных механизмов борьбы с тяжкими правонарушениями. Террористическая организация, задумавшая, например, убийство известного политика, мало чем отличается от преступной группировки, замышляющей устранение лидера конкурентов. Второй случай более сложен, в частности, потому, что Организация Объединенных Наций подтвердила «легитимность использования народами колоний, равно как и народами, находящимися под иностранным владычеством, любых имеющихся в их распоряжении методов борьбы за самоопределение и независимость»[4]. Строгое же разграничение легитимной борьбы за самоопределение и того, что сегодня предпочитают называть сепаратизмом, вряд ли возможно. Поэтому основным «оружием» в борьбе с терроризмом второго типа оказываются переговоры со стоящими за ним политическими силами. В свое время ставку на переговоры делал и французский президент Шарль де Голль, решая алжирскую проблему, и английский премьер Тони Блэр в поисках мира в Северной Ирландии. Заметные успехи достигнуты в Испании: в Стране Басков уровень насилия за последние годы снизился в несколько раз. Активизировался и ближневосточный мирный процесс, что связано с приходом к власти нового палестинского лидера Махмуда Аббаса. И наконец, борьба с третьим типом терроризма, наименее изученным и осмысленным, должна, очевидно, строиться прежде всего на глубоком анализе целей и задач террористов, который, между тем, отсутствует у большинства «борцов против террора».

Итак, вооруженная борьба за самоопределение и национальную независимость, если даже в ней применяются методы, не предусмотренные конвенциями о способах ведения войны (как, например, на Западном берегу реки Иордан, в Чечне или Ираке), не может считаться террором. Не являются примерами терроризма и нападения на военнослужащих оккупационных армий. К террористической активности неправильно относить также отдельные насильственные акции, объектом которых оказываются военные или политические руководители «противника» (к примеру, обстрел багдадской гостиницы, где остановились американские чиновники). Ведь терроризм направлен против гражданского населения, то есть против тех, кто не причастен к политике, спровоцировавшей действия террористов.

Таким образом, война с терроризмом – это скорее миф, созданный современными политиками с целью найти оправдание своим агрессивным стремлениям. Мир нуждается не в объявлении войны непонятному врагу, а в первую очередь в изучении природы террористических движений, мотивов действий террористов, наконец, в определении того, каковы предпосылки устранения этого явления.

Сегодня главную угрозу западный мир усматривает в мусульманском терроризме. Атакуя 11 сентября 2001 г. здания Всемирного торгового центра в Нью-Йорке и Пентагона в Вашингтоне, боевики «Аль-Каиды», весьма вероятно, стремились тем самым восславить Аллаха и нанести удар по тем символическим центрам, откуда осуществлялось экономическое и военное вмешательство в дела «правоверных». Более конкретных целей они перед собой, скорее всего, не ставили. (Во многом именно поэтому службы безопасности США и других западных стран не смогли воспрепятствовать нападавшим. Не понимая намерения противника, нельзя предположить, где и каким образом будет нанесен удар.)

Однако последствия террористических актов 11 сентября оказались куда более масштабными, чем те, на которые надеялись их организаторы, движимые только слепой ненавистью к западному миру. Вторжение войск антитеррористической коалиции в Афганистан и – еще в большей мере – американская агрессия в отношении Ирака позволили лидерам «Аль-Каиды» представить «войну с терроризмом» как войну Запада с исламским миром, на что, заметим, имелись веские основания. Как отмечает Джордж Сорос, «объявив войну терроризму и вторгнувшись в Ирак, президент Буш сыграл на руку террористам», и если террористы «ждали от нас той реакции, которая в действительности последовала, то, по-видимому, они понимали нас лучше, чем мы сами понимаем себя»[5]. Не менее крупной ошибкой развитых стран стала их готовность рассматривать происходящее на Северном Кавказе и палестинских территориях как битву на фронтах глобальной антитеррористической войны. Тем самым фактически оказались смешаны «в одну кучу» два совершенно разных процесса: с одной стороны, бескомпромиссная борьба исламских фундаменталистов с фундаменталистами западными, а с другой – очевидные, хотя и спорные с политической точки зрения, попытки чеченского и палестинского народов повысить степень своей автономии и суверенитета. Собственно говоря, не столько трагедия 11 сентября, сколько ответные действия Запада создали – практически из ничего – ту глобальную «террористическую коалицию», которой развитой мир мало что может сегодня противопоставить. Эта аморфная структура, а точнее, масса слабо связанных между собой полуавтономных группировок и движений, и есть тот «враг», против которого идет нынешняя «война».

Отсюда возникает, пожалуй, наиболее важный вопрос, которого всячески избегают апологеты «войны с терроризмом»: кто в этой «войне» выступает субъектом, а кто – объектом агрессии? Даже в наиболее сложном случае, ближневосточном, любой непредвзятый наблюдатель засвидетельствует, что Израиль подвергался нападениям со стороны своих арабских соседей, но в отношении палестинцев он сам оказывался агрессором. Следствие очевидно: еврейское государство борется сегодня не с египетскими или иорданскими, а с палестинскими террористами. В случае с Чечней дело обстоит так же: декабрьский указ 1994г. санкционировал ввод российских войск на территорию Чеченской Республики, что привело к многотысячным жертвам с обеих сторон. В ситуации с «Аль-Каидой» вряд ли правомерно вести речь об агрессивных

действиях США, однако в то же время нельзя не признать, что с середины 1970-х гг. американские военные базы находятся в Саудовской Аравии, Катаре, Бахрейне, Объединенных Арабских Эмиратах, Омане и многих других странах региона, а никак не арабские – вблизи Вашингтона. При этом большая часть нападений на граждан США в странах Ближнего Востока направлена против военнослужащих или работников официальных представительств Соединенных Штатов.

Таким образом, современный всплеск терроризма обусловлен тем, что арабский мир все сильнее ощущает враждебное отношение к исламу со стороны западной цивилизации, прежде всего в американской ее версии. Причем реакция западного мира на события 11 сентября 2001г. лишь способствовала появлению «единого антитеррористического фронта», подтолкнув экстремистов к сплочению.

После террористических актов в Нью-Йорке и Вашингтоне западные политики и эксперты незамедлительно принялись искать причины, побудившие «Аль-Каиду» к столь внушительной демонстрации собственной силы. Практически сразу же прозвучали мнения о том, что активизация терроризма связана с усиливающимся экономическим разрывом между Севером и Югом; начались поиски корней терроризма в характере и специфических чертах ислама.

Однако истоки современного терроризма – не в экономическом неравенстве. Это становится очевидно при сравнении западного мира с наименее развитыми африканскими государствами: тропическая Африка в последнее время более известна кровопролитными внутренними войнами и этническими чистками, чем террористическими организациями. Из «261 террористической или военизированной организации только 64 приходится на этот регион, причем 30 из них действуют в Судане, Эфиопии, Эритрее, Сомали и Демократической Республике Конго»[6], где продолжаются гражданские войны. Ни одна африканская террористическая организация не осуществляет терактов за пределами своей страны. Бедные страны Латинской Америки, где в 1970-е и 1980-е годы происходило наибольшее число террористических вылазок, также практически не участвуют в современном международном терроре.

В то же время исламский мир, который сегодня признан основным источником террористической угрозы, остается весьма богатым регионом, а наиболее известные международные террористы – это выходцы из вполне благополучных в материальном отношении слоев населения. Более того, сама террористическая деятельность обеспечивает ее участникам серьезные доходы (по некоторым оценкам, размеры так называемой новой экономики террора (the New Economy of Terror) составляют до 1,5 трлн. дол., или 5 % мирового валового продукта[7].

Точно так же современный терроризм не обусловлен политическим противостоянием двух частей мира. Под политикой сегодня, как правило, понимают активность, в той или иной мере связанную с действиями государственных институтов. Напротив, террористические движения всегда возникали как негосударственные структуры, и именно государства, как наиболее значимые символы власти, обычно оказывались объектом их агрессивных действий. Как подчеркивает, например, профессор Нью-Йоркского университета Ной Фелдмен, уже сами разговоры о «государственном терроризме» «решительно наводят на мысль и наглядно свидетельствуют о том, что употребляемое нами в обычном смысле понятие "терроризм" включает лишь негосударственное насилие»[8]. Эту точку зрения разделяет ныне

большинство экспертного сообщества. Достаточно уверенно можно утверждать, что подобная ситуация сохранится и впредь: в условиях начавшейся «войны с террором» негосударственный характер террористических группировок обеспечивает им серьезные преимущества. Вместе с тем отождествление террористической организации с неким государством, напротив, грозит тому самыми тяжелыми последствиями (как произошло с Афганистаном).

На мой взгляд, основные причины современной волны терроризма кроются не столько в объективной реальности нашего времени, сколько в восприятии ее широкими массами населения, в частности, в мусульманском мире. Западная цивилизация, несомненно, доминирует на планете, но доминирует весьма специфическим образом – минимизируя свои контакты с теми, кто к ней не относится. Торговля со странами Африки, Ближнего Востока и Азии (исключая Китай и других азиатских «тигров») обеспечивает не более 9% товарооборота Соединенных Штатов и государств Европейского союза. Более 2/3 стоимостного объема этой торговли приходится на нефть и нефтепродукты. Инвестиции США и ЕС в эти регионы поддерживаются на минимальном уровне: не более 1,8 % совокупного американского и около 4 % совокупного европейского объемов[9].

Сами арабские государства, начав в 1960-е годы бурную модернизацию, вскоре столкнулись с перспективой более «легкого» существования за счет экспорта нефти: те из них, которые недавно считались наиболее развитыми – Египет и Сирия, оказались в новой ситуации аутсайдерами. Запад, и в первую очередь США, ничего не сделал для поддержки своих сторонников в этом регионе, предпочитая использовать тактику грубого нажима. В то же время культурное проникновение Запада шло в регионе не менее активно, чем повсюду в мире. Поэтому неудивительно, что местное население постепенно стало видеть в Америке враждебную силу – такую, которая поддерживает Израиль, укрепляет свое военное присутствие в регионе, проповедует образ жизни, всегда казавшийся недоступным большинству арабского населения, наконец, находится на стороне полуфеодальных режимов, не пользующихся большой поддержкой собственных подданных. Запад в глазах мусульман непобедим в военном отношении, недостижим по экономической мощи, но при этом пользуется их богатствами и сбивает их с пути, указанного предками. Сегодня часто цитируют знаменитую фразу Усамы бен Ладена от 23 февраля 1998г., в которой говорится: «Убивать американцев и их союзников – гражданских и военных – личный долг каждого мусульманина», – но при этом забывают о том, что война американцам была объявлена «для того, чтобы их армии, потерпевшие поражение и неспособные угрожать мусульманам, убрались со всех земель ислама»[10]. В такой атмосфере людям проще пойти за толпой, чем сделать разумный индивидуальный выбор.

Население большинства государств арабского мира, безусловно, ставит коллективную самоидентификацию выше свободы индивидуального выбора. Связано ли это с исламскими традициями, на чем настаивают многие исследователи, для данного анализа не играет большой роли. Важнее то, что здесь Запад выступает в качестве той «чуждой» силы, противостояние которой сплачивает народы Ближнего Востока, еще не имеющие подлинной национальной идентичности. Более того, чем активнее западный мир (и, в первую очередь, США) будет насаждать в этом регионе принципы личностной автономии и политической демократии, тем сильнее будет укрепляться исламская оппозиция и тем меньше останется шансов для того, чтобы западные ценности овладели умами и сердцами местного населения.

Современный терроризм, разумеется, не сможет навязать западному миру пересмотр его основополагающих принципов; он, конечно же, не приведет к возникновению «всемирного халифата», о чем для красного словца заявляют некоторые исламские проповедники. Собственно говоря, террористы и не ставят перед собой таких задач и целей. Их стремления намного скромнее: они прежде всего хотят, чтобы Запад перестал устанавливать свои порядки за пределами собственных границ. И эти требования, по сути, трудно не признать справедливыми.

На сегодняшний день Запад во главе с Соединенными Штатами, государством, превосходящим по мощи величайшие империи прошлого, пока не добился ощутимых результатов в борьбе с противником, который применяет против него «оружие слабых», то есть террор.

Способен ли Запад победить в этой так называемой «войне с терроризмом»? Какие последствия для всего мира будет иметь взаимная эскалация «террористического» и «антитеррористического» насилия? Сохранятся ли нынешние международные институты или они станут жертвами (пусть даже случайными) этой схватки?

Эти вопросы, весьма актуальные, практически никогда не поднимаются идеологами «войны с террором». Во-первых, глобальный террор – новое, неисследованное явление для западных политологов и социологов. Кроме того, западные эксперты настолько уверовали в неизбежность распространения демократии в мире, в преобладание в человеческом сознании индивидуалистических стремлений, в торжество рационального начала над иррациональным, что это мешает им охватить весь комплекс проблем, порождающих современный мусульманский терроризм.

Во-вторых, сегодня не видно особой потребности найти ответы на многие актуальные вопросы. Для современной политики, предельно инструментализированной и в значительной мере лишенной стратегического видения, всплеск терроризма оказался, как ни кощунственно это звучит, весьма кстати. Политики, мыслящие «от выборов до выборов» формулами типа «кто не с нами, тот против нас», охотно воспользовались террористической угрозой для «дисциплинирования» населения, а также для манипуляции сознанием и симпатиями избирателей. Борьба с абстрактным «международным терроризмом» является для них превосходным средством продемонстрировать своему народу сложность решаемых задач, собственную активность и ответственность.

Если глубоко задуматься над перечисленными проблемами, окажется, что поводов для оптимизма немного. У Запада очень мало шансов на победу. В первую очередь потому, что ему приходится иметь дело не столько с экстремистскими вылазками единичных бандитов, сколько с феноменом, за которым, прежде всего, стоит стремление народов к самоопределению или обретению собственной идентичности, то есть определенные цивилизационные ценности. Но история свидетельствует, что на протяжении второй половины XX столетия Запад проигрывал все войны, в которых противная сторона боролась за свою независимость или за возможность состояться как культурная общность.

Помимо этого, население западных стран сегодня убеждено в том, что «демократия» (то есть западные представления о свободе и справедливом обществе) должна укорениться повсюду. Однако смириться с навязанными извне представлениями о свободе – значит перестать быть свободным самому, и этого на Западе, похоже, не понимают и не хотят понимать. Утверждая, что террористы – это враги свободы, западные лидеры безнадежно заблуждаются и

вводят в заблуждение тех, кто следует за ними. Нет, террористы борются не против свободы, а за свободу своих народов не прислушиваться к чужим советам.

Здесь на память приходит один пример, прекрасно показывающий всю примитивность мышления американского политического класса, выступающего ныне лидером в «войне с террором». В 60-е годы прошлого века чернокожие американцы начали масштабную кампанию борьбы за отмену расовой сегрегации, утверждая, что ничем не отличаются от белых. Однако сорок лет спустя те же афроамериканцы настаивают на своей «особости» и требуют квот в университетах и налоговых поблажек, дополнительного финансирования социальных программ и т. д. И что? Правительство вводит систему affirmative action[11], прямо противоречащую, как отмечают многие социологи, фундаментальным принципам либерализма. В 1960-е годы новые независимые страны тоже хотели быть «такими, как все». Но они потерпели неудачу и теперь апеллируют к собственной исключительности. Почему же американские политики, соглашаясь с претензиями собственных чернокожих на «особость», игнорируют аналогичные претензии со стороны арабского мира?

Кроме того, противодействуя Западу, террористы используют заимствованное у него же оружие. Так, главная, как считается, трудность борьбы с террористами обусловлена «сетевым» характером их структур, успешно противостоящих традиционной тактике армий и спецслужб. Но на самом деле террористы ничего не изобрели. Они лишь взяли на вооружение средство, с помощью которого стремящийся к экономической экспансии Запад не первый год повышает эффективность деятельности своих транснациональных корпораций. Разве не говорили в США и Европе с придыханием о долгожданном приходе «сетевого общества»? Оно пришло.

Таким образом, не осмыслены в должной мере ни цели террористов, ни их методы. Однако существует и гораздо более сложная проблема – мотивация террористического движения. Дело в том, что отдельные террористические акции, как правило, требующие от их исполнителей самопожертвования, нередко являются не жестом отчаяния и не проявлением мужества, а актом личного спасения! Будучи религиозным фанатиком, террорист-смертник действует рационально – ведь убийство десятков «неверных» открывает ему прямую дорогу в рай, что для него гораздо важнее, чем деньги, которые могли быть обещаны его семье или близким. Тем удивительнее, что большинство «борцов с терроризмом» не устают говорить о гигантских суммах, идущих на финансирование террора, о множестве наемников, проникающих в Ирак или в Чечню, а также о своих успехах в перекрытии каналов финансирования террористов. Между тем, разрушение башен-близнецов, вкупе с атакой на Пентагон, обошлось его исполнителям не более чем в 500 тыс. долларов, в то время как объемы возрожденной торговли опиумом в Афганистане исчисляются миллиардами, а российская помощь «законному» чеченскому правительству – сотнями миллионов долларов. Так что террористы борются отнюдь не за финансирование...

Современные террористы либо воспитаны в обстановке перманентной незащищенности и неуверенности в будущем, либо добровольно обрекли себя (что относится прежде всего к их лидерам) на жизнь в подобных условиях. Еще в 1993г. известный палестинский экстремист Абу Махаз пояснил: «Мы – террористы, да, мы – террористы, потому что это наша судьба»[12]. Усиление «лобовой» атаки на террористическое движение может только расширить его ряды и ожесточить его участников, возбуждая в них чувство религиозной и

этнической солидарности. Так, Хуан Карлос Маригелла – создатель и руководитель леворадикальной террористической группы в Сан-Паулу (Бразилия), теоретик городской «герильи» (городского терроризма) говорил: «Терроризм – оружие, от которого революционер никогда не откажется». Характеризуя возможности террора, он подчеркивал: «Горстка борцов обрушит лавину»[13]. Большинство же граждан западных стран не намерены лишаться ни личных свобод, ни материального благополучия и потому будут поддерживать борьбу с терроризмом только до тех пор, пока она не окажется чревата серьезными политическими и экономическими потрясениями. Поэтому удары террористов будут разваливать антитеррористическую коалицию; удары же по террористам – лишь укреплять их ряды.

Прошедшие с начала «войны с террором» почти четыре года показывают, что для поддержки этой войны населением западных стран необходимы весомые доказательства достигнутого прогресса. Такими свидетельствами пока что могут служить свержение режима «Талибан», разгром лагерей «Аль-Каиды» и освобождение Афганистана, отстранение от власти Саддама Хусейна и оккупация Ирака войсками союзников. Однако эти достижения обошлись США и присоединившимся к ним странам в сотни миллиардов долларов, а дальнейшие перспективы туманны. Поток наркотиков из Афганистана растет, положение в Ираке не стабилизируется, агрессивность США вызывает вполне понятное стремление других стран обеспечить себе доступ к ядерному оружию. Ситуация в Саудовской Аравии и в Пакистане, единственной мусульманской стране, обладающей оружием массового поражения, остается взрывоопасной. «Война с террором» приводит и к косвенным издержкам – от роста цен на нефть до кризиса на рынке авиаперевозок и туризма. Через некоторое время западный бизнес, пока еще радующийся новым военным заказам и увеличению государственных расходов на безопасность, ощутит, что инициированная американцами авантюра просто никому не выгодна. И террористам сегодня достаточно лишь поддерживать на Западе истерию, запущенную самими же западными лидерами, чтобы со временем увидеть крах их политики.

Кроме того, «война с террором» наносит ущерб единству западного мира. Так, американское вторжение в Ирак начиналось весной 2003 года в условиях беспрецедентного раскола мира на два лагеря – сторонников и противников кампании Соединенных Штатов. Давно назревшая реформа ООН, можно предположить, провалится именно по причине того, что в Соединенных Штатах, России и отчасти Великобритании к нынешним угрозам и вызовам относятся иначе, чем в континентальных европейских странах. Восприятие собственного государства в качестве «осажденной крепости», а остальных стран как звеньев разного рода «осей зла» непродуктивно и ведет лишь к расширению поля для конфликтов и противоречий. Таким образом, новый раунд «войны с террором» закончится поражением Запада.

«Война с террором» не могла не начаться. Прежде всего, потому, что политики во всем мире крайне нуждались в образе врага, отвечавшем ряду критериев. «Правильный», с точки зрения современных деятелей, враг – это тот, кто представляет собой опасность, кто не связан с ведущими западными странами. Его место там, куда можно наносить безответные удары; его нельзя увидеть; борьба с ним должна продолжаться бесконечно долго, а мера ее успешности – оставаться неопределимой; наконец, необходимость войны с ним должна оправдывать серьезные ограничения демократических прав собственных

граждан, а увеличение расходов на нее не должно вызывать возражений у населения.

Все эти критерии идеально воплощены в «международном терроризме». В политике последних лет данное понятие сыграло ту же роль, что и понятие «глобализация» – в хозяйственной практике последних десятилетий. Если вспомнить историю, окажется, что до середины XX столетия взаимодействие между Европой и США, с одной стороны, и остальным миром – с другой, именовалось «вестернизацией», которая, как считалось, универсальна по своему временному характеру и географическому охвату. Причем, модель технологического общества со всеми его атрибутами – от массового потребления до либеральной демократии – оценивалась как, в принципе, легко воспроизводимая и поэтому всеобщая. Однако эта «всеобщая» модель предполагала и ответственного за ее повсеместное насаждение – Запад. Тот факт, что именно в последние десятилетия зафиксирован невиданный рост мирового неравенства, не волнует адептов глобализации. Гораздо важнее иное: любую экономическую проблему можно сегодня объяснить объективным процессом глобализации и, как говорится, «умыть руки». Понятие «международный терроризм» дало политикам такой же инструмент ухода от реальности (и от ответственности), какой получили экономисты с появлением термина «глобализация». Было бы наивно полагать, что политики не воспользуются этой новой возможностью.

«Война с террором» – это то, в чем кровно заинтересованы правящие элиты и руководители всех без исключения вовлеченных государств – Соединенных Штатов и России, Великобритании и Польши, многих других. Им необходимо раздувание террористической угрозы и уничтожение все новых и новых террористов. (Причем именно уничтожение, как мы видели это на примере Аслана Масхадова, а не предание их гласному и справедливому суду, о чем так много говорится.) Им требуется наращивание военных расходов и, как отмечалось выше, ограничение гражданских прав, а также многое другое... Так что этой войне не суждено завершиться быстро. Даже если антитеррористическая коалиция в ее нынешнем виде и прекратит свое существование (а в этом у меня практически нет сомнений), то сама «борьба» в разных ее формах будет продолжаться.

Но кровавые акции террористов, конечно же, не должны оставаться безответными. При этом в борьбе с террористической угрозой необходимо соблюдать несколько очевидных и неоспоримых правил.

Во-первых, нужно провести четкую грань между вооруженными формированиями, сражающимися за самоопределение и независимость своих народов, и террористами, действующими во имя идеологических и религиозных целей. Если в первом случае, как уже было сказано, наиболее эффективным средством решения проблем являются переговоры, то во втором переговорный процесс вряд ли возможен. Да в нем и нет необходимости – ведь требования террористов из «Аль-Каиды» или «Исламского джихада» не предусматривают политических договоренностей. Исламские экстремисты не представляют собой той политической силы, с которой возможны переговоры. Они не могут взять на себя внятных обязательств. Нет никакой возможности оказать на них давление при несоблюдении ими достигнутых договоренностей. В общем, все они – не сторона на переговорах.

Во-вторых, даже признавая необходимость отказаться от переговоров, нельзя утверждать, что конечной целью войны с террористами является их истребление. Чем активнее ликвидируются отдельные террористы, тем больше

народ проникается целями и задачами их движения; примером тому может служить обстановка на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа, а также в Чечне.

Поэтому подходы к борьбе с терроризмом должны различаться в зависимости от того, где проходит «линия фронта». Если противостояние террору происходит на территории западных стран, теракты следует квалифицировать как тяжкое преступление – убийство или покушение на убийство с отягчающими обстоятельствами. Соответственно, террористов надлежит обезвреживать, а в их организации – внедрять агентов; следует перекрывать каналы поступления к ним денег и оружия, а приток иммигрантов из стран, где расположены «основные силы» главных террористических организаций, – ограничивать. Мониторинг иммигрантов и выходцев из таких стран необходимо на определенный период времени признать хотя и неприятной, но вынужденной, а потому допустимой мерой. Об эффективности таких мер говорит пример США, где после 11 сентября 2001г. не зафиксировано ни одного террористического акта. И причиной тому – усилившиеся меры внутренней безопасности, а отнюдь не сокращение числа боевиков «Аль-Каиды».

Если же борьба с террором ведется за пределами Запада, требуется выработать и принять жесткие правила отношений с государствами, на территории которых активно действуют террористические группировки. Эти государства (а к ним, несомненно, относятся многие ближневосточные страны) должны быть лишены всякой помощи со стороны развитого мира; следует полностью отказаться от практики продажи им любых систем вооружения; предупредить о недопустимости обладания оружием массового поражения (причем, например, к Пакистану это относится даже в большей степени, чем могло бы относиться к Ираку), ограничить торговое и экономическое сотрудничество с ними и т. д. Если народы этих стран предпочитают сохранять свой образ жизни, традиции и религиозную «чистоту», им не нужно препятствовать. Напротив, показательное «отступление» Запада из данного региона при жестком недопущении перенесения исламского джихада на территорию развитых стран вызовет проблемы у самих мусульманских экстремистов, не имеющих никакой позитивной программы. Как показывает пример отстающих государств, наиболее эффективный способ дискредитировать популистские движения – позволить последним добиться провозглашаемых ими целей. «Бросив исламский мир на произвол судьбы», мы отнюдь не предадим идеалы свободы и гуманизма. Западные ценности будут усвоены не там, куда Западу хватит сил их донести, а там, где на них возникнет реальный и осмысленный спрос. Свобода важна не сама по себе – гораздо важнее завоеванная и выстраданная свобода. Пока мусульманские народы не ощутят потребность в западных ценностях, не возжелают свободы, навязать им их будет невозможно да и, замечу, не нужно.

К сожалению, сегодня дело зашло слишком далеко. Согласно «Отчету Национального совета по разведке США», в 2020г. человечество будет чувствовать себя в значительно меньшей безопасности, чем сегодня, а "Аль-Каиду" сменят более разветвленные, но не менее радикально настроенные группировки террористов[14]. Поэтому нам необходимо осознать, с чем мы все столкнулись, на что решились, каковы в сложившейся ситуации шансы на успех и у нас самих, и у тех, кого мы поспешно назвали (и стремительно сделали) своими врагами. Это необходимо всем нам.

[1] Правовые аспекты борьбы с терроризмом/Defense Institute of International legal studies. Военный институт международных правовых исследований. 360 Elliot Street Newport, 2003. С. 2.

2 U. S. Department of State, Office of the Ambassador at Large for Counter- Terrorism, Patterns of Global Terrorism : 1986 - Washington, DC., 1988.

3 См.: Локальные войны: История и современность. / Под ред. И.Е. Шаврова. М., 1981. С. 188.

4 Резолюция Генеральной Ассамблеи № 2908 от 2 ноября 1972 г. «О применении Декларации о предоставлении независимости странам и народам, находившимся под колониальным владычеством».

5 Политическая инструментализация национальной травмы, Джордж Сорос, Der Standard", Австрия

6 Требин М.П. Терроризм в XXI веке. Минск, 2004. С. 13.

7 См.: Организованный терроризм и организованная преступность. / Под общей ред. роф. А.И. Долговой. М., 2002. С. 48.

8 См.: Тредденик Дж. Глобализация, международная безопасность и НАТО. // США и Канада: экономика, политика, культура. 2004. N 3. С. 70.

9 См.: Шмитт Майкл Н. Борьба с терроризмом и применение силы с точки зрения международного права. // Европейский центр по изучению вопросов безопасности им. Джорджа К. Маршалла, Публикация № 5, VIB, 2004.

10 Трубников В.И. Международный терроризм: истоки и противодействие. // Ежемесячник: Национальная безопасность. 2001. июль.

11 Речь идет о принятом в 2003 г. решении Верховного суда США оставить в силе Программу позитивных действий, предоставляющую льготы, в частности, расовым меньшинствам.

12 См.: Тредденик Дж. Глобализация, международная безопасность и НАТО. // США и Канада: экономика, политика, культура. 2004. N 3. С. 70.

13 Цит. по: Кожушко Е.П. Современный терроризм: Анализ основных направлений. // Под общей редакцией А.Е. Тараса. Минск, 2000. С. 18.

14 См.: Congressional Quarterly - 2004 - Sept. U.S. News and World Report. - 2004 – June.

РЕГИОНАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ОСНОВЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ

Суварян Ю.М., Чобанян М.Х.

Государственное управление общественными отношениями в нашей стране сложный, многогранный процесс, который обусловлен воздействием многочисленных и взаимосвязанных факторов. Этот процесс непосредственно связан с основой существования и нормального функционирования общества – производством и распределением материальных благ и услуг, здоровьем населения, социальной защитой его малообеспеченных слоев, обеспечением безопасности страны. В центре внимания государственного управления находится решение таких проблем как создание правового демократического общества, обеспечение культурного развития, укрепление политических, экономических и морально-психологических основ достижения общественного согласия и устойчивого развития. Известно, что управление, и в первую очередь государственное управление, может придать общественным отношениям гармоничный характер, осуществлять возложенные на него полномочия управления только тогда, когда оно само строится или выступает как единая органичная система.

Во многих странах с переходной экономикой, в том числе и в нашей республике, существуют многочисленные проблемы и противоречия, в частности, общественно-политического и экономического характера. Среди них наибольший интерес представляет противоречие, которое имеет место между, с одной стороны, общественными потребностями и надеждами на то, что социально-экономическая и политическая обстановка в стране стабилизируется и улучшится, и с другой стороны, неспособностью современной системы государственного управления обеспечить это[1]. Естественно, что для преодоления данного и других острых противоречий необходимо непрерывное, постоянное реформирование системы госдарственного управления, при этом уделяя особое внимание его региональным компонентам.

Региональное управление, как органическое составляющее государственного управления, является одним из основных испытанных инструментов реализации государственной политики. Разработка региональными органами управления соответствующих методов, механизмов реализации целенаправленной программы деятельности, способов их конкретного воплощения, учет и оценка полученных результатов позволяет уточнить радиус и глубину их последующего применения, что приобретает важное значение при дальнейшем совершенствовании государственного управления.

В каждой стране региональное управление имеет свои особенности. Во многих развитых странах предусматривается определенная самостоятельность органов управления, законодательные полномочия, а их руководители – избираются. В нашей стране государственное управление в областях (марзах) выполняет две основные функции: осуществление политики исполнительной

власти в регионах и координация деятельности региональных служб республиканских исполнительных органов. При этом необходимо иметь в виду, что в развитых странах, где имеются традиции и богатый опыт в управлении, органы регионально-областного управления (штатов, департаментов) и должностные лица (губернаторы) руководствуются положениями конституций (уставов) и правовыми нормативными актами, принятыми законодательными органами. В нашей стране полномочия и направления деятельности региональных органов – руководителей областей (марзпетов), администраций (марзпетаранов), главным образом, определены Законом Республики Армения "Об административно-территориальном делении Республики Армения" от 4 декабря 1995г., Указом Президента Республики Армения от 6 мая 1997г. "О государственном управлении в областях Республики Армения" и его дополнениями, в рамках утвержденного Правительством Республики Армения устава администраций (марзпетаранов) от 2 мая 2002г. Конечно, каждая страна имеет право идти своей особой, соответствующей своим историческим, национальным традициям дорогой. Это касается и регионального управления. В настоящее время в Армении сформировалась и действует особая модель регионального управления, которая является переходной. Сказанное становится более наглядным при рассмотрении функций и масштабов деятельности органов регионального управления. Например, марзпет в рамках своей компетенции осуществляет региональную политику правительства в таких сложных сферах, как финансы, градостроительство, жилищное и коммунальное хозяйство, транспорт и дорожное строительство, сельское хозяйство и землепользование, образование, здравоохранение, социальное обеспечение, культура и спорт, охрана природы и окружающей среды, торговля, общепит и обслуживание. При этом марзпет вынужден осуществлять региональную политику правительства через аппарат марзпетарана и организаций областного подчинения.

Одним из важнейших критериев регионального управления является степень его целенаправленного действия на развитие экономики. С этой точки зрения действующая в республике концепция регионального управления в целом пока еще не в полной мере соответствует реализации данной цели.

Во-первых, законодательно-правовые основы регионального деления страны, направлений и полномочий деятельности его структур весьма ограничены, если не говорить, что они недостаточны. Новая административно-территориальная схема в Армении была внедрена спустя пять лет после независимости в результате применения уже упомянутого Закона РА "Об административно-территориальном делении РА", в соответствии с которым основными элементами этой схемы стали 10 марзов, получивший такой же статус город Ереван, а также городские и сельские общины. При этом необходимо подчеркнуть, что данный закон содержит всего семь пунктов и устанавливает лишь административно-территориальное деление страны, а между тем сферы деятельности и полномочия марзпета и исполнительной структуры – марзпетарана, как уже отмечалось, установлены Указом Президента РА "О государственном управлении в областях РА" и его дальнейшими дополнениями, а также утвержденным Правительством РА уставом марзпетарана.

Во-вторых, являющееся принципиальным и основопологающим с точки зрения содержания регионального управления, Указ Президента от 1997г. предусматривает, что руководитель области осуществляет региональную

политику правительства в 10 сферах, которые в действительности являются стержнем деятельности центральной исполнительной власти страны.

В-третьих, известно, что одна из наиболее острых проблем системы управления непосредственно связана с вопросами разделения полномочий и функций между ее разными уровнями. В связи с этим необходимо отметить, что в нашей стране вопрос разделения полномочий и функций на уровне государственного управления между центром и областью в законодательно-правовом смысле недостаточно обоснован. Это естественно, так как областное региональное управление, являясь непосредственным продолжением государственной системы управления, само руководствуется указами Президента РА, постановлениями правительства, иначе говоря, марзпет – государственное должностное лицо, а марзпетаран – испонительно-распорядительный орган. Здесь, конечно, речь не идет о том, что областные структуры власти пренебрегают исполнением принятых законодательным органом правовых актов, законов, постановлений. Дело в том, что в настоящее время областные структуры полностью представляют только исполнительную ветвь власти и не имеют представительного (законодательного) органа.

Не вдаваясь в детали приобретенного с 1996г. по настоящее время положительного опыта в области регионального управления и не углубляясь в вопросы упущений в этом деле, необходимо отметить, что, в отличие от естественных и прочных связей между центром и областью, пока еще слабыми и отчужденными остаются связи между областью и общинами. Нам представляется, что суть вопроса не в том, что областное управление, областные структуры не желают или не хотят усилить, укрепить эти связи, а в том, что, во-первых, некоторые областные структуры “перегружены” общинами (например, в Ширакской области их насчитывается до 119, Арагацотском – 115, Лорийском и Сюникском – 113, Армавирском и Араратском – 97), другие области - “недогружены” общинами (например, в Вайоц Дзоре – 44, Тавушской – 62, Котайкской – 67), во-вторых, областное звено управления не имеет ни законодательных основ, ни финансово-экономических возможностей обеспечения естественного развития общин области.

На наш взгляд, главное в том, что действующая в нашей стране схема регионального управления не учитывает происходившие и происходящие кардинальные социально-экономические и общественно-политические изменения. В условиях углубляющихся рыночных экономических отношений, причем в рамках либеральной экономической политики, упор должен делаться на развитие и использование инициатив, которые возникают на уровне организаций – сельских крестьянских хозяйств и малых и средних предприятий, и эти инициативы должны подкрепляться необходимыми мерами на уровне государственного и регионального управления, и в первую очередь, применением организационно-регулирующих механизмов для их защиты и поддержки. С этой точки зрения считаем необходимым также продолжение реформ в сельском хозяйстве, которые фактически ограничились проведением приватизации земли, других основных производственных фондов, имущества отрасли, то есть в действительности реформы остались на полпути. Сегодня наступило время для сосредоточения внимания на создание в селе таких условий, которые способствовали бы объединению, кооперации многочисленных крестьянских хозяйств на основе рыночного хозяйствования, их экономического укрепления, развития в них товарного производства, повышения эффективности, расширения возможностей использования в

отрасли новых технологий возделывания агрокультур, технических, агрохимических средств и т.д. Все это позволит перевести реформирование сельского хозяйства на новые рельсы. Этому в значительной мере может способствовать приближение органов власти и управления к субьектам рыночных отношений, что, в свою очередь, предполагает осуществление реформ и в системе управления, в частности, на региональном уровне. Разработка программы перестройки системы управления, в частности, на региональном уровне, и их проведение, по мнению ряда экспертов, поможет решению и другой важной общественной проблемы – развития публичного управления. В самом деле, в построении и утверждении гражданского общества, демократизации общественных отношений в нашей стране огромное значение имеет расширение возможностей участия, вовлечения большого числа жителей общин в этот процесс, для которых многократно повышается заинтересованность участия в процессе выборов руководителей и представительных органов регионов, и их причастность к решению проблем гражданского и социально-экономического характера. Следовательно, реформирование системы регионального управления, целенаправленное использование избирательной системы для обьединения возможностей общин и их жителей, координирование экономических, социальных, гражданских проблем, объединение местных экономических, финансовых, человеческих, рудно-сырьевых и других ресурсов, разработка целевых комплексных программ их использования являются важными направлениями, наиболее эффективными путями развития регионов и общин, местного самоуправления, обеспечения достижения наиболее весомых социальных, производственно-экономических результатов.

Не секрет, что решение многих социально-экономических задач непосредственно связано с государственным управлением, которое, как целенаправленное организующе-регулирующее воздействие государства через свою систему органов и должностных лиц на общественные отношения и деятельность людей, опирается на властные полномочия. На основе девятилетнего опыта действующей в республике системы регионального управления как органической части государственного управления, а также из логики и стратегии его развития[2], можно сделать вывод о том, что дальнейшее реформирование системы регионального управления необходимо вести в русле его целенаправленности на решение текущих и перспективных задач социально-экономического развития регионов и, естественно, страны в целом.

Говоря о необходимости реформирования действующей в нашей республике системы регионального управления и местного самоуправления, децентрализации некоторых функций государственного управления, можно утверждать, что в условиях скудного кадрового потенциала и финансовых возможностей на местах вряд ли можно осуществлять общинное управление, в том числе бюджетную политику в 930 общинах[3].

Один из принципиальных вопросов регионального управления непосредственно соприкасается с социально-экономическими проблемами регионов, разработкой соответствующих целевых программ. Между тем, законодательно-правовое обоснование в этом деле нельзя считать достаточным. В частности, в соответствии с положением майского указа Президента РА, марзпет свои предложения о годовых и долгосрочных программах социально-экономического развития представляет для обсуждения в областной совет. Известно, что областной совет, прежде всего, является консультативным

органом и не имеет законодательных полномочий, и, конечно, предполагается, что программы социально-экономического развития в основном разрабатываются марзпетараном и упор в них главным образом делается на решение задач регионального уровня, и как показывают исследования, многие важные общинные вопросы остаются вне этих разработок, а сами местные органы управления не в состоянии сделать это. Между тем, необходимо, чтобы проекты программ социально-экономического развития региона разрабатывались при активном участии представителей общин, подвергались экспертизе со стороны органа, хорошо знающего местные особенности и проблемы общин, с правом внесения в эти программы соответствующих изменений и дополнений. Считаем также важным, чтобы данный орган одновременно имел также законодательно-правовые полномочия и достаточную компетенцию для утверждения программ социально-экономического развития, определения ответственности за их реализацию, а также осуществления контроля в этом деле. Здесь возможна и обратная постановка вопроса. Необходимо ли вообще, чтобы руководитель области и его администрация занимались разработкой программ социально-экономического развития, в условиях, когда в областях отсутствуют органы представительной власти? Ведь это означает, что разработчики, исполнители, ответственные и контролеры таких социально-экономических программ развития выступают практически в одном лице. Кроме того, по сути, основная функция областных государственных структур и их должностных лиц состоит в координации деятельности областных и территориальных организаций республиканской исполнительной власти. На самом деле руководитель области и его администрация не имеют конституционных, законодательно-правовых полномочий выстраивать в единое целое жизнедеятельность имеющих разные социально-экономические интересы общин. Это и не обязательно. Между тем, в рамках программ социально-экономического развития области, ее отдельных сфер и участков, единых целевых проектов очень актуальным становится, в частности, вопрос концентрации усилий по эффективному использованию имеющихся на местах трудовых, природных, финансовых и других ресурсов, что, к сожалению, остается открытым.

Реформирование регионального управления возможно в нескольких вариантах. Первый: сокращая число областей, в их составе образовать гавары или районы, которые, становясь ближе к общинам, могут более комплексно охватить и решить насущные проблемы. Второй: провести еще более кардинальное и эффективное реформирование и отказаться от такой административно-территориальной единицы как область и построить административно-террриториальную единицу – гавар, что можно сделать путем разъединения, реструктуризации областей. При этом необходимо иметь в виду, что если в первом варианте система управления становится более сложной – правительство-область-гавар-община, то во втором система управления делается трехзвенной – правительство-гавар-община. Во втором варианте, кроме всего, согласно принятым принципам науки управления, обозначается возможность не только экономии затрат на него, но и превращения системы публичного управления в более динамичную, гибкую. В данном случае региональное управление упрощается, и, самое главное, оно приближается к гражданам и всецело направляется на решение их повседневных и перспективных задач.

Рассматривая указанные варианты, учитывая тот факт, что в промежутке область-община заметна значительная удаленность, можно приступить к

обсуждению тех вариантов административно-территориальных единиц, которые, по существу, могут заполнить эту пустоту. С этой точки зрения возможной единицей могут служить следующие варианты – *область, гавар, район.*

Во-первых, административно-территориальная единица – *область* – символизирует более крупную региональную единицу, то есть по сути означает более емкий масштаб, чем необходимо в данном случае для решения целевых задач развития. Кроме того, мы полагаем, что область как административно-территориальная единица в системе регионального управления уже решила некоторые задачи, а для большего она просто не располагает законодательно-правовым потенциалом. Во-вторых, административно-территориальную единицу – *область* – нельзя считать, мягко говоря, термином отечественной истории и традиции или результатом собственного опыта. Несмотря на это, понятие область вошло в нашу жизнь, практику государственного и регионального управления и независимо от того, имеет или нет достаточную законодательно-правовую основу, она в настоящее время функционирует в соответствии со своим положением, режимом и, следовательно, здесь задача состоит не только в их дополнении и расширении.

Известно, что в годы второй республики в Армении накопился значительный опыт в сфере регионального управления и в эти годы основными административно-территориальными единицами были: *район* – в стране накануне и в первые годы независимости было 37 районов, а также 8 районов в г. Ереване и 2 района в г. Гюмри (бывший Ленинакан); *город* – в республике такой статус имели 27; *село* – 479, в сельских советах было объединено 921 сельское поселение. Необходимо подчеркнуть, что в данный период в стране не существовало областных структур и городские, районные советы непосредственно работали с правительством. Также следует иметь в виду, что в условиях второй республики, когда экономика страны была построена на принципе планового хозяйствования, а государственное управление осуществлялось административно-командным способом, города и районы для своего социально-экономического развития централизованно получали не только финансовую помощь, но и на их территориях в соответствии с планом за счет государственных средств воздвигались предприятия и их филиалы – с целью, в частности, обеспечения занятости населения, их экономического развития, решения социальных проблем. В указанный период одновременно усложнилось решение проблем регионального управления, иногда создавалась неконтролируемая ситуация, постоянно увеличивалось число административно-территориальных единиц, особенно районов, не всегда принимались и осуществлялись эффективные, целевые решения, к этому добавлялись многие другие проблемы, в частности, острее стал вопрос занятости населения, в отдельных районах десятки горных селений остались без жителей. Таким образом, район во многом, в том числе социально-психологическом смысле, по времени символизирует недалекое прошлое, время, когда, по сравнению с сегодняшним социально-экономическим положением, он выглядел далеко не хуже, однако его, со своими проблемами и системным содержанием, уже можно отнести к истории. Несмотря на это, административно-территориальную единицу *район* можно считать более приемлемым, чем область.

Теперь обратимся к аргументам административно-территориальной единицы *гавар*: Во-первых, гавар является характерным понятием для исторической Армении. К тому же, за годы Первой республики он был основной административно-территориальной единицей[4]. Во-вторых, в нашей

республике административно-территориальная единица *область* в действующей системе регионального управления представляет собой часть, продолжение системы государственного управления, и она по признанным нормам демократических государств не вправе объединять негосударственные административно-территориальные единицы и руководить их деятельностью. Нами уже была подчеркнута слабая связь области с общинами, а также то, что административно-территориальная единица *район* был характерен периоду другой экономической системы. В-третьих, по существу, гавар ближе к району, чем области, следовательно, еще ближе к общинам. При этом необходимо иметь в виду также особенности нашего времени, когда повсюду утверждаются принципы рыночной экономики, а республиканское правительство больше всего занято решением задач социального и стратегического характера. В этих условиях административно-территориальная единица гавар может взять на себя решение многих проблем, заполнить эту нишу, объединить воедино экономический, финансовый и др. потенциал общин и концентрировать их и целенаправленно использовать для решения задач общин.

Таким образом, гавар – это самоуправляемая административно-территориальная единица, объединяющая, синтезирующая социально-экономические, бюджетные, финансовые вопросы общин, разработывающая целевые программы развития. Это предполагает определение степени ответственности, а также направление региональных процессов в русло проводимой государством общей внутренней, социально-экономической политики. При данном варианте органы государственной власти – исполнительная, законодательная, судебная – обеспечивают соответствующие организационно-регулирующие условия, законодательно-правовое поле функционирования самоуправляющихся органов гаваров, вмешиваются в их деятельность только в порядке, установленным законодательством. Следует отметить, что при действии первого варианта, когда государственные структуры марзов сохраняют свой статус и свою деятельность, но с более ограниченной сферой и персоналом, они должны координировать деятельность действующих в регионе государственных территориальных органов, совмещая, синхронизируя ее с работой органов гавара, а в случае применения второго варианта – они поддерживают их органы, сотрудничают с ними для обеспечения осуществления гаваром установленных полномочий.

Одновременно, в рамках первого варианта предлагаемой концепции, марзпет, марзпетаран своей деятельностью координируют, согласовывают социально-экономические интересы вновь создаваемых гаваров и в первый период их деятельности с непосредственным участием республиканских исполнительных, законодательных органов оказывают методическую помощь, содействуют в формировании представительных, исполнительных органов гаваров, овладению ими современных методов планирования, направлению их деятельности в правильное русло. Вместе с тем, руководитель области, его администрация, будучи вне системы местного самоуправления, на наш взгляд, должны иметь право регулирования, контроля взаимоотношений органов властей гавара и местного самоуправления и эту контрольную функцию необходимо также нацелить на согласование их интересов, решение возникающих между ними непринципиальных разногласий, споров.

В контексте реформирования регионального управления актуальным остается вопрос о статусе г. Еревана как области. С этой точки зрения примечательно, что в настоящее время имеются предложения, по которым

Ереван рассматривается как выборная административно-территориальная единица и тем самым должна избавиться от статуса области. Что касается остальных десяти областей, то анализ их статуса позволяет сделать следующие предложения. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что в предлагаемой административно-территориальной концепции страны вводится новое понятие – административно-территориальная единица *гавар*, основой которого являются характерные признаки единой территориальной, экономической, исторической, культурно-традиционной общности, а также относительная разъединенность от других аналогичных административно-территориальных единиц. При этом существенным является то, что гаварапет, представительный орган – Совет старейшин гавара, будут избираться на основе современных демократических принципов – всеобщим, равным, прямым, тайным голосованием, а также то, что гавар будет иметь соответствующий бюджет. Иными словами, необходимо, чтобы гавару, как административно-территориальной единице, были присущи такие признаки, которые являются характерными для местного самоуправления.

Теперь полагаем целесообразным обратиться к вопросам возможной реализации вариантов реформирования системы регионального управления.

Первое, сегодняшная область Вайоц Дзор, которая имеет 44 общины и является самой маленькой областью в стране, может стать гаваром, а при выборе действия первого варианта настоящей концепции – войти в состав Сюникской области.

Второе, Тавушская область, которая охватывает 62 общины и является естественной частью Гугаркского края, с некоторой реорганизацией может получить возможность стать отдельным гаваром и частью области Гугарк или Гугарац.

Третье, в сегодняшней Гегаркуникской области, которая, в рамках первого варианта настоящего предложения, полностью сохраняет свой статус и границы, могут образоваться два гавара: Н.Баязетский (сегоднящний Гавар) – с бывшим Севанским районом; Мартунинский гавар – с бывшим Варденисским районом. В рамках данной области может быть сформирована Чамбаракская специальная зона и, таким образом, с тремя указанными административно-территориальными единицами образовать общую территорию области Гегама.

Остальные области при действии первого варианта реформирования регионального управления в основном сохранят свой статус и общинные структурные единицы, изменятся только названия и статус составляющих их административно-территориальных единиц, расширятся возможности их экономического и социального развития. В общих чертах предложения первого варианта новой концепции предусматривают построение следующих региональных образований.

В Арагацотской области считается целесообразным формирование Аштаракского гавара с охватом территории бывших административных районов – Аштарака и Талина, а также Апаранского гавара, с включением в него бывших административных районов Апарана и Арагаца.

В Араратской области целесообразно образовать Араратский гавар в пределах соответствующих общин бывшего Араратского района, а также создать Арташатский и Массиский гавары – в границах бывших этих административных районов.

В Армавирской области предусматривается образование двух гаваров: Армавирского – в границах бывших Армавирского и Баграмянского

административных районов; Вагаршапатского гавара – в пределах бывшего Эчмиадзинского административного района.

В области Гегама (Гегаркуник) целесообразнее создать два гавара: Нор Баязетский (Гавар), объединив бывшие административные районы им. Камо и Севанский; Мартунинский гавар – на территории бывших Мартунинского и Варденисского административных районов, а также образование Чамбаракской специальной зоны на территории бывшего Красносельского административного района.

В Гугаркской области или области Гугарац, которая может охватывать также территорию сегодняшней Тавушской области, предусматривается создание трех гаваров: Степанаванский гавар – в границах бывших Степанаванского, Спитакского и Таширского административных районов; Туманянский гавар – в границах бывших Туманянского, Гугаркского и Ноемберянского административных районов; Иджеванский гавар, в который предусматривается включить территории бывшего Иджеванского административного района и города Дилижан. В рамках бывшего административного района Тауша предлагается сформировать Таушскую специальную зону. Справедливости ради следует заметить, что бывший Ноемберянский административный район имеет большую общность с населенными пунктами Туманянского региона, чем с Иджеванским и без особых осложнений может быть присоединен к предложенному гавару. Кроме того, в связи с созданием Степанаванского гавара можно рассматривать и другой вариант, в соответствии с которым, бывший Таширский административный район в порядке реорганизации из Лорийской области естественным образом может войти в Ширакскую область, составляя Таширский гавар. При данном варианте Степанаванский гавар может ограничиваться пределами бывших Степанаванского и Спитакского административных районов.

С такими же принципами реформирования гаваров предлагается в Котайкской области создать два гавара: Абовянский или Котайкский гавар – на территории бывших Абовянского и Наирийского административных районов; Разданский гавар – в границах бывшего Разданского административного района.

В Ширакской области считается целесообразным формирование двух гаваров: Ахурянского гавара, включающего территории бывших Ахурянского, Амасийского и Ашоцкого административных районов; Артикский гавар – в границах бывших Артикского и Анийского административных районов. Здесь можно рассматривать также другой вариант, а именно: на территориях бывшего Таширского административного района, который путем реорганизации Лорийской области предлагается перевести в Ширакскую область, и бывших Амассийского и Ашоцкого административных районов образовать Таширский гавар. Целесообразным видится и другой вариант – Ташир остается в Лорийской области и создается специальная зона Амассия-Ашоцк. В этом случае в Ахурянский гавар возможно включение территорий бывших Ахурянского и Анийского административных районов, а Артикский гавар будет ограничен в пределах бывшего Артикского административного района.

Согласно первому варианту предложенной концепции, более мощной становится Сюникская или Сюнац область, в состав которой, как было отмечено выше, можно включить сегодняшнюю Вайоцдзорскую область, которую, в соответствии с новой концепцией и ее обоими вариантами,

считается целесообразной в своих границах преобразовать в гавар. В рамках данной концепции предлагается бывший административный район Гориса преобразовать в Горисский гавар; на основе бывшего Сисианского административного района – Сисианский гавар; на территориях бывших Капанского и Мегрийского административных районов создать Капанский гавар. Следовательно, в области Сюнац предусматривается иметь четыре гавара, компактных, со значительным потенциалом и хорошими перспективами.

Таким образом, учитывая ход дальнейшей демократизации общества, тенденции развития местного самоуправления, децентрализации функций государственного управления, а также логику и направленность рассматриваемых проблем, представляется новая концепция административно-территориального построения и системы регионального управления республики со следующими конкретными предложениями.

Первое, первым вариантом нового административно-территориального деления республики считать административно-территориальными единицами: *область*, *гавар*, в его рамках специальную зону, *общины*.

Вторoе, первым вариантом новой концепции административно-территориального деления республики на территориях указанных 8 (восьми) областей создаются гавары – со статусом самоуправляющихся административно-территориальных единиц и в их рамках – специальная зона.

Третье, в соответствии с первым вариантом предложенной концепции, территории областей, гаваров (в их пределах также специальных зон) образовываются из территорий общин, которые включаются в указанные единицы. В рамках второго, более кардинального варианта, в качестве административно-территориальной единицы, предлагается рассматривать только *гавар* (в его пределах также специальную зону), который создается на территории соответствующих общин, а также *общину*.

Четвертое, в результате всеобщих выборов в гаваре, в соответствии с принятыми демократическими критериями, избираются: руководитель исполнительной власти гавара (гаварапет), который будет иметь свою администрацию; представительный орган гавара – Совет старейшин гавара (авагани).

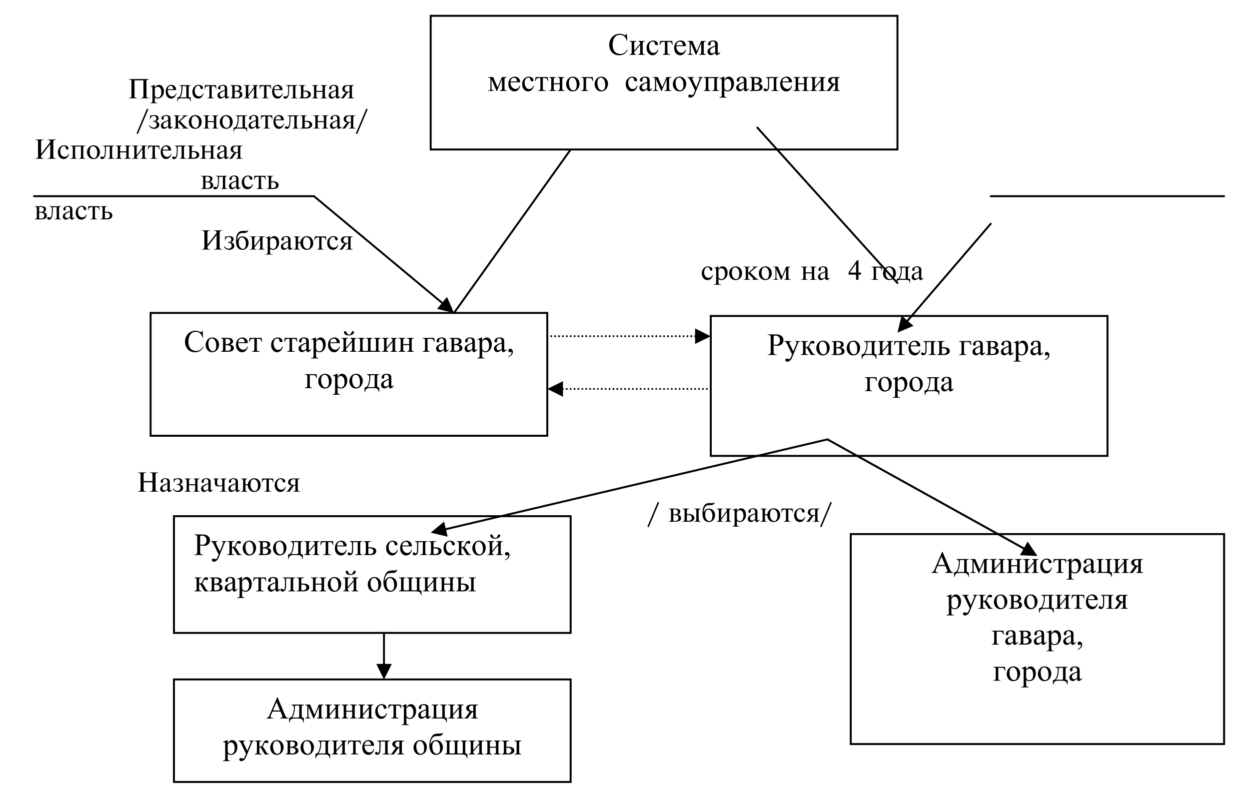
Пятое, в пределах гаваров сохраняется статус городских общин как органов местного самоуправления. Сельские общины также сохраняют свой статус единицы местного самоуправления. При этом руководитель сельской общины – сельский староста (гюхапет) – назначается (выбирается) по представлению руководителя гавара Советом старейшин гавара.

Шестое, в границах территорий областей возникает необходимость формирования новой административно-территориальной единицы – специальной зоны. Исходя из некоторых стратегических соображений, военно-политической целесообразности, предлагается формировать также административно-территориальные единицы – Чамбаракскую специальную зону, Амассия-Ашоцкую (Амассийскую или Ашоцкую) специальную зону и Таушскую специальную зону.

Так как *гавар* будет иметь также представительный орган, который утверждает социально-экономическую программу развития, бюджет гавара, контролирует его выполнение, возникает необходимость совершенствования Закона Республики Армения “Об органах местного самоуправления”, в частности, пунктов 2, 3, 4, 7, 10, 11, 14, 20 статьи 16.

В совершенствовании системы регионального управления и укрепления местного самоуправления существенное значение имеет осуществление на деле демократического избирательного принципа при проведении выборов органов местного самоуправления – гаваров, городских и сельских общин. В этом контексте, в частности, актуальным становится возможное сохранение местного самоуправления в сельских общинах, что позволит общине в рамках закона участвовать в обсуждении межобщинных вопросов, активно вмешиваться в решение проблем гавара. Все это – возможные варианты преобразования системы административно-территориального деления, реформирования регионального управления. Одновременно имеется альтернатива – Совет старейшин гавара по предложению руководителя гавара назначает или выбирает руководителя – старосту общины, в другом случае действует принятое правило - Советом старейшин предлагается и выбирается руководитель – староста общины, которого затем назначает своим приказом руководитель гавара.

По новой концепции регионального управления и административно-территориального деления схема организационной структуры местного самоуправления имеет следующий вид:

Конечно, в процессе и по ходу обсуждения указанных вопросов могут возникнуть различные проблемы, по которым можно найти те или иные решения, тем более, что в нашей республике в этом направлении накоплен значительный опыт. Главное, что ставится в основу идеологии новой системы регионального управления, административно-территориального деления и

дальнейшего совершенствования местного самоуправления, это то, что именно межобщинное объединение создает необходимые благоприятные условия для аккумуляции, концентрации местных и других экономических, финансовых, трудовых ресурсов, а их централизованное, целенаправленное использование является главным средством решения основных социально-экономических проблем гавара, общин, межобщинных задач развития. На основе мобилизации, аккумуляции всех факторов развития можно сформировать не только самые необходимые материальные и финансовые ресурсы для бюджета гавара, общин, но и образовать с участием самих гаваров и общин фонды перспективного развития с привлечением также финансовых средств государственных и других источников, в том числе доступных кредитов — в порядке софинансирования. В комплексе все это будет способствовать более быстрому и эффективному решению местных социально-экономических проблем, разработке, реализации перспективных программ развития гавара, общин, регионального прогресса, построения основ гражданского общества.

1 Глазунова Н.И. Система государственного управления. М., 2003. С. 9.

2 Там же. С. 13-14.

3 Суварян Ю.М., Копян В.М. Общественное управление экономикой: методология и современные проблемы. Ереван, 2003. С. 77. (на арм. яз.).

4 Суварян Ю.М. Очерки теории и истории îбщественного управления. Ер., 2004. Ñ. 34. (на арм. яз.).

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА АРМЕНИИ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Погосян В. В.

2003г. был отмечен в Армении целым рядом выборов (в том числе референдумом). В соседних государствах также проводились выборы, и создалось впечатление, что все они стали звеньями одной цепи. В то же время становится очевидным, что, независимо от нас, регион обладает внутренними невидимыми связующими звеньями, тем самым создавая единую целостность — Южный Кавказ. В этом смысле существующая общность, нравится нам это или нет, заставляет нас рассматривать прочность отдельных связующих звеньев не изолированно, а с точки зрения всей интегральной цепи.

В целом, как мы считаем, избирательная лихорадка на Южном Кавказе, указывает на то, что понимание сущности прав человека и уважение к ним у нас еще не полностью укоренились. Права человека все еще представляют чисто теоретический интерес и актуальную (даже модную) тему, которая не превратилась в постоянную руководящую линию сознательной деятельности, в мировоззрение и идеологию. Права человека выступают не как конкретная политика, но как абстракция. В противном случае, политические силы, собирающиеся участвовать в выборах, думали бы не о том, как победить любой ценой, а задумались бы о последствиях и пытались бы добиться доверия избирателей, защищая конкретные права (в том числе и право участвовать в выборах), конкретных людей.

Выборы наглядно показали, что лица, стремящиеся к власти, руководствуются не демократическими принципами, а известным принципом “цель оправдывает средства”. Другими словами, демократическая атмосфера все еще не сформирована, и выборы не воспринимаются как процесс приобретения народного мандата. Выработка общего отношения к выборам возможна только в том случае, если произойдет детальный политический, социальный и юридический анализ выборов, которые состоялись в каждой из республик.

В демократических странах выборы обуславливаются множеством факторов, но самым важным из них, вероятно, является избирательное законодательство. Оно должно четко определять процедурные механизмы — четкость, точность и прозрачность всего избирательного процесса до и после выборов, и самих выборов, без которых демократические выборы невозможны. С этой точки зрения законодательство Республики Армения не в состоянии обеспечить нормальный процесс выборов, как это показали выборы 1999 и 2003 гг. Выборы 1999 и 2003гг. упоминаются вместе, так как они проводились фактически по одному и тому же закону. В 2002г. в Избирательный Кодекс были введены некоторые изменения, но они носили частный характер и решали отдельные проблемы, и, естественно, не могли существенно улучшить Кодекс в целом. В этом смысле примечательно решение Конституционного Суда РА от 28 июня 1999г., где было отмечено, что “недостатки Избирательного Кодекса РА отрицательно сказались на организации и проведении выборов”. В

частности, это касалось составления избирательных списков и порядка управления, способа и сроков организации избирательных комиссий, их количества и перегруженности (в особенности, в Ереване), порядка последовательности принятия решений и составления протоколов, порядка изучения жалоб и их сроков. Во время выборов 2003г. отрицательные проявления фактически не только не исчезли, но в ряде случаев даже укоренились и приобрели более разнообразный характер. Об этом свидетельствует решение от 24 марта 2003г., принятое Конституционным Судом РА относительно первого тура президентских выборов, где указано, что “в целом ряде решений Конституционного суда Республики Армения отмечаются такие недостатки Избирательного Кодекса Армении, которые оказали отрицательное влияние на адекватную организацию и проведение выборов”. Другими словами, правовая позиция Конституционного Суда РА по отношению к уже исправленному и дополненному Избирательному кодексу РА остается неизменной.

К числу серьезных недостатков Избирательного Кодекса РА можно отнести существующий порядок судебной защиты избирательного права, который очень усложнен и непродуктивен. В основе такого заключения лежит то обстоятельство, что, согласно Избирательному Законодательству РА, порядок обжалования в суде с 1996г. до выборов 2003г. не был задействован. Избирательный кодекс (ст. 139) предусматривает 31 вид правонарушений, по которым право разбирательства, доказательства незаконности и принятия окончательного решения предоставлено судам общей юрисдикции.

Защита избирательного права предусмотрена также Гражданским процессуальным кодексом Армении (ст. 153), согласно которому “гражданин, партия (партийный блок) в случае обнаружения нарушения их права избирать и быть избранными, допущенного государственным органом, органом местного самоуправления, должностными лицами или по решению избирательной комиссии, в результате их действий (или бездействия) могут обратиться в суд, который рассматривает дела гражданского характера”. Кодекс определяет также конкретные сроки (ст. 154) рассмотрения данных дел. Конституционный суд РА также призван защищать избирательное право при судебных спорах по результатам выборов (ст. 100 Конституции РА, ст. 87 закона о Конституционном Суде, ст. 116 Избирательного Кодекса и т.д.). При этом, юрисдикция судов четко разграничена, и каждый из них компетентен только в том объеме, который определен его юрисдикцией, как требуется Конституцией РА (ст. 5). Кроме этого, Избирательным Кодексом установлены сроки судебного разбирательства конкретных нарушений.

Итак, хотя законодательством Армении предусмотрена судебная защита избирательного права в избирательном процессе, а также определенный механизм обнаружения и оценки правонарушений, однако, как показывает судебная практика, по существу это не действует. С нашей точки зрения, это обстоятельство, обусловлено рядом факторов:

а) из-за ряда недостатков, упущений, нечетких определений и т. д. Избирательного Кодекса, которые были отмечены в целом ряде решений Конституционного суда РА (16 апреля 2003г., параграф 10, 24 марта 2003г., параграф 8 и т.д.);

б) недоверие к судебной власти;

в) большинство участников избирательного процесса (члены комиссий, доверенные лица и т.д.) не обладают достаточной правовой грамотностью.

Возможно, следует учесть также и такой психологический фактор, что кандидаты (в президенты, в парламент, партии, блоки) не обращаются в суды общей юрисдикции, поскольку каждый из них уверен, что он победит, и следят не за обнаружением нарушений, допущенных другими, а все внимание сосредотачивают на обеспечении своей собственной победы всеми возможными средствами. Иначе непонятно, почему более десяти тысяч людей, которые официально участвуют в избирательном процессе (члены избирательных комиссий, доверенные лица и т. д.), большинство которых говорит об избирательных правонарушениях, свидетелями которых они были, тем не менее, своевременно не возбудили разбирательство в порядке, установленном законом. В судах общей юрисдикции, как предусматривается законодательством, за небольшими исключениями не были возбуждены дела, не были организованы судебные разбирательства и не были установлены никакие фактические данные, которые могли быть использованы в дальнейшем. В общем можно утверждать, что заинтересованные в избирательном процессе на стадиях организации и проведения выборов почти не заявляли о правонарушениях. Этому, несомненно, способствовало и то, что во многих судах общей юрисдикции редкие зарегистрированные заявления о правонарушениях не были рассмотрены должным образом.

Например, в решении Конституционного суда Армении отмечается, что изучение избирательных споров в судах первой инстанции Ереванского Центрального и Норк-Марашского, Котайкского и Армавирского судов показывает, что имело место формальное отношение к правовой защите избирательного права. Более того, отмечается, что с юридической точки зрения заполнение урн бюллетенями, неправильный подсчет голосов, голосование за других и многие иные нарушения имели место, но окружные избирательные комиссии необоснованно отрицали данные факты, а суды общей юрисдикции не действовали в соответствии с законом, и права членов комиссий и доверенных лиц кандидатов не соблюдались с точки зрения проверки результатов голосований в участковых избирательных округах. Вряд ли доверие к решениям судов увеличится, если один и тот же кандидат в депутаты по решению одного из ереванских судов первой инстанции по одному и тому же основанию не будет
зарегистрирован в качестве кандидата по мажоритарной избирательной системе, а другой суд первой инстанции Еревана будет считать его возможным кандидатом по пропорциональной избирательной системе.

Вследствие этого, сразу же после обнародования результатов выборов, некоторые кандидаты оказываются в “плохом” состоянии. Но так как у них нет больше никаких правовых ресурсов (все сроки уже прошли) единственная возможность – это обратиться в Конституционный Суд. Здесь уместно отметить определенные особенности расследования дел в Конституционном Суде РА. Дело в том, что Конституционный суд во время слушания дела должен ссылаться на аргументы, которые подкрепляются доказательствами, согласно процессуальному порядку. Так, “Закон о Конституционном суде” определяет, что “фактические обстоятельства дела не могут быть предметом расследования” (ст. 57). Такое отношение обосновывается тем, что конкретные нарушения как фактические обстоятельства, согласно юридической процедуре, находятся в компетенции судов общей юрисдикции, и Конституционный суд не имеет права исполнять дополнительные функции. Другими словами, конституционное правосудие может действовать продуктивно только при таких обстоятельствах,

при которых вся система правосудия обеспечивает необходимые и достаточные предпосылки. Более того, как показывает международная практика, конституционное правосудие предполагает нормальную, законодательно установленную деятельность всех государственных органов (в данном случае – избирательные комиссии, полиция, прокуратура и т. д.), связанных с данным делом. В этом смысле трудно не согласиться с оценкой, что избирательный процесс имеет серьезные законодательные недостатки, которые нуждаются в немедленном исправлении. Последнее заключение записано в решении Конституционного суда, означая, что соответствующие органы и официальные лица (Национальное собрание РА, Центральная избирательная комиссия, все органы, связанные с избирательным процессом) должны выполнять это решение. Только с этой целью Конституция РА (ст. 102) определяет, что решения Конституционного суда окончательны и пересмотру не подлежат. Это означает, что ни государственные органы, ни официальные лица не имеют права обсуждать решения Конституционного суда и обязаны принимать их к исполнению. В законе о Конституционном суде Армении (ст. 54) четко определяется, что “исполнение требований, предъявленных Конституционным судом Армении государственным органам, официальным лицам обязательно”. Иначе существование института Конституционного суда теряет смысл.

В демократическом обществе организация выборов предполагает наличие большого количества факторов, реализация которых является единственным путем формирования демократической власти. В первую очередь это касается целенаправленной деятельности всех политических властей (по крайней мере, большинства из них) по защите демократических ценностей, установлению конституционного порядка, формированию гражданского общества. В этом смысле любые компромиссы неприемлемы. Кроме того, такая политика должна осуществляться не только перед очередными выборами, а постоянно и последовательно во всех сферах. Такую политику следует проводить, как уже было отмечено, с точки зрения защиты прав человека. Решение проблемы должно поддерживаться властями, чья последовательная политика в экономике, социальной, культурной, учебно-образовательной и других сферах должна стать основой демократизации общества и государства.

Серьезную роль в деле нормального развития избирательного процесса играют средства массовой информации, которые оказывают существенное влияние на общественное мнение, общественное правовое самосознание и формирование политической культуры. Конечно, средства массовой информации могут решать эту проблему, если они независимы. Однако как свидетельствуют многие эксперты, в стране еще нет такой независимой прессы. Средства массовой информации обычно либо попадают под влияние властей, либо находятся в сфере влияния властей, либо подвергаются влиянию разных партий и, следовательно, они не в состоянии обеспечивать общество объективной информацией. Несмотря на эти обстоятельства, средства массовой информации, с точки зрения негативной оценки выборов 2003г., показали завидное единство. Все они признают наличие множества различных правонарушений, конечно, по-разному оценивая их влияние на избирательный процесс.

В избирательном процессе, в особенности, на стадии предвыборной агитации, на деятельность средств массовой информации отрицательно повлияли недостатки избирательного законодательства, которое не устанавливает четких критериев различия между информацией и пропагандой.

Считается, что основные принципы пропаганды нарушались, то есть лидеры и представители государственной власти и органов местного самоуправления участвовали в пропаганде, так же как иностранцы и союзы, что во время встреч с электоратом использовались государственные средства, а средства массовой информации нарушали требования Избирательного кодекса и не выполнили своего обязательства предоставлять обществу беспристрастную информацию. Представители Центральной избирательной комиссии против такого обвинения выдвигают следующие аргументы: принцип равенства соблюдался во время пропаганды для всех кандидатов (по одинаковой цене), а бесплатное время трансляции было предоставлено поровну и т. д. Они также утверждают, что свобода самовыражения некоторых граждан не должна рассматриваться как нарушение, так же как и факт выражения собственного мнения со стороны некоторых средств массовой информации. Эти две противоположные позиции не получили решения в законодательстве. В то же время, можно отметить, что избирательные комиссии не контролировали предвыборную агитацию. Требования статьи 11 закона “О телевидении и радио” последовательно не осуществлялись, некоторые СМИ высказывали неполные и односторонние мнения, допускали нарушения этических и юридических норм (решение КС РА от 7 июля 2003г.). Равные возможности кандидатов обусловлены формированием мнения избирателей и предполагают нейтралитет государственных органов в избирательном процессе, особенно, на стадии пропаганды. Предвыборная кампания должна быть справедливой и принцип честности не должен интерпретироваться таким образом, чтобы это могло помешать или как-то ограничить реализацию свободы слова и получение информации.

Рекомендации

1. Чтобы весь избирательный процесс соответствовал демократическим стандартам необходимо осуществить целый ряд изменений в комплексном подходе, так как выборы касаются глобальных вопросов общества, и здесь не может быть второстепенных деталей или подробностей. Любое, на первый взгляд, незначительное обстоятельство, чревато последствиями, которые могут серьезно отразиться на результатах выборов и препятствовать процессу демократизации. По нашему мнению, здесь играет большую роль фактор времени. Изменения нельзя осуществлять в последний момент перед выборами, а своевременно, последовательно и, по возможности, в сжатые сроки, так как после законодательных изменений должна последовать серия подзаконных актов, что также требует времени. Кроме этого, необходимо, чтобы все субъекты, участвующие в выборах, имели время для ознакомления с изменениями и соответственно организации своей работы. Кроме того, до общенациональных выборов изменения можно апробировать на частичных выборах и во время выборов в органы местного самоуправления.
2. Для организации нормальных выборов необходимо, чтобы все политические силы, представленные в парламенте, могли бы на основе общих подходов проявлять политическую волю в выработке единых подходов. Без таких подходов вряд ли за короткий срок возможно найти действенные решения. Парламентское большинство должно предпринимать действия по решению данной проблемы.

3. Усовершенствование Избирательного законодательства является основной частью изменений, которые включают решение двух проблем: усовершенствование ряда законов (в первую очередь, Избирательного кодекса Армении) и улучшение работ, регулируемых этими законами (подзаконные акты, организационные вопросы и т. д.):

а) Избирательный кодекс Армении является основой всего избирательного процесса, поэтому парламент Армении должен в первую очередь взяться за усовершенствование этого кодекса. По нашему мнению, изменения в законе должны быть направлены на уточнение понятий (результаты выборов, результаты голосования и др.), конкретизацию функций избирательных субъектов (доверенные лица, избирательные комиссии, наблюдатели и др.), на устранение противоречий, на обеспечение прозрачности всех избирательных процедур вообще. Необходимо найти решения на основе анализа и изучения предложений и замечаний к кодексу, которые отмечены в прессе, в отчетах международных и местных наблюдателей и общественных организаций. Огромное количество замечаний зарегистрировано в решениях Конституционного суда Армении, в которых выражены правовые позиции суда относительно как общих проблем (всего процесса, статуса избирательных субъектов, правовой ответственности и др.), так и частного характера (отдельные процессы, защита избирательных бюллетеней, работа избирательной комиссии и др.). Кстати, хотелось бы напомнить, что в правовом государстве правовая позиция Конституционного суда обязательна для исполнения.

б) Большую роль в избирательном процессе играет ряд законов, которые регулируют правовые отношения в нескольких сферах. Среди них – законы о радио и телевидении, о средствах массовой информации, о политических партиях, об административных нарушениях и др. Во время выборов обнаружилась несовместимость законов о правовых нормах и гражданской службе с избирательным кодексом. Поэтому после реформы Избирательного кодекса необходимо, чтобы все законы, касающиеся Избирательного кодекса, были пересмотрены с целью обеспечения целостной системы, свободной от внутренних противоречий.

в) Для обеспечения нормального прохождения избирательного процесса огромное значение имеют подзаконные акты, которые не должны создавать противоречия, и благодаря своим четким определениям должны обеспечить целостность избирательного законодательства.

4. Нормальный процесс выборов во многом обусловлен также деятельностью исполнительной власти. В решениях Конституционного суда Армении от 28 июня 1999г. отмечается, что правительство Армении допустило упущения в организации и проведении выборов по части исполнительной власти и осуществления требований Избирательного кодекса. Согласно статье 1 Избирательного кодекса, государство несет ответственность за подготовку, организацию и проведение, а также обеспечение законности выборов. Избирательный кодекс Армении предполагает непосредственное участие исполнительной власти в организации и проведении выборов. В частности, правительство Армении должным образом не контролировало подготовку списков избирателей. Принимая во внимание опыт проведения предыдущих выборов и, в частности, массовые жалобы относительно списков избирателей, можно утверждать, что решение Конституционного суда сохраняет актуальность по сей день.

Кроме этого, у исполнительной власти много задач по организации работы правоохранительных органов. Вопрос не только в формальном установлении порядка, что, конечно же, необходимо, но и в осуществлении тех действий, которые связаны с избирательным процессом, например, доступ посторонних в офисы избирательных комиссий и адекватная реакция на правонарушения, обеспечение сохранности избирательных документов и т. д. Исполнительная власть ответственна за нормальное функционирование полиции, органов национальной безопасности и прокуратуры, за предупреждение правонарушений, а в случае правонарушений — принятие безотлагательных мер.

5. В процессе выборов иногда создается впечатление, будто каждый делает что хочет, вплоть до незаконных действий, причем безнаказанно. До тех пор пока все нарушения не будут сопровождаться привлечением к ответственности, их число будет расти. Вызывает удивление тот факт, что большое количество правонарушений не было выявлено и зарегистрировано в соответствующем порядке. Здесь как власти, так и оппозиция должны высказать свое отношение по этому вопросу, иначе станет бессмысленным говорить о справедливых и демократических выборах.

6. Согласно Избирательному кодексу, для организации выборов создается система избирательных комиссий во главе с Центральной Избирательной Комиссией. Известно, что порядок формирования комиссий вызывает дискуссии и различные толкования. По мнению оппонентов, порядок формирования комиссий (6 членов от властей плюс 3 от оппозиционных партий) выгоден только кандидатам от правящей партии, которые безнаказанно совершают нарушения. Здесь уместно упомянуть порядок формирования избирательных комиссий в Грузии, предложенный, как известно, иностранной организацией, которая, в свою очередь, отдает предпочтение оппозиционным партиям. Тем не менее, грузинские события показали, что этот порядок тоже не помог проведению справедливых и демократических выборов. Опыт других государств показывает, что нет общепринятого порядка формирования избирательных комиссий. Каждая страна применяет подходы, основанные на ее опыте и традициях. Как правило, в демократических странах предпочтение отдается государственным органам, которые образуются согласно определенным нормам, что, по нашему мнению, правильно.

Так, согласно Избирательному кодексу Армении, Центральная Избирательная Комиссия (здесь и далее речь пойдет о ЦИК, так как другие комиссии формируются по тому же принципу) является главным государственным органом (почему ЦИК является государственным органом, Кодекс не указывает), который организует выборы и контролирует законность выборов (ст. 41). С другой стороны, избирательные комиссии при осуществлении своих полномочий независимы от государственных и местных органов самоуправления (ст. 32). Однако Центральная Избирательная Комиссия, будучи независимым государственным органом, тем не менее формируется в основном по предложению партий, которые не несут никакой ответственности за плохую работу своих представителей. В то же время нет никакого специального требования к профессиональной подготовке членов комиссии (в данном случае, знание Избирательного законодательства). Очевидно, что невозможно формировать независимый орган законодательным путем, так как члены комиссии, будучи представителями политических сил, изначально руководствуются не правовыми, а политическими мотивами.

Последнее подтверждается всем ходом выборов и, в частности, тем, что более 70 членов участковых избирательных комиссий организованно бойкотировали избирательный процесс в третьем избирательном округе. Более того, насколько нам известно, они не были привлечены к ответственности ни партиями, ни властями. Дело в том, что комиссии должны действительно быть государственными органами, состоящими из государственных служащих, которые будут отвечать определенным требованиям. К тому же, с учетом того факта, что работа большинства членов комиссии является временной, можно привлечь государственных служащих, имеющих опыт работы, ииз других областей. Что касается участия партий непосредственно в работе комиссий, то нам кажется, что можно привлечь их представителей к работе комиссий с определенным статусом (например, в качестве проверяющих).

Для решения данной проблемы большое значение имеет деятельность судебной власти. Конечно, хорошо известно, что судебная власть может осуществлять миссию правосудия, если будет обеспечена независимость судов. По общему мнению, судебная система не в состоянии действенно бороться с нарушениями избирательного процесса из-за своей коррумпированности. Между тем, справедливые выборы невозможно осуществлять без нормальной работы этого звена.

7. Для действительного улучшения работы избирательных комиссий необходимо уделить серьезное внимание специализированной подготовке членов избирательных комиссий. Порядок формирования комиссий, в особенности, смена членов избирательных комиссий накануне выборов и вообще временное присутствие большинства членов приводят к тому, что их подготовка оставляет желать лучшего. Об этом свидетельствует массовый характер ошибок, исправлений и помарок в избирательных протоколах и других документах. То же самое касается документов доверенных лиц. Все это говорит о том, что необходимо коренным образом улучшить методы обучения. Неоходимо отметить также, что в подготовке нуждается большое количество людей, так как тысячи людей вовлечены в работу комиссий, между тем в подготовке доверенных лиц должны быть заинтересованы в первую очередь сами кандидаты.

8. Отрицательное влияние на нормальную организацию работы избирательных комиссий имеет фактор времени, так как продолжительность непрерывной работы избирательных комиссий в день выборов по закону установлена в 30 часов без перерывов и отдыха. Другими словами, оправдание неорганизованной работы заранее заложено в основу работы комиссий (усталость, недосыпание, которые объективно могут привести к невнимательности и ошибкам). Ясно, что работа в таком режиме не может быть безошибочной. Во избежание такого режима можно воспользоваться примером Германии, где одна комиссия отвечает за организацию голосования, а за подсчет голосов – другая.

9. Существенное значение для избирательного процесса имеют уровень технического оснащения избирательных комиссий и своевременное получение информации. Насколько нам известно, состояние участковых избирательных комиссий было особенно плачевным, а в некоторых случаях они даже не имели телефонной связи. Избирательный же кодекс устанавливает, что комиссии должны предоставлять соответствующим субъектам копии документов, пересылать информацию в вышестоящие органы и т. д. Считаем, необходимо создать информационный центр, куда безотлагательно поступит вся информация: результаты участковых избирательных комиссий должны в первую

очередь предоставляться в центр, а затем только в вышестоящую комиссию. Это поможет местным избирательным комиссиям нести ответственность за информацию, и в то же время каждый гражданин и каждое заинтересованное лицо, партия, НПО будут в состоянии следить за выборами, и окончательное подведение итогов будет прозрачным и подконтрольным.

Мы попытались обратить внимание лишь на некоторые вопросы избирательного процесса. Есть множество других – больших и малых проблем, требующих уточнения, исправления (финансовые, соотношение между централизацией и децентрализацией выборов, проблемы учета избирательных бюллетеней, их сохранности и т.д.).

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ СУЩНОСТИ ЗАДАТКА

Ì åëèêÿí À.À.

Сегодня, в условиях рыночной экономики, развития и широкого распространения среднего и малого бизнеса, неисполнение, либо ненадлежащее исполнение обязательств, может пагубным образом отразиться не только на состоянии отдельных субъектов обязательственных правоотношений, но и на экономике в целом. Стороны обязательства должны точно и своевременно исполнять все свои обязанности в соответствии с условиями их соглашения и требованиями законодательства. На сегодняшний день, однако, сам факт заключения соглашения, и даже установление в этом соглашении мер ответственности, не способны гарантировать исполнение этих обязательств. Даже установленные в законе императивные меры не всегда достигают желаемого результата.

Для того чтобы защитить законные интересы физических и юридических лиц, снизить риск неисполнения должником своих обязательств существуют так называемые способы обеспечения исполнения обязательств. Они стимулируют надлежащее исполнение обязательства путем создания для должника риска утраты своего имущества, либо дают возможность кредитору требовать исполнение обязательств, наряду с должником, также и у третьих лиц или требовать у третьего лица уплаты определенной денежной суммы. Одним из вышеуказанных способов обеспечения исполнения обязательств является задаток.

Задаток – один из древнейших способов обеспечения обязательств, наряду с неустойкой, поручительством и залогом. Понятие "задаток" было известно еще в римском частном праве. Первоначально задаток в римском праве играл роль доказательства факта заключения договора, и поэтому не отличался от сегодняшнего понятия "аванс". Однако указом от 528г. император Юстиниан установил штрафную функцию задатка (arra poenals), т. е. он как бы вынуждал должника исполнить обязательство, в противном случае он терял задаток[1]. Задаток в римском праве играл обеспечительную роль и для должника, так как в случае неисполнения обязательства кредитором тот обязан был возвратить двойную сумму задатка. Римское частное право рассматривало задаток не только как денежную сумму, но и некую ценную вещь, которую одна сторона – должник – вручала другой стороне – кредитору в момент заключения договора.

Понятие задатка было установлено в проекте Гражданского Уложения Российской Империи, внесенного на рассмотрение Государственной Думы в 1913г., нормы о котором были включены в главу "Общие положения о договорах", а в дальнейшем и в ГК РСФСР 1964г. (ст. 209), однако, согласно ст. 186 ГК РСФСР 1964г., таким способом могли быть обеспечены лишь обязательства, в которых хотя бы одна из сторон являлась гражданином. Сегодня сфера договорных отношений, которые могут быть обеспечены задатком, значительно расширена. Договор задатка может заключаться не

только в том случае, когда одна из сторон – физическое лицо, но и между юридическими лицами. Кроме того, в нем отсутствовали положения о судьбе суммы задатка, если имелись сомнения в том, является ли уплаченная сумма задатком либо обязательство, обеспеченное задатком, прекращалось по основаниям, установленным законом, до начала его исполнения. В современных кодексах данные упущения восполнены.

Итак, согласно п. 1 ст. 380 ГК РФ и п. 1 ст. 395 ГК РА, "Задатком признается денежная сумма, выдаваемая одной из договаривающихся сторон в счет причитающихся с нее по договору платежей другой стороне, в доказательство заключения договора и в обеспечение его исполнения".

Обиходное, бытовое значение задатка не совпадает с юридическим значением. В обиходе под задатком, скорее всего, понимают оплату части причитающегося по договору платежа за работу, услугу, либо за передачу вещи вперед. Окончательный расчет производится после передачи вещи, выполнения работы или оказания услуги, и если продавец так и не выполнит свое обязательство, то совершенно не ясно, что будет с задатком. В таком случае задаток будет выполнять лишь две функции – платежную и удостоверяющую, и таким образом будет скорее являться авансом, предоплатой, чем задатком.

Исходя же из определения, данного гражданскими кодексами РФ и РА, можно сделать вывод, что задаток выполняет три функции:

1. Платежную. Это денежная сумма, выплаченная в качестве задатка, вносится кредитору в счет причитающихся с должника платежей. То есть если, например, покупатель должен заплатить за товар 10 единиц, и он внес задаток в 2 единицы, то в дальнейшем ему придется доплатить оставшиеся 8 единиц. О. Б. Гусев отмечает, что задаток является формой частичного, а иногда и полного платежа, тем самым, выполняя платежную функцию[2]. Б. М. Гонгало отрицает такой подход, отмечая, что нельзя рассматривать задаток как форму полного платежа, так как если передается вся сумма, причитающаяся по договору, то она уже не может выполнять обеспечительной функции для плательщика, то есть являться задатком, по той причине, что плательщиком договор будет уже полностью исполнен[3]. Утверждение автора о том, что задатком является только частичный платеж соответствует законодательному определению, однако его вывод о том, что в случае полного платежа теряется его обеспечительная функция, на наш взгляд, является необоснованным.

2. Удостоверяющую. Наличие соглашения о задатке говорит о существовании основного обязательства. Если впоследствии возникнет спор о том, заключен ли сторонами основной договор, соглашение о задатке безусловно подтверждает наличие такого договора. Эта функция обусловлена акцессорным характером задатка.

3. Обеспечительную. Некоторые авторы считают, что обеспечительная функция задатка заключается в том, что сумма, переданная в качестве задатка, засчитывается в счет исполнения основного обязательства и в этой части гарантирует его исполнение[4]. Однако, на наш взгляд, обеспечительная функция задатка заключается в установлении в ст. 381 ГК РФ и ст. 396 ГК РА тех негативных последствий, которые наступят в случае неисполнения той или иной стороной своего обязательства. Так, ГК РФ и РА устанавливают, что при неисполнении обязательства стороной, давшей задаток, он остается у другой стороны. При неисполнении же обязательства стороной, получившей задаток, последний должен быть возвращен в двойном размере. Исходя же из утверждений указанных авторов аванс и предоплата также могут иметь обеспечительную функцию, так как задаток засчитывается в счет исполнения

основного обязательства, что является неверным.

Важно отметить, что правила, касающиеся последствий невыполнения обязательств в случае заключения соглашения о задатке не могут быть изменены по соглашению сторон, что очень часто встречается на практике, то есть эти нормы носят императивный характер. При установлении иных правил заключенное соглашение теряет сущность задатка.

Некоторые ученые выделяют и четвертую функцию задатка – компенсационную, так как сторона, ответственная за неисполнение договора, обязана возместить другой стороне убытки с зачетом суммы задатка (ч. 2 п. 2 ст. 381 ГК РФ и ч. 2 п. 2 ст. 396 ГК РА). Однако здесь смешивается понятие задатка, как способа обеспечения обязательства, с понятием возмещения убытков, как меры ответственности. Сторона, в отношении которой обязательство не было исполнено, может требовать взыскания убытков во всех случаях, и это право никак не связано с установлением в договоре задатка как способа обеспечения исполнения обязательств. Задаток будет носить компенсационную функцию только тогда, когда стороны договорились отказаться от возмещения убытков, ограничившись потерей задатка, либо возвратом его двойного размера.

Какие же функции выполняет аванс?

Аванс, как и задаток, есть сумма, уплачиваемая вперед одной стороной другой, то есть как и задаток, аванс выполняет платежную функцию, так как денежные суммы в обоих случаях вносятся кредитору в счет причитающихся платежей. Обе эти суммы также вносятся заранее, то есть до возникновения обязательства, чем и отличаются от обычных платежей по обязательству. Однако основной целью аванса является финансирование деятельности другой стороны путем уплаты вперед части причитающейся суммы, вносимая же сумма в качестве задатка имеет другую цель.

Аванс, как и задаток, выполняет доказательственную функцию, факт выдачи задатка и аванса доказывает установление обязательства. Но следует иметь в виду, что факт выдачи аванса не является безусловным доказательством факта заключения договора – он рассматривается лишь в качестве одного из многих возможных доказательств, в то время как соглашение о задатке достаточно для подтверждения заключения договора. Однако в некоторых случаях аванс может утратить доказательственную функцию. Например, если авансовый платеж будет сделан до возникновения обязательства, то он не будет доказательством заключения договора, так как стороны лишь предполагали заключение договора в будущем и, может быть, даже согласовали некоторые условия будущего договора, но пока его не заключили.

Таким образом, от аванса и предоплаты задаток отличается наличием третьей и самой основной функции – обеспечения исполнения основного обязательства. В случае же неисполнения обязательства при передаче аванса или предоплаты он просто должен быть возвращен, и, соответственно, не может иметь обеспечительную функцию. Сторона, выдавшая аванс, вправе требовать его возвращения в случае прекращения обязательства по соглашению сторон до начала его исполнения, а также во всех случаях неисполнения договора.

Согласно ч. 1 ст. 381 ГК РФ и ч. 1 ст. 396 ГК РА, в отличие от аванса, задаток должен быть возвращен в однократном размере только в случае, если обязательство было аннулировано сторонами до начала его исполнения или прекращено по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон (ст. 416 ГК РФ и ст. 432 ГК РА – обязательство прекращается невозможностью исполнения, если она вызвана обстоятельством, за которое ни одна из сторон не отвечает).

На практике очень часто возникают трудности с установлением того, является ли оплаченная сумма авансом или задатком. Для решения данной проблемы законодатель (и в РФ, и в РА) установил положения о том, что соглашение о задатке, всегда, вне зависимости от суммы задатка, должно быть заключено в письменной форме, в случае же сомнений в том, является ли сумма, уплаченная в счет причитающихся со стороны по договору платежей, задатком, в частности, вследствие несоблюдения правила о письменной форме соглашения о задатке, эта сумма является уплаченной в качестве аванса, если не доказано иное (п. 3 ст. 380 ГК РФ и п. 3 ст. 395 ГК РА). То есть если выдача и получение задатка оформлены письменно или не оформлены, но подтверждены соответствующими доказательствами, либо факт передачи задатка вообще сторонами не оспаривается, то сумма считается задатком, однако здесь остается неясным, какие доказательства могут служить подтверждением выдачи суммы именно в качестве задатка, а не аванса.

Таким образом, сторонам, желающим применить нормы о задатке, следует четко сформулировать в соглашении положение о том, что передаваемая сумма является задатком.

Приведем пример из арбитражной практики РФ.

“Производственный кооператив “СКЦ-Сретенка” (далее – кооператив) обратился в Арбитражный суд города Москвы с иском к закрытому акционерному обществу “Альянс” о взыскании 20010000 рублей, в том числе 12000000 рублей в связи с невозвратом задатка и 8010000 рублей пеней за просрочку возврата задатка.

Как следует из материалов дела, между ЗАО “Альянс” (поставщиком) и кооперативом “СКЦ-Сретенка” (покупателем) заключен договор от 16.09.97 N 51 на поставку 4285 тонн подсолнечного масла по цене 2800 рублей за 1 тонну.

По условиям договора, покупатель в течение 30 дней с даты заключения договора должен перечислить на расчетный счет поставщика задаток в сумме 6000000 рублей. Окончательный расчет за товар производится в течение 10 дней после его получения.

Поставщик обязуется поставить товар в течение 20 дней с даты перечисления задатка. При непоставке товара в установленный срок поставщик обязан вернуть покупателю двойную сумму задатка в течение 10 дней, исчисляемых с последнего дня срока поставки товара. В случае невозврата или просрочки возврата задатка поставщик уплачивает пени в размере 0,5 процента от невозвращенной суммы задатка за каждый день просрочки.

Платежными поручениями от 30.09.97 N 171 и от 03.10.97 N 184 кооператив “СКЦ-Сретенка” перечислил на расчетный счет ЗАО "Альянс" 6000000 рублей.

Однако ЗАО “Альянс” не выполнило обязательств по поставке, в связи с чем кооператив “СКЦ-Сретенка” обратился в арбитражный суд.

Суд обсудил вопрос о том, является ли задатком сумма, перечисленная истцом на счет ЗАО “Альянс”. Поскольку в платежных поручениях от 30.09.97 N 171 и от 03.10.97 N 184 в графе “назначение платежа” истец указал: “оплата за масло подсолнечное”, суд обоснованно не признал эту сумму задатком. В соответствии с п. 3 ст. 380 ГК РФ, данная сумма была признана авансом. Это аванс, то есть суд взыскал с ЗАО “Альянс” 6000000 рублей”[5].

Из приведенного примера видно, что стороны при перечислении денег, которые, по их мнению, являлись задатком, не указали это в платежных поручениях, и возникло сомнение, являлась ли перечисленная сумма задатком. Соответственно, суд принял решение о признании данной суммы авансом, и

никакие правовые последствия, связанные с невыполнением либо ненадлежащим выполнении обязательства, обеспеченного задатком, не возникли.

Соглашение о задатке может быть составлено отдельным документом или же указано в тексте основного договора в качестве отдельного условия. Во всех случаях, судьба задатка зависит от судьбы основного обязательства. В случае его прекращения либо признания недействительным автоматически прекращает действие и соглашение о задатке, то есть задаток носит акцессорный (зависимый) от основного обязательства характер. Прекращение же либо признание недействительным соглашения о задатке не влияет на действительность основного обязательства.

Из определения задатка можно также сделать вывод о том, что задатком может быть обеспечено только реальное требование. Основной договор должен быть заключен, или хотя бы заключаться одновременно с договором о задатке – поскольку задаток, в соответствии со ст. 380 ГК РФ и ст. 395 ГК РА, выдается одной из сторон другой в доказательство заключения договора. Однако есть и противоположное мнение. В частности, О.Б. Гусев отмечает, что, в отличие от залога, задаток всегда выдается в счет обеспечения обязательства по будущему договору. Данное мнение, на наш взгляд, является неверным – задатком является денежная сумма, выдаваемая в счет причитающихся по договору платежей. Никакого обязательства совершить платежи не может возникнуть, пока договор не войдет в силу (ст. 380 ГК РФ и ст. 395 ГК РА).

Договором о задатке может быть обеспечено такое обязательство, где обязанностью хотя бы одной из сторон является уплата определенной денежной суммы – поскольку задаток – это "денежная сумма, выдаваемая в счет причитающихся по договору платежей".

При неисполнении одной из сторон своих обязательств наличие соглашения о задатке не лишает права "потерпевшую" сторону требовать возмещения убытков. В этом случае сумма задатка засчитывается в сумму убытков (п. 2 ч. 2 ст. 381 ГК РФ и п. 2 ч. 2 ст. 396 ГК РА). Если "виновной" является сторона, предоставившая задаток, она должна возместить убытки в части, превышающей сумму задатка. В случаях, когда за неисполнение договора отвечает сторона, получившая задаток, она возмещает убытки, превышающие однократную сумму задатка, но вместе с тем уплачивает двойную сумму задатка.

Данная норма, однако, не является императивной и может быть изменена по соглашению сторон. Стороны могут согласовать возмещение убытков без учета суммы задатка, а также возможность отказаться от возмещения убытков, ограничившись потерей задатка, либо возвратом его двойного размера. В этом случае, по мнению многих авторов, задаток превращается в отступное[6]. Положения об отступном установлены в ст. 409 ГК РФ и ст. 425 ГК РА ("по соглашению сторон обязательство может быть прекращено предоставлением взамен исполнения отступного в виде уплаты денег, передачи имущества и т.п."). Однако, есть авторы, которые считают, что задаток и отступное имеют различную природу. Так, противником отступного является Г.Ф. Шершеневич, который замечает: "Задаток есть средство обеспечения обязательства; он укрепляет позиции участников гражданских правоотношений, предоставляя им дополнительные гарантии. Отступное – не есть средство обеспечения и, следовательно, укрепления обязательства; это, наоборот, есть средство ослабления обязательства..."[7].

На наш взгляд, нет никаких препятствий к тому, чтобы задаток стал отступным, но только в том случае, если сторона, в отношении которой

обязательство не исполняется, согласна на это, то есть готова принять сумму задатка в качестве отступного или в договоре о задатке отмечено, что стороны отказываются от возмещения убытков, ограничившись потерей задатка, либо возвратом его двойного размера. В противном случае задаток не может быть принят как отступное, ведь уплата отступного влечет за собой полное прекращение обязательства, что, соответственно, исключает и взыскание убытков.

В.В. Витрянский указывает, что стороны своим соглашением, в том числе и в тексте договора, обеспечиваемого задатком, вправе установить, "что их обязательство может быть прекращено предоставлением взамен его исполнения отступного и что отступным будет являться денежная сумма, внесенная в качестве задатка (если правом отступиться воспользуется сторона, внесшая задаток), либо передача контрагенту денежной суммы, составляющей двойной размер задатка (если отступает от договора сторона, получившая задаток). В этом случае контрагент стороны, воспользовавшийся правом отступиться от договора, также будет не вправе требовать возмещения убытков, однако не в силу того, что потеря задатка или отступного исключает возмещение убытков, а по причине прекращения обеспеченного задатком обязательства передачей отступного"[8].

Сегодня широко применяется практика заключения соглашения о задатке при купле-продаже недвижимого имущества (квартир, жилых домов и т. д.) между физическими лицами, причем задаток здесь устанавливается для обеспечения заключения в будущем договора купли-продажи, чтобы продавец продал недвижимое имущество именно данному лицу по определенной цене, а будущий покупатель купил недвижимое имущество. Однако, на наш взгляд, с юридической точки зрения, заключаемый ими в этом случае договор нельзя считать договором задатка, Согласно п. 2 ст. 558 ГК РФ, договор продажи жилого дома, квартиры, части жилого дома или квартиры подлежит государственной регистрации и считается заключенным с момента такой регистрации. Только после совершения государственной регистрации договор купли-продажи вступает в силу, порождает права и обязанности для сторон сделки и считается заключенным. До этого момента обязательство не возникает, соответственно каких-либо обязательств, связанных с исполнением договора, у сторон не существует, нет и никаких денежных обязательств. В РА государственная регистрация договора не предусматривается, однако такой договор должен быть нотариально удостоверен. Соответственно, как и в Российской Федерации, в отмеченном нами случае до нотариального удостоверения договора купли-продажи недвижимости в Республики Армения обязательство как такового не возникает (п. 2 ст. 562 ГК РА). Из определения же задатка видно, что он может заключается только для обеспечения (что является его основной функцией) уже заключенного основного договора (т.е. задаток может обеспечивать только реальное, уже существующее обязательство) в счет причитающейся с должника суммы. Поэтому при данной конструкции заключения так называемого соглашения о задатке для обеспечения заключения договора купли-продажи недвижимости данное соглашение не будет иметь правовой сущности задатка.

Если же предположить, что договор задатка в этом случае заключается для обеспечения предварительного договора, то здесь тоже могут возникнуть сомнения. Согласно п. 1 ст. 429 ГК РФ и п. 1 ст. 445 ГК РА, по предварительному договору стороны обязуются заключить в будущем договор о передаче имущества, выполнении работ или оказании услуг (основной договор)

на условиях, предусмотренных предварительным договором. Из определения данного договора видно, что здесь стороны имеют лишь обязательство заключить в будущем договор и никаких денежных обязательств между ними не возникает. Задаток же устанавливается во исполнение денежного обязательства.

Придя к выводу, что такое соглашение не является задатком, необходимо отметить, что данное вовсе не означает, что оно не будет иметь обеспечительной функции. Согласно гражданско-правовому принципу свободы договоров, закрепленному в ст. 421 ГК РФ и ст. 437 ГК РА, стороны могут заключить любой договор, не противоречащий гражданскому законодательству. Такое соглашение можно считать способом, прямо не предусмотренным законом, но и не противоречащим ему. Стороны здесь сами должны определить и подробно изложить в договоре дальнейшую судьбу выданной суммы, так как положения ст. 381 ГК РФ и ст. 396 ГК РА "о последствиях прекращения и неисполнения обязательства, обеспеченного задатком" не будут действовать. Причем, следует учесть, что после заключения основного договора соглашение об обеспечении исполнения обязательства прекращает силу, и для того, чтобы судьба выданной суммы не осталась неразрешенной, в соглашении следует указать, что с этого момента сумма будет считаться задатком по уже заключенному основному договору.

Необходимо отметить также случай, когда источником возникновения соглашения о задатке является не договор, а нормативно-правовой акт. Согласно п. 4 ст. 448 ГК РФ и п. 4 ст. 464 ГК РА, при заключении договора на торгах, участники торгов вносят задаток в размере, который указан в извещении о проведении торгов. Если торги не состоятся, задаток подлежит возврату. Задаток возвращается также лицам, которые участвовали в торгах, но не выиграли их. При заключении договора с лицом, выигравшим торги, сумма внесенного им задатка засчитывается в счет исполнения обязательств по заключенному договору.

Законодательство не предусматривает положений о судьбе задатка, если участник торгов вообще не явился. Должна ли быть возвращена сумма задатка в этом случае? Поэтому не совсем ясно, на обеспечение чего конкретно здесь направлен "задаток". Если на обеспечение того, чтобы торги состоялись и участники явились, то данную сумму, на наш взгляд, едва ли можно назвать задатком, так как задаток, как уже было отмечено, вносится для обеспечения денежного обязательства, которое возникло хотя бы у одной из сторон, а здесь есть лишь обязательства у одной из сторон участвовать на торгах, у другой – провести торги.

Если предположить, что задаток вносится для стимулирования стороны, выигравшей торги, заключить с организаторами торгов договор, то здесь, также как и в первом, случае "задаток" играет обеспечительную (обеспечивает заключение договора) и доказательную (удостоверяет существование соглашения заключить договор в случае выигрыша на торгах) функцию, но никак не платежную (денежного обязательства нет, оно возникнет только в будущем, после заключения договора, а может вообще не возникнуть).

Если же "задаток" вносится для обеспечения договора, который будет заключен с лицом, выигравшим торги, то данная сумма опять не будет задатком, пока не будет заключен договор, так как задаток выдается для обеспечения платежей по уже заключенному договору, а здесь договор еще не заключен.

Итак, данный институт по нашему мнению не имеет правовой сущности задатка, определенного ч. 1 ст. 395 ГК РА и ч. 1 ст. 380 ГК РФ, что

противоречит правилам юридической техники, согласно которым, в одном и том же нормативном акте два понятия с разным юридическим содержанием не могут обозначаться одним термином. Так, согласно ч. 4 ст. 36 закона Республики Армения “О правовых актах”, в одном правовом акте различные понятия не могут быть обозначены одним термином.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что законодательное (легальное) определение задатка значительно сужает сферу применения данного правового института и для исправления данного пробела предлагаем внести изменения в ч. 1 ст. 380 ГК РФ и ч. 1 ст. 395 ГК РА, тем самым расширив понятие задатка.

Регулируемые гражданским правом отношения предполагают организованность, определенность сторон в их возможностях и тех неблагоприятных последствиях, которые могут возникнуть при неисполнении либо ненадлежащем исполнении ими своих обязательств. Поэтому правильное, точное уяснение сущности того, либо иного гражданско-правового института, значительно повысит данную определенность, защитив стороны обязательственных отношений от многих неблагоприятных последствий.

---

1 См.: Подопригора А.А. Основы римского гражданского права. Киев, 1990. С. 186.

2 См.: Гусев О.Б. Договор о задатке. // Нотариус, N 3 (17), 1999.

3 См.: Гонгало Б.М. Учение о способах обеспечения обязательств. М., 2002. С. 77.

4 См. например: Гражданское право. Т. 1. Учебник. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 2000 г. С. 598.

5 Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 20 марта 2001 г. N 1738/99. / Информационная система. Кодекс 5.0.1.27.

6 См.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. М., 1998. С. 486.

7 Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. (по изданию 1907 г.) М., 1995. С. 312.

8 Брагинский М.И., Витрянский В.В. Указ. соч. С. 485.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ВАЛЮТНЫЙ ФОНД: ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

Беккер В. А.

27 декабря 2005г. исполняется 60 лет со дня вступления в силу Статей Соглашения о Международном Валютном Фонде (или Устав МВФ). В настоящее время членами организации являются 184 страны. За 60 лет существования МВФ функции этой организации менялись, как минимум, трижды. Ровно столько раз вносились и поправки к Уставу. Изначально фонд был создан для поддержания устойчивости Бреттон-Вудской системы фиксированных валютных курсов, а его финансовой поддержкой пользовались как развивающиеся, так и развитые страны. Но после краха системы в 1973г. МВФ едва ли не полностью сконцентрировал свои усилия на развивающихся странах. В 1980-е годы основным направлением работы стало содействие стабилизации инфляции в странах с высокой инфляцией. Тогда же МВФ принимал участие в реструктуризации иностранного долга стран, пострадавших от долгового кризиса. Начиная с середины 1990-х годов, МВФ берет на себя роль международного кредитора в последней инстанции[1]. То есть органа, предоставляющего займы странам, пострадавшим от валютного или финансового кризиса или организующего и координирующего предоставление таких займов и реализацию других стабилизационных мер.

Настоящая статья призвана установить причины функциональной трансформации МВФ, проследить последствия внесения изменений в уставные положения Фонда и определить, насколько деятельность этой организации отвечает современным вызовам и задачам глобальной финансовой архитектуры.

Устав МВФ образца 1945 г. с точки зрения целей и принципов организации немногим отличается от Устава МВФ образца 2005г. Однако функции и задачи этой международной организации, а, соответственно, и направления ее деятельности, претерпели значительные изменения. Первая поправка к Уставу МВФ вступила в силу 6 августа 1969г. и касалась введения специальных прав заимствования (special drawing rights) – СДР. Первоначально стоимость СДР определялась по отношению к неизменяемому весу золота: 0,888 грамм. С 1 июля 1974г. связь с золотом была порвана. Стоимость СДР стала определяться на основе корзины валют 16 стран с учетом веса каждой из них. В дальнейшем корзина составляющих СДР валют сократилась до пяти основных: доллар США, йена Японии, немецкая марка, фунт стерлингов и французский франк. В настоящее время корзина составляющих СДР валют состоит из четырех: евро, японской йены, фунта стерлингов и доллара США[2].

К 1969г. основной принцип Бреттон-Вудской валютной системы о строгой фиксации валютных курсов уже не соблюдался, и практически все эталонные валюты стали плавающими. Было решено подогнать право под существующее положение дел, и СДР тоже стали плавающими. Таким образом, сложилась парадоксальная ситуация, при которой эталон, резервное средство международной валютной системы, не обладало собственной стоимостью[3].

Природа СДР все еще недостаточно ясна, но несомненно одно – специальные права заимствования действительно представляют собой настоящую международную валюту, которую могут использовать только государства и международные организации. Реформа устава МВФ значительно повысила возможности использования СДР. Прежде всего, в настоящее время государства-члены располагают правом свободно осуществлять сделки в СДР на основе простого взаимного согласия. СДР также играют главную роль в финансовых операциях и сделках Фонда с государствами-членами в той мере, в какой они заменяют золото в качестве платежного средства. Наконец, в случае необходимости сделки между участниками распределения СДР могут осуществляться в результате назначения, осуществляемого МВФ. Более того, Фонд получил право расширять сферу применения СДР, если он сочтет это уместным: он может разрешить новое использование СДР даже тогда, когда это не предусмотрено уставом, а также расширить категорию «других держателей» СДР в пользу официальных национальных или международных организаций.

Вторая поправка к Уставу МВФ была принята в 1978г. и определяла основные принципы существующей до настоящего времени Ямайской валютной системы. Реформы, содержащиеся во второй поправке, носили умеренный и частичный характер. Были приведены в соответствие право и практика, при этом одно было подогнано под другую. Новый режим обменных курсов явился прямым опровержением установленной в Бреттон-Вудсе системы, при которой все национальные валюты должны были определяться по отношению к золоту. Логическим последствием феномена плавучести валют стало постепенное ослабление МВФ как организации, выполняющей функцию «полиции обменных курсов». Возложенная на него в 1978г. второй поправкой задача, по существу, не привела к ожидаемым результатам и не могла скрыть сокращения нормативной функции Фонда в этой области. Несмотря на это, полномочия Фонда в другой области были расширены: предусматривалось право осуществления общего контроля не только за функционированием международной валютной системы, но и за тем, каким образом государства-члены выполняют свои обязанности внутреннего порядка. При этом, Фонд должен уважать внутреннюю социальную и общую политику государств-членов так же, как и их особое положение.

11 ноября 1992г. вошла в силу третья поправка к Уставу МВФ, которая предусматривает приостановление права голоса и некоторых других прав тех стран, которые не выполняют своих обязательств по уставу[4].

В настоящее время (с начала 1997г.) в рамках МВФ изучается более крупномасштабный проект четвертой поправки. Проект направлен на распространение нормативной функции Валютного Фонда на движение капиталов, что заполнит один из наиболее значительных пробелов Устава. Такая реформа будет фундаментальной в том отношении, что она изменит концепцию конвертируемости валюты, до сих пор сдерживаемую Уставом МВФ, и, следовательно, укрепит валютную дисциплину, чего и требуют государства-члены. Конвертируемость будет одновременно текущей и облегчающей движение капиталов, что определенно в большей степени будет ограничивать государства-члены, поскольку им придется получить согласие Фонда до введения ограничений в этой области[5].

За период существования МВФ претерпела значительные изменения не только его валютная политика, но и его кредитная деятельность. Из подлинно международной валютно-финансовой организации, предоставляющей кредиты всем странам, имеющим дефициты платежных балансов, Фонд

превратился в кредитора развивающихся государств и стран с переходной экономикой. Новый этап в кредитной деятельности МВФ начался в середине 50-х годов. Он был связан с крушением колониальной системы и образованием новых государств, что сопровождалось резким увеличением количества участников этой организации. Их число выросло с 44 в конце 1957 до 113 на начало 1980г. Потребность стран в кредитных ресурсах МВФ особенно возросла с конца 1973г. вследствие воздействия энергетического кризиса на платежные балансы большинства его членов. Развитые страны были вынуждены активизировать межгосударственное регулирование через МВФ посредством расширения его кредитной деятельности. Это нашло выражение в значительном увеличении ресурсов Фонда, а сам он стал превращаться в институт «коллективного воздействия и регулирования». Усилилась функция МВФ как координатора кредитной политики ведущих развитых государств. Более активным стало его воздействие на внутреннюю экономическую политику стран-членов, получателей его ресурсов.

Вследствие кризисных потрясений в мировом хозяйстве и его валютной системе и резко возросшей потребности стран в кредитах, МВФ был вынужден ввести «расширенное», «нефтяное» и «дополнительное» финансирование. Это способствовало, в первую очередь, интересам его главных клиентов – промышленно развитых стран. Так, средства «нефтяного фонда» в размере 6,9 млрд. СДР были в 1974-1975гг. выданы 55 государствам, причем 2/3 общей суммы кредитов получили промышленно развитые страны, в том числе 2/5 – Великобритания и Италия.

В середине 90-х годов был выдвинут проект продажи части золотых запасов МВФ для финансирования беднейших стран по линии механизма расширенного структурного регулирования, что должно было способствовать облегчению финансовой нагрузки по выплате их внешнего долга. Однако проект, поддержанный США и Великобританией, встретил сопротивление со стороны Швейцарии, которая имела реальную возможность привлечь на свою сторону другие страны, чтобы заблокировать решение этого вопроса. Против продажи золота Фонда выступила также Германия, утверждая, что это ослабило бы ее баланс.

Таким образом, к 90-м годам изменилась структура заемщиков МВФ: доля развивающихся стран в кредитах МВФ возросла с 39% в 70-х годах до 92% в начале 90-х годов[6]. Объяснение этому крайне простое: с одной стороны, промышленно развитые страны – официальные двусторонние кредиторы – не слишком стремились наращивать свое внешнее финансирование развивающегося мира, с другой, сами заемщики из освободившихся стран предпочитали получение многосторонних государственных кредитов как более дешевых. Произошло крупномасштабное расширение направлений деятельности МВФ. Из наднациональной организации, регулирующей лишь валютно-финансовый сектор мировой экономики, он превратился в крупный международный центр, осуществляющий также кредитные операции. По существу, Фонд сыграл ведущую роль в выработке стратегии урегулирования проблем международного долга молодых государств.

Со второй половины 80-х годов Фонд перешел к кредитованию предлагаемых им программ коренной перестройки хозяйственных систем стран-дебиторов. При этом, адаптационные программы Фонда для развивающихся стран по структуре входящих в них элементов практически одинаковы и не могут существенно различаться, поскольку имеют единую концептуально-теоретическую основу. Дело в том, что МВФ последовательно организует свою

деятельность в кредитуемых странах на основе монетаристской концепции. Это значит, что для всех стран, испытывающих финансовые затруднения, первым условием получения финансовой поддержки выдвигается концентрация усилий кредитуемой страны на выравнивании платежного баланса. Это – первый элемент экономических реформ, проводимых в 90-х годах в странах заемщиках МВФ.

Другой важный элемент модели экономических реформ, предлагаемых МВФ кредитуемым странам, – широкая по охвату структурных элементов национальной экономики либерализация. В этой части одно из первых требований Фонда – обеспечение открытости экономики этих стран: упрощение системы внешнеторговых тарифов, сокращение тарифных ставок и разного рода ограничений на импорт, установление реального валютного курса, а также процентных ставок на уровне, приемлемом в мировой практике.

Третий элемент модели экономических реформ, предлагаемых МВФ, – масштабное проведение приватизации. Реформы, как правило, предусматривают приватизацию банковской системы, всех отраслей экономики, оставление в собственности государства лишь предприятий производственной и социальной инфраструктуры, которые обеспечивают общие условия функционирования предприятий (транспорт, дорожная сеть, водоснабжение, энергоснабжение), но которые, в силу ряда причин, не представляют интереса для частных предпринимателей.

И заключающим, четвертым элементом модели экономических реформ в освободившихся странах, является восстановление их экономического роста.

Таким образом, модель экономических реформ в странах, кредитуемых МВФ, однотипна - финансовая стабилизация, либерализация, приватизация, восстановление экономического роста. Это касается и наименее развитых стран и новых индустриальных государств.

Директорат Фонда проводит периодический анализ опыта стран по использованию его кредитов стэнд-бай и кредитов расширенного финансирования. Он стремится таким образом оценить правильность стратегической направленности стабилизационных программ, ход их реализации и достигнутые результаты. Так, в 1994 г. он проанализировал опыт 36 государств, заключивших с Фондом 45 соглашений о таких кредитах. Была подвергнута анализу эффективность трех ключевых элементов подхода МВФ к перестройке и стабилизации, таких, как сдерживание чрезмерного внутреннего спроса, проведение структурных реформ и привлечение внешних ресурсов. Директорат пришел к выводу, что его широкая стратегическая модель остается целесообразной и является особенно эффективной для устранения диспропорций в платежном балансе страны-заемщика. Вместе с тем, нередко оказывается замедленной соответствующая реакция в виде экономического роста и инвестиций. Тем самым, он признал, что согласованные с ним стабилизационные программы не сопровождаются увеличением темпов экономического роста и инвестиций в соответствии с намеченными сроками. Отсюда следует очень важный вывод о проблематичности соответствия кредитной политики Фонда целям этой организации, предусматривающим содействие увеличению темпов экономического роста[7].

Вынужденное и скромное признание в том, что стабилизационные программы не ведут к адекватному росту занятости со всеми вытекающими социально-политическими последствиями, дает основание сделать вывод о примате целевой направленности программ на стабилизацию платежного баланса над повышением темпов экономического роста и занятости. Это

объясняется тем, что МВФ заинтересован, прежде всего, в обеспечении актива платежного баланса и, соответственно, роста валютных резервов страны-заемщика, которые позволяют погашать его кредиты и таким образом воспроизводить ротацию его кредитных ресурсов.

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать вывод, что финансирование Фондом дефицитов платежных балансов развивающихся стран и стран с переходной экономикой в современных условиях имеет ту важную особенность, что его кредиты этим странам выдаются под стабилизационные программы, предусматривающие осуществление структурных преобразований в экономике. Речь не идет об обычном дефиците платежного баланса, который вызывает потребность соответствующей страны в резервных активах. Вовлеченность Фонда в структурную перестройку экономики стран позволяет утверждать, что Фонд претерпевает процесс трансформации в своеобразное агентство развития, становясь конкурентом международных финансовых организаций, созданных специально для этой цели. Это свидетельствует об утрате Фондом его системной роли, то есть органа, главной целью которого должна являться стабилизация мировой валютной системы, а не финансирование проектов и программ экономического развития, которые призваны осуществлять МБРР и его филиалы, а также региональных и субрегиональных кредитно-финансовых организаций. Превращаясь фактически в международное агентство развития, МВФ неадекватно выполняет эту роль. Доказательством тому служит его признание в том, что финансируемые программы не сопровождаются изменением темпов экономического роста соответствующей страны в намеченном размере и в ожидаемые сроки.

Поскольку в последние десятилетия Фонд постепенно уступает позиции главного международного финансового органа, то он стремится взять на себя новые, не свойственные ему функции для укрепления своей роли на международной арене. С этой целью с 2001г. велась разработка нового проекта, получившего название «механизм реструктуризации государственного долга» (далее механизм). Инициатором создания механизма банкротства, как его еще называют, по государственным долгам выступила Анна Крюгер, первый заместитель директора-распорядителя МВФ. В апреле 2003г. проект механизма был подготовлен и предложен на утверждение в МВФ, но, не набрав необходимого для его принятия количества голосов, был отправлен на доработку. Существует большая вероятность того, что в ближайшем будущем МВФ наделит себя новой функцией – суда по банкротствам по государственным долгам.

По мнению некоторых аналитиков, после 11 сентября 2001г. и перехода Белого дома к политике установления прямого контроля американских институтов власти в международных отношениях руководству МВФ срочно потребовался прецедент юридически оформленного банкротства суверенного государства с последующим введением в нем внешнего управления со стороны кредиторов. Подмостками для этого ''спектакля'' и должна была стать полностью подконтрольная США и МВФ Аргентина. Истеблишмент Аргентины, пожалуй, самый американизированный в Латинской Америке и провозглашенный МВФ в начале 90-х годов образцовым план "отца аргентинского экономического чуда" – Кавалло, который основан на жесткой валютной политике, массированной приватизации госсобственности и тотальной долларизации экономики, что поддержали все основные политические силы страны.

В начале декабря МВФ отказал Аргентине в предоставлении очередного стабилизационного кредита, заявив о необходимости проведения процедуры формального банкротства государства с введением внешнего управления со стороны кредиторов (из $132 млрд. долга Аргентины $97 млрд. составляют долги частным лицам и корпорациям, в основном, американским), в рамках которой МВФ выступал бы в роли арбитражного суда. Пытаясь обеспечить очередную выплату процентов по внешнему долгу, правительство президента Руа попыталось выполнить указания валютного совета и полностью приостановило выплаты пенсий и, частично, зарплат. Начавшиеся массовые выступления протеста привели к отставке президента и переходу власти к победившей на парламентских выборах в октябре 2001г. оппозиции (перонистов). То есть в результате этой провокации МВФ первый год XXI века ознаменовался первой в истории антиглобалистской революцией. Характерно, что для осознания потери контроля над ситуацией в стране аргентинскому истеблишменту и руководству МВФ понадобилось 2 недели (21.12.2001г. - 01.01.2002г.), за которые в Аргентине сменилось 5 президентов, причем один из них, председатель сената Р. Пуэрта, успел побывать в этой должности дважды.

Опыт Аргентины показывает, что от кризиса страдают как «двоечники», так и «прилежные ученики». Не секрет, что для МВФ преодоление Аргентиной долгового кризиса было особенно важно. Можно отметить основные упущения, допущенные МВФ по преодолению странами финансовых кризисов. МВФ должен перестать утверждать, что причина кризиса в развивающихся странах заключается в том, что они недостаточно твердо следовали предписаниям из Вашингтона. Экономическое развитие, во всяком случае, на раннем этапе, наиболее успешно в условиях относительно закрытых рынков и финансового регулирования. Таков исторический опыт не только Кореи или Тайваня, но и Западной Европы и Северной Америки. Открытые рынки и отмена финансовых ограничений, как, оказалось, создают нестабильную ситуацию. На сегодняшний день наиболее успешным примером, как это ни парадоксально, следует признать Китай, страну, которая все делает не по рецептам МВФ, а вопреки ним. Китай успешно привлекает инвестиции, добился стабильно высоких темпов роста и, самое главное, смог избежать финансового краха.

Подводя итог настоящей статье, отметим, что главной и характерной чертой деятельности МВФ на современном этапе является примат политики кредитов для финансирования структурной перестройки экономики развивающихся и транзитных стран и, как следствие, перерастание Фонда в международное агентство развития. И хотя программы МВФ не всегда приводят к желаемым или декларируемым результатам, сам факт предоставления кредитов нуждающимся странам является своего рода положительным сигналом, катализатором для частных инвесторов капиталов. В целом же, можно констатировать, что дерегулируемый характер Ямайской валютной системы, закрепленный во второй поправке к Уставу МВФ, способствует зарождению и распространению финансовых кризисов, урегулирование которых становится невозможным без пакетов МВФ. Таким образом, МВФ – это универсальный и долговечный механизм, который сам вызывает, и сам же регулирует финансовые кризисы развивающихся и транзитных стран, становясь практически полноправным и часто единоличным хозяином реформируемой страны. После ухода МВФ с территории страны, ее экономика становится полностью открытой для интервенции американского капитала, который, как

известно, не всегда несет благо. Так что, в ближайшем будущем МВФ без работы не останется.

---

1 Fischer Stanley. IMF Essays From a Time of a Crisis. The International Financial System, Stabilization, and Development. The MIT Press, Cambridge, Massachusetts, London, England, 2004. P. 12.

2 www.imf.org Press Release: IMF Completes Review of SDR Valuation October 12, 2000

3 Карро Д., Жюйар П. Международное экономическое право. М., 2002. С. 513.

4 www.imf.org Articles of Agreement of the International Monetary Fund Adopted at the UN Monetary and Financial Conference, Bretton Woods, New Hampshire, July 22, 1944. Entered into force December 27, 1945. Last amended effective November 11, 1992, by the modifications approved by the Board of Governors in Resolution No. 45-3, adopted June 28, 1990.

5 Карро Д., Жюйар П. Указ. соч., С. 481.

6 Звонова Е.А. Международное внешнее финансирование в современной экономике. М., 2000. С. 182.

7 Кузнецов В.С. Международный валютный фонд и мирохозяйственные связи. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2001. С. 237.

РАСКРЫТИЕ ПСИХОЛОГИИ ПРЕДАТЕЛЬСТВА В РОМАНЕ А.А. ФАДЕЕВА «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Манукян О. Г.

Роман Александра Фадеева «Молодая гвардия» – одно из выдающихся произведений русской советской литературы о Великой Отечественной войне. В нем на примере деятельности подпольной комсомольской организации одного из шахтерских городов Восточной Украины с большой авторской любовью показан подвиг советской молодежи в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

Особое место в «Молодой гвардии» занимают образы предателей – людей, в тяжелейший для страны период оккупации пошедших в услужение к врагу. «Гневно и беспощадно разоблачает писатель предателей Родины, людей, продавшихся врагу, пошедших к нему в услужение. Беспринципность, отсутствие каких бы то ни было идеалов, животный страх - вот что привело их к предательству»[1]. Фадеев в своем произведении изобразил два типа людей, которые пошли на службу к немцам. Это, в первую очередь, открытые предатели. Многие из них были закоренелыми врагами Советской власти, ненавидели страну, в которой жили. С приходом немцев они не преминули показать свое подлинное лицо: бургомистр Стаценко, начальник полиции Соликовский, следователь Кулешов, переводчик Шурка Рейбанд и другие. В «Молодой гвардии» мы также встречаем людей, которые принимая «новую власть», желают спасти свою жизнь или получить хоть какую-то выгоду. Таковы, например, Вырикова и Лядская. В романе мы видим и людей, просто приспособившихся к новому фашистскому порядку. Среди них бывшая возлюбленная Олега Кошевого Ленка Позднышева.

Важное место среди образов предателей занимает образ Евгения Стаховича, на примере которого мы и попытаемся проследить психологию человека, в конце концов, выдавшего фашистским палачам своих соратников по подполью. Здесь необходимо оговориться, что под вымышленным образом Стаховича Фадеев фактически вывел молодогвардейца Виктора Третьякевича, до 1959 г. считавшегося предателем (позже реабилитированного). Не вдаваясь в полемику о подлинной роли Третьякевича в жизни подпольной комсомольской организации Краснодона, проследим за эволюцией образа Евгения Стаховича в романе «Молодая гвардия». Не желая позорить фамилию Третьякевича, Фадеев вывел его под другим именем, что, одновременно, позволило автору свободнее обращаться к художественному вымыслу и более убедительно раскрыть суть совершенной измены, причины, побуждающие людей к такому поступку. Говоря о месте вымышленного образа Стаховича, В. Боборыкин пишет: «Писателя интересовали не сами факты предательства, а те порою весьма опасные явления общественной жизни, которые могли привести и нередко приводили к нему людей, как будто заслуживавших самого большого доверия. Ему важно было разобраться в психологии этих людей, измена которых казалась

невероятной и потому была особенно вероломной, не говоря уже о том, что, случалось, приносила народу очень ощутимые потери»[2].

Уже с первых минут появления Стаховича на страницах романа автор как бы начинает готовить читателей к совершаемому им в конце произведения предательству. Поступок Стаховича, выдавшего товарищей, показан автором как закономерный результат всего его предшествующего недолгого жизненного пути. Евгений с детства проявлял способности к общественной деятельности. Он рано был замечен большими людьми в городе, быстро перенял их речь, начал разбираться в служебных и личных отношениях старших. В то же время он не понимал истинного содержания деятельности этих людей, «создал себе ложное представление об искусстве власти, будто оно состоит не в служении народу, а в искусном маневрировании одних людей по отношению к другим, чтобы тебя поддерживало больше людей»[3]. Желание продемонстрировать перед товарищами свое мнимое превосходство, толкало его на покровительственный тон общения с ними, «комплекс незаурядного человека», не считающего для себя обязательными обычные правила человеческого общежития. Вот основные черты характера Евгения Стаховича – члена штаба «Молодой гвардии», до вступления в ее ряды успевшего побывать в партизанском отряде и «вовремя» покинуть его.

Опасения ребят вызывает не только сам факт бегства Стаховича из отряда, но и то, как он ведет себя дальше. Евгений сказал молодогвардейцам, что, якобы, послан к ним от штаба отряда. Когда ложь благодаря Проценко и Любке стала известна, он объяснил свое поведение тем, что его хотели послать. «У меня есть опыт, я уже участвовал в организации отряда и был в боях – вот почему я так сказал» (с.50). Стахович поспешил подготовить и оправдание для себя, но только довод, почему же «он должен был погибнуть, а не спастись, как другие, как этот партизан, которого встретила Любка?» (с.51), оказался убедительным исключительно для самого себя. Другие же комсомольцы воспринимают побег Стаховича из партизанского отряда как дезертирство с поля боя и выводят его из штаба подпольной организации.

Однако интерес образа Стаховича заключается в том, что он – не открытый предатель, такой как Стаценко или Соликовский. Герои романа хотят, чтобы он исправился и своими дальнейшими поступками искупил вину. И они дают ему такой шанс: оставляют руководить одной из подпольных пятерок и даже посылают на боевое задание. Как справедливо отмечает А.Бушмин, у Фадеева одним из творческих приемов изображения героев является их показ в ситуации испытания, когда раскрываются лучшие черты человеческого характера. «Использование ситуации испытаний характерно для всех произведений Фадеева, это один из принципов его психологизма, проявившийся особенно ярко в «Молодой гвардии». Конечно, принцип этот не является просто литературным приемом. Он порожден теми историческими героическими событиями, которые составляют реальную основу сюжетов его романов»[4]. Молодые подпольщики выдерживают все тяжелейшие испытания, и только один из них – Стахович, – проявляет малодушие.

Еще до эпизода исключения Евгения из штаба автор прямо противопоставляет его одному из главных героев – Олегу Кошевому. Их прямое столкновение происходит во время совещания на квартире Ивана Туркенича, когда обсуждается вопрос о возможности нападения на тюрьму, в которую были заключены видные коммунисты, шахтеры. После очередной волны арестов и изгнания из полиции «своих» – Пирожка и Ковалева, стало очевидным, что сил для нападения недостаточно. Но Стахович упрямо

настаивает на проведении намеченной операции. Как говорит Ваня Земнухов, пытаясь убедить ребят в своей правоте, он давит на чувства молодогвардейцев. Ему прямо противостоит Олег Кошевой, который ничуть не меньше желая напасть на тюрьму, трезво оценивает ситуацию и понимает, что у операции слишком мало шансов на успех. Такое весьма безобидное, на первый взгляд, поведение Стаховича отвечает одной из главных черт характера героя – его увлеченности показной стороной деятельности в подполье. Легко публично выдвигать смелые предложения, настаивать на их незамедлительном выполнении. Куда сложнее выработать план действий, исходящих из сложившейся ситуации, не подвергать людей излишней опасности, погубив их и не оказав никакой помощи заключенным. Стахович противоречит сам себе. Когда нужно было оправдать собственное бегство из партизанского отряда, то, конечно, нельзя было упустить ни малейшей возможности спасти свою жизнь. Другое дело, продемонстрировать перед друзьями насколько ты смел и решителен.

Но ребята никак не могли, да и не хотели поверить в то, что бывший партизан так и не исправился. Сам Фадеев объясняет это добрым свойством человеческой натуры. «По доброму свойству человеческой натуры, присущему иногда и принципиальным людям, люди очень неохотно меняют, считают даже как-то неловким менять привычно сложившееся, перешедшее уже в быт отношение к человеку, хотя неопровержимые факты показали, что человек этот совсем не таков, каким казался. «Выправится! Мы все не без слабостей», – говорят в таких случаях люди» (с. 138). Это жизненное наблюдение помогло автору объяснить отношение молодогвардейцев к Стаховичу уже после вывода последнего из штаба «Молодой гвардии». Большинство ребят продолжает относиться к Евгению по привычке, как если бы с ним ничего не случилось. Ко времени, когда Стаховича вместе с другими ребятами отправили на задание (срыв угона скота немцами), он уже почти восстановил свое доброе имя. «Это было ему тем легче сделать, что для большинства членов «Молодой гвардии» он никогда не терял его» (с. 138). На задании Стахович проявил себя достойным образом, что поспешил отметить в беседе с Олегом Кошевым Ваня Туркенич. Но тень сомнения при оценке поведения Стаховича остается: Кошевой с неуверенностью соглашается, что Евгений на задании проявил себя молодцом, и потом ему удалось лишь «почти» восстановить свое доброе имя. Писатель как бы все время напоминает, что Стаховичу до конца доверять нельзя.

До начала первых арестов среди молодогвардейцев он продолжает свою активную деятельность в подпольной комсомольской организации. Стахович даже был назначен администратором клуба и конферировал на первом эстрадном концерте. «Стахович, администратор и конферансье, в темном костюме и начищенных до блеска ботинках, худой, выдержанный, вышел на сцену» (168).

Узнав об аресте Земнухова, Мошкова и Стаховича, ребята принимают решение уйти из города. Перед руководителями «Молодой гвардии» невольно встает вопрос, не выдадут ли ребята всю организацию? Прав оказался Туркенич, с уверенностью говоривший, что ребята не выдадут. Но, к сожалению, только отчасти. Ни Земнухов, ни Мошков не проронили ни единого слова. Но не таким был Евгений Стахович: «...у Стаховича еще ничего нет за душой, кроме, быть может, хорошо освоенных эффектных фраз да начальственного самолюбия. И в часы жестокого испытания все это рассыпается, не оставляя для сопротивления физическим и духовным мукам ничего, кроме животного инстинкта самосохранения»[5]. Двое из руководителей организации – Олег

Кошевой и Сергей Тюленин, допускают в беседе мысль, что Стахович может не выдержать.

Перед рассказом о выдаче Стаховичем штаба «Молодой гвардии» и его дальнейшей предательской деятельности, Фадеев дает характеристику того типа молодых людей, к которым и принадлежал Евгений. Автором вновь подчеркивается увлеченность Стаховича показной стороной общественной, а затем и подпольной деятельности. Истерически-героический образ героя сразу рушится при столкновении с первой серьезной опасностью. Он сбежал из партизанского отряда, но проявил доблесть и отвагу при нападении на немцев, угонявших скот. Тем более, что эта операция была практически обречена на успех. «Стахович, как все молодые люди его складки, у которых основная двигательная пружина в жизни – самолюбие, мог быть более или менее стоек, мог даже совершить истерически-героический поступок на глазах у людей, особенно людей, ему близких или обладающих моральным весом. Но при встрече с опасностью или с трудностью один на один он был трус» (228). Здесь впервые Фадеев открыто и однозначно говорит о Стаховиче как о трусе и приступает к прямому развенчанию его образа. Автор делает это убедительно, с глубочайшим презрением описывая его поведение в тюрьме. Изображению открытого предательства Стаховича в романе уделено не много страниц, но от этого образ предателя не становится менее убедительным. Рассказав о том, что кражу новогодних подарков они совершили втроем с Земнуховым и Мошковым, Стахович хотел перевести все в уголовное дело и вымолить себе прощение. Он даже не допускал мысли, что, назвав фамилии Земнухова и Мошкова, подверг опасности всю подпольную комсомольскую организацию. Палачу Фенбонгу понадобилось немного времени, чтобы вырвать из уст Стаховича фамилию Тюленина. И здесь автор не жалеет слов, с презрением говоря о предателе. «Жалкий, он не знал, что, выдав Тюленина, он вверг себя в пучину еще более страшных мучений, потому что люди в руках которых он находился, знали, что они должны сломить его до конца именно теперь, когда он проявил слабость» (с. 229). Логика выдачи немцам всего штаба «Молодой гвардии» для Стаховича проста: он был лишь исполнителем, в организации есть люди и более высокого положения, пусть они и отвечают. Тем более, что он не заслужил таких мучений. Волна все новых арестов была обусловлена страшной стихией признаний Стаховича, который, даже не задумываясь над тем, сколько губит жизней, называя то одно, то другое имя, продолжал выдавать их. Себялюбивый характер, эгоизм, привитый с детства, животный страх за свою жизнь не позволили Стаховичу понять простой истины, что, выдавая подпольщиков, он нисколько не облегчает своей участи. «Он стал считать себя особым, избранным человеком, свысока смотреть на товарищей. В результате, когда он столкнулся с серьезными испытаниями, он предал сначала своих товарищей по партизанскому отряду, затем – по «Молодой гвардии», стремясь сохранить самого себя, избавить себя от мучений»[6]. Надо было оказаться наивным эгоистом, чтобы надеяться спасти свою жизнь ценой предательства. Ни один из молодогвардейцев не допустил для себя и мысли спасти собственную жизнь, предав соратников и товарищей. Юноши и девушки, в такие молодые годы решившиеся вступить в смертный бой с ненавистными оккупантами, дали клятву и остались ей верны до конца своих дней. Они изначально знали, на что идут. Каждый из них понимал, что в случае провала подпольной организации их подвергнут неимоверным мучениям. «И мучения, которым их подвергали теперь, были мучения уже непредставимые человеческим сознанием, немыслимые с точки зрения человеческого разума и

совести» (с. 252). Более полусотни молодогвардейцев выдержали пытки и погибли как настоящие герои. Стаховича, лишившегося сил и потерявшего рассудок, фашисты также казнили. Но он кончил жизнь как предатель, не только не спасший себя, но и погубивший других. Его отличал властный, покровительственный тон в общении с друзьями, зазнайство своим участием в партизанском отряде, желание показать себя. Но для таких людей как Стахович, собственное «я» всегда было выше всего остального.

С помощью образа Евгения Стаховича Александр Фадеев в своем романе убедительно раскрыл психологию предательства как закономерное следствие себялюбивой и эгоистичной натуры. Характерной особенностью произведения является жизненно правдивое изображение образов предателей, изменников Родины. Фадеев не пошел путем схематичного показа предателей как отрицательных героев. Он пытается раскрыть их психологию, показать причины, побудившие либо пойти в услужение к врагу, либо предать товарищей. Бывший начальник планового отдела Стаценко ненавидел общество, в котором жил, Игнат Фомин – замаскировавшийся кулак, ненавидевший Советскую власть и перенесший эту ненависть на всю страну, Вырикова и Лядская привыкли к тому, что из всего можно извлечь личную выгоду... В романе появляется и целый ряд других предателей: начальник полиции Соликовский, переводчик Шурка Рейбанд, следователь Кулешов, русские полицаи, соседка Тюлениных и другие. У каждого были свои мнимые мотивы пойти на предательство – поступок, который невозможно оправдать. На примере некоторых из них Александр Фадеев подробно анализирует психологию предательства как явление общественной жизни. Центральное место в ее раскрытии отведено в романе образу Стаховича.

1 Боровикова Н. А.А.Фадеев. М., 1962. С. 47.

2 Боборыкин В. Александр Фадеев. Писательская судьба. М., 1989. С. 273.

3 Фадеев А. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 4. М., 1979. С. 51. Далее все цитаты из романа «Молодая гвардия» (вторая редакция) приводятся по этому изданию с указанием страницы в тексте.

4 Бушмин А. Александр Фадеев. Черты творческой индивидуальности. Л., 1983. С. 252.

5 Боборыкин В. Указ. произв. С. 275.

6 Баскевич И. Повести и романы А.А.Фадеева. Курск, 1952. С. 32.

О БИБЛЕЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ

Папаян Р.А.

Весьма тривиальна мысль о том, что разделение властей – один из основополагающих принципов современного государственного устройства, один из азов сегодняшнего конституционного права. Однако, как бы ни был труден путь человечества к его приятию и практической реализации, на всем протяжении этого пути, помимо прочих препятствий, таилась еще одна опасность: принцип стремительно секуляризировался, и в нынешнем виде в нем трудно усмотреть то духовное наполнение, которое, по сути, и является началом, порождающим сам принцип. Как бы это ни противоречило тому, что разделение властей – реалия новейшего времени, смеем выдвинуть мнение, что мы на самом деле имеем дело с идеей, столь же древней, как сам мир. Десекуляризация и одухотворение принципа возможно лишь обращением к его истокам, в частности, библейским, показывающим, что он явился основой устройства мира и что его автором был Сам Устроитель – истина, подтверждающаяся в Священном Писании, причем начиная с Пятикнижия Моисея.

Бог является средоточием всех властных функций, заключенных в транцендентной вселенской власти. Их и на небе три: законодательная, судебная и исполнительная. В Ветхом Завете Бог объединяет в себе все три эти ветви. На протяжении всей ветхозаветной истории Господь предъявляет людям закон (заповеди, уставы), осуществляет суд, сурово наказывая как целые народы, так и отдельных лиц, а также ведет народ по пустыне, кормит его, дает самые конкретные повеления о конкретных шагах людей в конкретных ситуациях, тем самым осуществляя «функции исполнительной власти». Однако уже в Ветхом Завете как бы подчеркнуты различные свойства Бога с указанием Его разных властных функций. Так, памятуя о том, что акты творения одновременно являлись учреждением закона, можно сказать, что «законодательная деятельность» Бога представлена как деятельность вселенского разума: «Господь [...] небеса утвердил разумом» (Пр. 3. 19). Советы «понять изречения разума» (Пр. 1. 2), «ходите путем разума» (Пр. 9. 6) и многие аналогичные означают не что иное, как повиновение Господним законам и заповедям.

Осуществление «полномочий», близких к судебным, Ветхий Завет весьма часто связывает с понятием «мудрость»: «Мудрый обличитель» (Пр. 25. 12); «Глупый весь гнев свой изливает, а мудрый сдерживает его» (Пр. 29. 11); «Во всякой мудрости – исполнение закона» (Сир. 19. 18). Напомним, что и царь Соломон прозван был «мудрым» вовсе не вследствие его прочих государственных деяний, а лишь на основании его суда над двумя женщинами, оспаривающими право на материнство: «Ибо увидели, что мудрость Божия в нем, чтобы производить суд» (3 Цар. 3. 28).

Что касается божественных функций, соотносимых с исполнительной властью, то они связываются с понятием «сила»: «Есть сила у Бога поддержать и повергнуть» (2 Пар. 25. 8); «Господи сил, Царь мой и Бог мой!» (Пс. 83. 4);

«Господь Бог — сила моя; Он сделает ноги мои как у оленя и на высоты мои возведет меня!» (Авв. 3. 19).

Таким образом, три властные функции, объединенные в ветхозаветном Боге, тем не менее обретают различные характеристики: закон соотносится с разумом Творца неба (законодателя), наказание и награда — со вселенскою мудростью Всемилостивого (судьи), исполнение — с силой Вседержителя (царя). В соответствии с этим пророк возвещает: «Он сотворил землю **силою** Своею, утвердил вселенную **мудростью** Своею, и **разумом** Своим распростер небеса» (Иер. 10. 12). «Разум-мудрость-сила» — это не только три свойства, но и три функции. Они-то и отмечены у пророка Исайи в словах: «**Господь — судия наш, Господь — законодатель наш, Господь — царь наш**» (Исайя 33. 22). Судия — обозначение Божьей мудрости, законодатель — разума, царь — силы.

Задача уподобления Богу, заложенная в человеке по определению («подобие Божие»), предполагает и богоуподобление человеческой власти. Бог, в течение ветхозаветных событий соединивший в Себе три властные функции, в Евангелии открывает носителей этих функций в трех Лицах, из Которых Бог-Отец — это вселенский разум, Бог-Сын — мудрость, Бог — Святой Дух - сила. При рассмотрении значения каждого из Лиц Пресвятой Троицы и вообще для более полного и глубокого понимания смысла троичности Бога, как нам представляется, непременно следует учитывать и этот аспект. Можно с уверенностью сказать, что вопрос о глубинном смысле трехъипостасной сущности Бога еще не постигнут во всей полноте, хотя о Пресвятой Троице существует огромная литература[1], которую вряд ли есть надобность здесь приводить и рассматривать подробно. Не смеем претендовать на раскрытие всей сути этой Триады, отлично сознавая, что невозможно объять необъятное и что Бог непостижим, но, кажется, рассуждения наши позволяют усмотреть еще одну немаловажную деталь на бесконечном пути этого постижения. В контексте размышлений о Троице часто можно встретить распространенную мысль, связывающую суть троичности Бога с некоей совершенностью числа три, выражающейся в том, что это число лежит в основе восприятия самых разных реалий, таких, как время, разворачивающееся в трех отрезках (прошедшее, настоящее, будущее), материя, существующая в трех формах (твердой, жидкой, газообразной), полнота человеческого общения, предполагающая наличие трех субъектов, отраженных в грамматических лицах (я, ты, он), пространство, имеющее три измерения и т.п. Из всех подобного рода размышлений[2] приведем слова о. Флоренского: «Личность [...] построена троично, ибо у него т р и, а не иное какое число направлений жизнедеятельности, — телесная, душевная и духовная, — и каждое психическое ее движение трояко по качеству, так что содержит отношение к у м у, к в о л е и к ч у в с т в у. [...] Всякое произведение **разума, чувства и воли** человеческой [...] неизбежно запечатлено т р о и ч н ы м д е л е н и е м»[3]. Добавим к этому великолепное определение Вл. Лосского: «Отец есть источник, Сын — явление, Дух — сила являющая. Поэтому Отец есть источник Премудрости, Сын — сама Премудрость, Дух — сила, усвояющая нам Премудрость; или: Отец есть Источник любви, Сын — любовь, Себя открывающая, Дух — любовь, в нас осуществляющаяся»[4].

Сопоставив два приведенных определения, с неизбежностью констатируем, что в них фактически источник и разум соединяются в Отце, чувство (любовь) и Премудрость — в Сыне, воля (сила) и осуществление — в Духе. Разум (источник), чувство (Премудрость и любовь) и воля — вот три начала, с одной стороны, доминирующие в каждом из божественных Ипостасей, с другой — предусмотренные как доминанты в каждой из трех

ветвей власти: законодательной, судебной, царской. Три властные функции были соединены в триедином Боге до возвещения о небесной параллели государства — Царствии Божием. О Трех Ипостасях Бога можно видеть многочисленные указания, начиная с Книги Бытия, во множественном числе глагола «сотворим» (Быт. 1. 26), во фразе Господа о согрешившем Адаме («стал как один из Нас» — Быт. 3. 22). Аврааму явился Бог во всей Своей полноте: он увидел, что «вот, три мужа стоят против него», и обратился к ним в единственном числе: «Владыко!» (Быт. 18. 2-3). Но вот что хотелось бы подчеркнуть: уже в этом эпизоде богоявления Аврааму видно различие между явившимися перед ним тремя лицами. Хотя вовсе не указано, кто из трех произносит ту или иную реплику, вполне уместно заключить, что каждое из речений принадлежит разным из этих трех лиц. «И сказал *один из них*: Я опять буду у тебя в это же время (в следующем году), и будет сын у Сарры, жены твоей» (Быт. 18. 10). Являться людям с определенной «исполнительской» целью — функция Духа, ибо непосредственно с людьми «работает» Дух. Наставление Аврааму, «чтобы он заповедал сынам своим и дому своему после себя, ходить путем Господним» (Быт. 18. 19), - скорее всего несут в себе значение закона (заповеди), который повторно предъявляется Аврааму, — в соответствии с функцией Отца. Отойдя от дома Авраама в Содом для **суда** над этим городом (а отошедших было двое из трех), в обращении к Лоту, «*один из них* сказал: **спасай** душу свою» (Быт. 19. 17). Здесь уже в полном объеме представлена функция Сына — Судьи и Спасителя. Так, уже во встрече с Авраамом, единственном ветхозаветном эпизоде, где Бог является в трех лицах, отчетливо вычерчиваются три властные функции Бога — как Всевышнего, Всемилостивого и Вседержителя, ибо закон — превыше всего, милость — главное в суде («Милости хочу, а не жертвы» — Осия 6. 6), державные дела суть царские («Держава и страх у Него» — Иов 25. 2). Христос, явившийся для создания Царства Божия на земле, человечеству в качестве образца раскрывает власть «на небеси» во всей полноте, в этой самой ее «структуре». Точно так, как **до** возникновения государства функции эти были объединены в Моисее, пребывающем на земле «вместо Бога», и окончательно разъединились вместе с установлением государственности, те же функции на небе были объединены **до** возвещения о небесной параллели земного государства — Царстве Небесном, Царстве Божием. Божественные властные функции, представленные в Ветхом Завете синкретно, в Евангелии раскрываются в трех Лицах, из которых в Боге-Отце сосредоточен вселенский разум, в Боге-Сыне — мудрость (Слово), в Боге-Святом Духе — сила. Эти властные функции, как и в формуле пророка Исайи, единятся присутствием общего слова «Бог» в наименовании Каждого из Них. В течение евангельского повествования мы видим, что каждая из трех властных функций соединяется с одним из Лиц Святой Троицы, в то же время сохраняя соответствующую соотнесенность с понятиями разум, мудрость и сила.

Во-первых, Бог-Отец выступает в качестве законодателя. На это указывает Христос, когда, подчеркивая главное в Божьем законе — любовь («Любовь есть исполнение закона» — Рим. 13. 10; «Весь закон в одном слове заключается: люби ближнего твоего, как самого себя» — Гал. 5. 14), Он ссылается на первоисточник: «Как научил Меня Отец Мой, так и говорю» (Иоанн 8. 28). В последних книгах Ветхого Завета, уже после пророчеств о Христе, вообще понятие «закон» соединяется с понятием отцовства: «Я же, как и братья мои, предаю и душу и тело за отеческие законы» (2 Мак. 7. 37). Тот же эпитет, определяющий понятие «закон», переходит и в Евангелие: «Наставленный в отеческом законе» (Деян. 22. 3). Эту реальную и

семантическую связь отечества с Богом-Отцом особо подчеркивает апостол Павел: «Преклоняю колена пред Отцем Господа нашего Иисуса Христа, от Которого именуется всякое отечество на небесах и на земле» (Ефес. 3. 14-15). Государство, основой существования которого является закон, в языковых представлениях многих народов связывается с понятием отцовства, выражаясь синонимами «отечество», «paternal», «die Faterland», армянское «hayrenik» («hayr» означает «отец»)[5] и др. Подобную связь в семантике слов, обозначающих родительство, родину и божественное, видим и в дохристианском мире, в частности, в соотнесении богов (или Юпитера) с родителем и родиной (Помпоний), которому позже Юстиниан вернул утраченное[6] библейское осмысление: «Подобно почитанию Бога, мы должны повиноваться родителям и родине»[7].

Во-вторых, судебные функции, осуществляемые ветхозаветным Богом, в Новом Завете Бог-Отец складывает с Себя и передает второму Лицу Троицы, вместившему в Себя вселенскую мудрость: «Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну» (Иоанн 5. 22). Поскольку мы исследуем именно христианские корни права, то позволим себе несколько подробней остановиться на этой ветви божественной власти. Раздельность этой властной функции Бога-Сына подчеркивается неоднократно: «**Независимо от закона** явилась правда Божия, о которой свидетельствуют закон и пророки» (Рим. 3. 21); «**Конец закона** Христос» (Рим. 10. 4). В самом деле, что означают эти слова? Как надо их понимать, если Сам Христос говорит, что «ни одна йота или ни одна черта не прейдет из закона» (Матф. 5. 18), а апостол заявляет: «Закон утверждаем» (Рим. 3. 31)? Существующие толкования этих слов относятся лишь к области богословия, а не права. Перемещая их в сферу права, придется согласиться, что здесь попросту формулируется мысль о независимости и отдельности судебной власти, отмечается предел (конец, а не окончание) одних властных функций и начало других. Христос говорит о Своем отношении к закону так: «Не нарушить пришел Я, но исполнить» (Матф. 5. 17). Здесь мы видим предельно совершенную формулу, продиктованную той очевидной истиной, что суд рожден законом. Напоминание об этом мы неоднократно видим в Библии. «Где нет закона, нет и преступления» (Рим. 4. 15); «И до закона грех был в мире; но грех не вменяется, когда нет закона» (Рим. 5. 13). В соответствии с этим, в структуре небесной власти Христос, являющийся Судией, есть рожденный от Бога-Отца, являющегося Законом. Отметим, что евангелист Матфей говорит о Христе следующее: «И пришед [Иосиф с Матерью и Младенцем – Р. П.] поселился в городе, называемом Назарет, да сбудется реченное через пророков, что Он Назореем[8] наречется» (Матф. 2. 23). Любопытно здесь то, что ни в одном из ветхозаветных пророчеств о Христе нет подобного определения Мессии. Блаженный Феофилакт предполагает, что «по нерадению евреев и по причине частых пленений много пророческих книг погибло»[9]. Отсутствие таких пророчеств отмечают и русские православные толкователи[10]. Однако интересно вот что. Соединение судебной власти с идеей спасения, которое видим в Евангелии в лице Христа, намечается уже в Ветхом Завете, в частности, в Книге Судей, где все судьи наделяются эпитетом «спаситель». Напомним, что один из центральных персонажей этой ветхозаветной книги, Самсон, спасает Израиль через мученичество свое и смерть. Как раз о нем сказано: «От самого чрева младенец сей будет назорей Божий, и он начнет спасать Израиля» (Суд. 13. 5). Если учесть, что автором Книги Судей считается пророк Самуил, то возможно предположение, что Матфей имеет в виду именно это пророчество, вложенное Самуилом в уста ангела, явившегося будущим родителям Самсона. Но то

обстоятельство, что евангелист, говоря о младенце Христе, связывает слово «Назорей» еще и с названием города Назарет, принуждает толкователя искать и иные, уже лингвистические, объяснения. Ссылаясь на прочих экзегетов, толкователь останавливается на еврейском слове «нацар» («нецер»), что означает «отрасль», и заключает, что «евангелист, сближая слово *нецер* с названием Назарет, имел полное право называть Христа Назореем, т. е. Отраслью»[11]. И действительно, в ряде пророчеств о Христе читаем: «В тот день отрасль Господа явится в красоте и чести» (Исайя 4. 2); «И произойдет отрасль от корня Иессеева, и ветвь произрастет от корня его» (Исайя 11. 1); «Вот, наступают дни, говорит Господь, — и восставлю Давиду Отрасль праведную, и воцарится Царь, и будет поступать мудро, и будет производить суд и правду на земле» (Иер. 23. 5); «В те дни и в то время возращу Давиду Отрасль праведную, — и будет производить суд и правду на земле» (Иер. 33. 15); «Я привожу раба Моего, ОТРАСЛЬ» (Зах. 3. 8); «Вот Муж, — имя Ему ОТРАСЛЬ»[12] (Зах. 6. 12). Следовательно, Христос — властная ветвь, отрасль, ответвление всевышней власти, то самое ответвление, которое именуется властью судебной. Всё предельно логично — даже в свете нашей, человеческой логики, в том числе логики современного права: без суда закон остается пустой абстракцией; суд есть воплощение закона, в суде закон обретает плоть и кровь. Если Бог есть закон, то совершенно естественно, что воплощенный Бог есть суд. Первый акт божественного созидания, сотворение света, было началом установления миропорядка, высшего закона. Соответственно, и в дальнейшем во многих местах библейского текста «свет» обретает значение «закон». В этом контексте также явление воплощенного Бога осмысляется как воплощение закона, как пришествие в мир суда, то есть закона во плоти: «Суд же состоит в том, что свет пришел в мир» (Иоанн 3. 19)[13].

В-третьих, деяния, соотносимые с функциями исполнительной власти, более всего связываются с третьим Лицом Пресвятой Троицы — Святым Духом: «Дабы вы, силою Духа Святого, **обогатились**» (Рим. 15. 13); «В **покорении** язычников *вере*, словом и делом, силою знамений и чудес, силою Духа Божия» (Рим. 15. 18-19). В этих формулировках исполнительная функция связывается как со Святым Духом, так и с понятием «сила». В свою очередь, исполнительные функции и понятие «сила» связаны непосредственно друг с другом даже в определениях, не упоминающих Святого Духа: «Он силен и **исполнить** обещанное» (Рим. 4. 21); «Силен Бог **восстановить** его» (Рим. 14. 4); «Бог же силен **обогатить** вас» (2 Кор. 9. 8). Исполнительная власть, в первую очередь, связывается с силовыми структурами. Вместе с тем, дух и сила соотносятся и друг с другом и сами по себе, вне упоминания исполнительных властных функций: «В явлении духа и силы» (1 Кор. 2. 4); «Дал нам Бог духа не боязни, а силы» (2 Тим. 1. 7). И действительно, Божий промысел на земле осуществляется Святым Духом, именно это Лицо Пресвятой Троицы «работает» с людьми, посещает их, подсказывает им пути и ведет их, нисходит на тех, кому предстоит сыграть решающую роль в устроении человеческих судеб.

Так в триаде Бог-Отец, Бог-Сын и Бог-Святой Дух обозначены три ветви небесной власти, являющиеся небесными эквивалентами законодательной, судебной и исполнительной властей. Единство же их выражено, как и в формуле пророка Исайи (33. 22), присутствием общего для всех частей триады слова «Бог» в обозначении каждого звена этого триединства. Но не только этим. Заметим: когда ветхозаветный Бог выступает один в качестве синкретного носителя этих властных функций, Он зачастую говорит о Себе во множественном числе («Сотворим»), да и одно из имен Бога (Элогим)

представляет собой множественное число еврейского слова «Элоах». Но как только Бог является в трех Лицах, появляется необходимость подчеркнуть их единость. Уже в Ветхом Завете к Господу, явившемуся перед Авраамом в трех лицах, патриарх обращается в единственном числе: «Владыко! если я обрел благоволение пред очами Твоими, не пройди мимо раба Твоего» (Быт. 18. 3). Точно так же, когда в Евангелии людям раскрывается триединство божественной власти в Лицах Пресвятой Троицы, Их единство подчеркивается не только «описательно» («Видящий Меня видит пославшего Меня» – Иоанн 12. 45), но и тем, что молитвенное обращение к трем Лицам предваряется словами не «во имена», а единственным числом: «**Во имя** Отца, Сына и Святого Духа».

В толкованиях Господней молитвы, которой учит Христос (Матф. 6. 9-13; Лука 11. 2-4), отцы Церкви, в соответствии со своими задачами, концентрировали внимание на богословских значениях каждого из предложений этого лаконичного и емкого текста, оставляя в стороне его прочие семантические соотнесенности, в том числе, разумеется, соотнесенность с государственно-правовыми реалиями[14]. Между тем рассмотрение Господней молитвы в этом ракурсе позволяет видеть, что в обращении к единому Владыке она в самой своей структуре выделяет три различные, но единые властные функции, соотносимые с мирской властью: законодательной («Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое»), исполнительной («Да приидет царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам на сей день»), судебной («И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим»), с финальным подведением всего под единую духовную цель посредством указания на функцию духовной власти («И не введи нас во искушение, но избавь нас от лукавого; ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь»).

1 См.: *Булгаков С.* Философский смысл троичности. // «Вопросы философии», 1989, No. 12. С. 90-97; *Флоренский П.* Столп и утверждение истины. Соб. соч. в 2 тт. М., 1990 (Письмо второе: сомнение – т. 1, ч.1, С. 15-50; Письмо третье: триединство – т. 1, ч. 1. С. 51-69; Заметки о троичности – т. 1, ч. 2. С. 593-599); *Слободский Серафим.* Закон Божий, ч. 2. Киев, 1990. С. 6-7 и др.

2 См.: *Садов А. И.* Знаменательные числа. // «Христианские чтения», 1909, окт. С. 1313-1315; *Флоренский А.П.* Заметки о троичности С. 595 и сл.

3 Там же, с. 597. Разрядка автора.

4 *Лосский Вл.* Догматическое богословие. В кн.: Мистическое богословие. Киев, 1991. С. 280.

5 Ср.: «Сражаться мужественно, до смерти, за законы, за храм, город, отечество и права гражданские» (2 Мак. 13. 14). Здесь также «закон» и «отечество» поставлены в одном ряду.

6 О первоначальном и впоследствии утраченном единобожии в верованиях человечества см. в: Мень А. История религии в 7 тт. В поисках пути, истины и жизни. Т.1. Истоки ралигии. М., 1991. С. 160 и след..

7 Памятники римского права. С.158.

8 Назорей» означает «посвященный», «принявший обет». Закон о назорействе изложен в: Чис., гл. 6. Имя Христа соединено со словом «Назорей» и в: Деян. 26. 9.

9 *Феофилакт Блаженный*, архиепископ Болгарский. Благовестник или Толкование на Святое Евангелие, в 2 частях. Ч. 1. Евангелие от Матфея. М., 1993. С. 53.

10 Толковая Библия, т. 8. С. 51.

11 Там же, с. 51.

12 В обоих случаях выделено в тексте Библии.

13 Со-вечность Бога-Сына с Богом-Отцом не отменяет последовательности функций. Сначала был «свет» (закон), потом лишь – «твердь» (суд). Ср. рассуждения армянского философа V-VI вв. Давида Анахта о том, что практика философии (определение Платона) «разделяется на законодательство и правосудие не как род на виды, ибо среди противопоставленных [вследствие разделения] видов не бывает предшествующего и последующего, а здесь бывает, ибо сперва идет законодательство, а потом правосудие». *Давид Анахт*. Соч. М., 1975. С. 97-98.

14 [Св. *Егише*, вардапет.] Соч. св. отца нашего Егише вардапета. Венеция, 1836. С. 119-206 (на древнеарм. яз.; в переводе на современный армянский см. в.: «Гандзасар», Ереван, 1993, No. 3. С. 248-254); *Григор Татеваци*. О молитве «Отче наш». В кн.: *Мкртчян Абраам*, вардапет. Толкование на «Отче наш» по Григору Татеваци. Ереван, 1992. С. 14 (на арм. яз.) и др.; *Феофилакт Блаженный*. Благовестник, или Толкование на Св. Евангелие. С. 77-78 и др.; из новейшей католической литературы: *Гуардини Романо*. Молитва Господня. // «Символ» (Париж), 1989, No. 21, июль. С. 7-67 и др.

ОВАНЕС ЕРЗЫНКАЦИ ПЛУЗ
(1225/30 - 1293)

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ОВАНЕСА ЕРЗЫНКАЦИ

Мирумян К. А.

Ованес Ерзынкаци Плуз (1225/30 - 1293) – выдающийся философ, политический мыслитель и общественный деятель. В 1280г. он становится духовным отцом Братства ремесленников и торговцев в г. Ерзынка.

Общественно-политические взгляды Ованеса Ерзынкаци преимущественно отражены в его посланиях, в канонических наставлениях и проповедях. В условиях отсутствия государственности и ослабления центростремительной политики Армянской церкви, канонические наставления и послания имели существенное значение в деле урегулировании правовых, политических и социальных отношений, преодоления существующих социальных противоречий.

Ованес Ерзынкаци, будучи идеологом общественно-политических и правовых отношений своего времени, одновременно фиксировал наличие беззакония и социальной несправедливости. Поэтому важной составляющей его политического учения является идея необходимости совершенствования общественных отношений и достижения социального согласия. Он выдвигает четыре способа установления законности и социальной справедливости: 1) правильная организация общественных отношений; 2) регламентация и умерение существущих отношений господина и слуги; 3) пресечение своеволия правителей и господ – ограничение их власти на основе закона; 4) моральное наставление и совершенствование.

Следуя Мхитару Гошу, причиной возникновения социального расслоения и социального неравенства Ерзынкаци считает частную собственность, которая приобретается четырьмя способами: а) собственным трудом; б) по наследству; в) с помощью денег; г) с помощью оружия (ведением войн).

Подразделяя общество на девять социальных слоев, он классифицирует их с точки зрения их отношения к власти:

1) люди, которые только властвуют;
2) люди, которые и властвуют и находятся под властью другого;
3) люди, которые лишь находятся под властью других.

Этот порядок, по его мнению, установлен свыше, поэтому вечен и незыблем, так как тот, “кто является князем (т.е. властвует), является таковым по воле Бога, потому что необходимо, чтобы некоторые властвовали, а другие – находились под властью”[1]. Социальная и политическая иерархия являются естественной основой существования общества. Кроме того, он убежден, что структура современного ему общества отражает структуру “Небесного царства”, что и определяет естественный, то есть законный характер существующих

политических, правовых, социальных и других отношений. В этом смысле трудно согласиться с мнением, согласно которому, социальная и политико-правовая иерархичность есть “результат собственности”.

Будучи сторонником централизованного государства, он подвергал критике сепаратистские устремления, полагая, что во имя политической независимости страны, социального мира необходимо, чтобы князья подчинялись царю, а слуги – господам.

Защищая концепцию о божественном характере власти и соотнося ее с общественно-политической практикой эпохи, Ерзынкаци часто задается вопросом: “Неужели все князья рукоположены Богом, так как многие добиваются власти путем беззакония, грабежа, лишений?”. В таком случае возникает другой вопрос: “Почему же Бог наделил властью злых, ибо всевидящий (Бог) знает, что от них нет пользы”[2]. Следовательно, возникают определенные противоречия между абсолютно добрым и справедливым Богом и беззаконными князьями, между господствующей политической идеологией и политической реальностью. Указанные противоречия мыслитель решает посредством выдвижения концепции, согласно которой, Бог не несет ответственности за действия всех князей и, в первую очередь, тех, кто нарушает законы, совершая злодеяния.

Но в таком случае как определить “богоустановленность” власти конкретного правителя? Ерзынкаци выдвигает ряд способов различения. Во-первых, власть исходит от Бога и является доброй, если князь следует божественной воле и установлениям божьим и держит подданных в рамках божественных законов. Во-вторых, если власть правителя удостаивается одобрения его подданных – народа[3]. Иными словами, для выявления богоданности власти необходимо от политико-правовых следствий идти к первопричине (Богу).

Добрые князья правят на основе знания и мудрости, законов и справедливости. Таких правителей подданные любят: 1) по природе; 2) вынужденно и 3) по необходимости. “По природе как сыновья доброго и милосердного отца, по принуждению – как богоустановленного князя, и по необходимости – как обладающего судебной властью и правосудного”. Правильная организация вертикали власти имеет важное значение для стабильности и благоденствия страны: “Лишь та страна или город остаются благоустроенными, где князья подчиняются божественным законам, а город и страна – князьям”[4].

Кроме того, человек сотворен самовластным, наделен свободной волей, способностью к творчеству и инициативе. Поэтому, хотя источником власти является Бог, однако реально-практическое осуществление власти в государстве, ее сохранение и упрочение целиком и полностью зависят от воли правителей, точнее от формы правления и ее одобрения со стороны народа. Следовательно, критерием дифференциации богоданной и насильственно узурпированной (тиранической, деспотической) власти является мнение народа о власти, что, в свою очередь, обусловлено практическими действиями правителя, его моральной и социальной характеристикой.

Ерзынкаци считает, что настоящий князь должен быть наделен четырьмя качествами: добротой, душевной покорностью, справедливостью слов и дела, щедростью. Князь должен во всем походить на Бога. Он в то же самое время похож на врача: “и князь, и царь являются врачом всего народа, потому что и он имеет больницу – дворец, учеников – слуг, больных – народ, и если он не знает пределов царской власти и царское дело, то он является несправедливым

царем”. Кроме того, князь должен обладать незапятнанным моральным обликом, чувством справедливости, быть правдивым, не порицать других, преследовать правонарушителей и преступников – независимо от их социального положения, быть неподкупным. Он призывает князей и паронов воздерживаться от пристрастия к вину, так как пьянство, времяпровождение в окружении гусанов и музыка наносят большой вред людям. Это опасно для князей и паронов, потому что они несут ответственность не только за себя лично, но и за народ. Так, “князь должен быть храбрым, шустрым и бодрым, чтобы в течение ночи обдумать вчерашние дела, между тем вино наводит сонливость и мешает этому. И память парона должна быть острой, а вино делает его забывчивым. Облеченный властью должен быть чувствительным, а вино притупляет чувства и приносит много других бед”. Армянский мыслитель призывает правителей быть скромными и знать меру в еде и питье.

Все это, по мнению Ерзынкаци, необходимо для поддержания нравственного и политического статуса власти на подобающем уровне, потому что господствующие в стране нравы, социально-психологическая атмосфера, следовательно, и стабильность в государстве в значительной мере зависят от личных качеств царя, от его морального облика. Князь является примером подражания для подданных. Поэтому его аморальность и своеволие быстро распространяется в народе и имеют значительные социальные негативные последствия, ибо даже “незначительный проступок князей, распространяясь, заражает весь народ”[5].

Осуществление власти, искусство правления государством (подобно другим наукам и искусствам) не является врожденным, не передается по наследству, а приобретается путем длительного обучения и упорным трудом. Более того, армянский мыслитель искусство правления считает более сложным и труднодоступным, чем другие искусства и науки.

Для того, чтобы при правлении избежать незаконных действий, правитель всегда должен иметь в виду следующее. Во-первых, он должен помнить, что "его подданные тоже являются человеками – сотворенными Богом из той же материи, как и он сам, что они не имеют никакого недостатка по сравнению с ним, кроме власти". Иными словами, все люди равны и обладают одинаковыми естественными правами. Во-вторых, он должен помнить, что его власть не абсолютна, что он "сам находится под властью Бога"[6]. В-третьих, что его власть преходяща. По этой причине повиновение подданных не следует делать унизительным, нарушать естественные права человека и задевать его достоинство, потому что каждый человек в равной мере является и разумным, и свободным существом. Ерзынкаци убежден, что если князь усвоит все это, он никогда не нарушит закон. Следовательно, продолжает он, “город процветает, когда горожане являются покорными своим князьям, а князья – Законам Божьим”.

Для того, чтобы правление было “безошибочным”, совершенным и справедливым необходимо также, чтобы важнейшие проблемы и принимаемые по ним решения обсуждались при участии “советников”, так как правитель, каким бы одаренным ни был, как бы хорошо ни владел искусством правления, тем не менее не может единолично осуществить справедливое правление. Ерзынкаци пишет: “Так как человек является смертным и немощным, он не самодостаточен и нуждается в наставителе и советнике. Поэтому необходимо отправлять власть при помощи мудрых советников ”[7].

Этот принцип правления особенно важен для централизованной царской власти, в функции которой входит решение общегосударственных задач, в

частности, войны и мира, развития страны, строительства, перемирия. При этом советник и князья “должны смело говорить со своим сюзереном о благоденствии страны”[8]. Однако общественно-политическая практика показывает, что цари и князья не всегда желают иметь мудрых советников, высокомерно полагая, что не нуждаются в них.

Исходя из этих соображений, Ерзынкаци выступает против абсолютной, неограниченной власти, единоличного решения общегосударственных задач, другими словами – деспотизма монарха. Подобный подход обоснован как с точки зрения средневековой антропологии и морали, так и философии права. С одной стороны, греховная природа человека (каковым является и монарх) не может быть носительницей абсолютной власти, абсолютных достоинств и обладать абсолютными правами. С другой стороны, источником права и власти в таком случае пришлось бы признать не Бога, а человека (монарха), что является абсурдом. По той же логике мыслитель исключает также единовластие в церковной организации.

В свете сказанного можно согласиться с мнением Э. Багдасаряна, согласно которому, отвергая единовластие духовной и светской властей, а также непогрешимость человека, он одновременно “дает отпор распространяемой в Киликии католической идеологии, целью которой является представить человека, в лице папы, как обладающего неограниченной духовной и светской властью и непогрешимостью”.

При этом, Ерзынкаци в отношениях властей и подданных подчеркивает еще одно важное обстоятельство – носитель власти (царь, князья и пароны) должны любить и уважать того подданного, который смело высказывает свое мнение в лицо, особенно относительно важнейших вопросов государства, а при незаконных действиях – критикует. Так, “достойно парону любить того, кто открыто критикует и высказывает свое мнение, когда тот нарушает закон, потому что такой человек душою доброжелатель. А тот, который во всем согласен с правителем или пароном, он с виду доброжелатель, а душой злопыхатель”. Более того, когда князья, исходя из личных побуждений и интересов, льстят и угодничают царю, то этим мешают царю увидеть и исправить свои ошибки, что, в свою очередь, создает почву для новых ошибок и беззаконий, сказывается на системе правления и всей стране.

Помимо морально-психологических увещеваний и наставлений, Ерзынкаци полагает, что реализация любой формы власти должна происходить в рамках установленных законов. Этот принцип, по его мнению, более характерен для городов, так как “право” (закон и справедливость) является основой благоденствия любого города. В городах законы составляют “душу города” и “жители городов – немощные и нищие – мертвы без установленных законом прав. И подобно тому, как невежественные врачи наносят вред больным, так и правители, которые не знают установленных законом прав, или не соблюдают их, наносят ущерб справедливым и невинным”[9]. Поэтому он считает необходимым укрепляющуюся в городах правовую систему, систему правления распространить по всей стране, единым правлением и единым законом упорядочить политические и правовые отношения в обществе в целом, обуздать своеволие и противозаконные действия князей, в том числе направленных против городов и горожан.

Дело в том, что армянские города в тот период пробрели определенный суверенитет и притязания князей на города не были абсолютными, что, естественно, давало повод для различных поползновений. Поэтому требовалось

смягчить и сгладить создавшиеся противоречия, что по мнению политического мыслителя, возможно осуществить путем подчинения всех всеобщим законам.

Преодоление социальных и внутригосударственных противоречий было необходимо для всей страны и всего народа, поэтому правители должны осознавать эту действительность, со всей ответственностью подойти к вышеизложенным проблемам. Более того, чем больше власти, тем большую ответственность несет правитель. Он должен не только неукоснительно следовать закону, но и стремиться к утверждению власти закона.

Царь и князь наделены большими правами, они обладают также большой военной силой для защиты и осуществления этих прав. При этом, обращение к силе оружия Ерзынкаци считает оправданным лишь в трех случаях: 1) для защиты независимости государства и обеспечения его безопасности, пресечения агрессии извне; 2) для наказания преступников и разбойников внутри страны; 3) для "освобождения из иноземного плена" своих соплеменников и единоверцев.

Ерзынкаци призывает царя и князей проявлять осторожность и дипломатическую гибкость особенно в вопросах внешней политики, сверхзадача которой – в защите подданных и страны. В сфере внешней политики Ерзынкаци особо выделяет проблему войны и мира. Он принципиально отвергает захватнические войны, агрессивную внешнюю политику, защищая идею мирного сосуществования народов и государств. Считая завоевательные войны противоестественными, мыслитель вместе с тем оправдывает оборонительные войны, которые ведутся во имя защиты свободы и независимости страны. Однако, даже в этом случае необходимо проявить осторожность – учесть состояние страны, численность военной силы, время и другие факторы, и соответственно этому решать какой путь целесообразен: войны или мира. Лишь после всестороннего анализа сложившейся ситуации и уверенности в положительном исходе следует на войну ответить войной. Например, если царь после всестороннего анализа приходит к выводу, что его 10000 армия может противостоять 20000 армии противника, то война оправдана, а если нет, то лучше подписать с завоевателем мир на условиях выплаты дани, пошлин и т. д. Так как главной целью государственной политики является – "всеми средствами спасти страну". Отсюда мыслитель делает важный политический вывод – "надо сделать все, принимая во внимание перемену времени и следовать за временем". Во имя защиты отечества и спасения нации он считает возможным использование различных хитростей и уловок, вплоть до клятвопреступления и ложного вероотступничества, которые всегда являлись испытанными средствами дипломатического инструментария.

Одной из важных властных структур общества является суд, находящийся в ведении князя или судьи. Судопроизводство должно совершаться на основе и в рамках действующих законов, судья должен быть носителем и проводником принципа законности, справедливости, быть неподкупным, чтобы знатные или богатые члены общества не имели каких-либо привилегий по отношению к низшим слоям. Действенность закона и правосудия обеспечивает упорядоченную (естественную) жизнь города, составляя его душу и придавая жизненность. Между тем, "неправедное и "извращенное" судопроизводство подобно паутине, которая может поймать муху и москита, но оса и пчела разрывают ее, высвобождаясь от пут. Подобным же образом неправедные законы любят нищих и немощных, а знатные и богатые пробивают их и освобождаются, не подчиняясь законам"[10]. Институт правосудия и законность – необходимая основа общественной жизни и благоденствия страны. Если их нет, то страна оказывается на грани уничтожения ("страна погибает"). В этой связи

Ерзынкаци подчеркивает всю значимость личных достоинств судьи, опосредованно высказывая также идею о его независимости: “Если захотите назначить судью города, то ***выбирайте*** того, кто руководствуется собственным умом, может вести собственную жизнь и украшать свои нравы”[11]. Если кто-либо может в одном доме установить порядок, то такой человек может соблюдать законы и в городе.

Для благосостояния любого дома, семьи необходимы четыре условия: человек должен быть добрым и честным по отношению к собственной жене, любить сыновей и воспитывать их в богопослушании, своих крепостных и слуг держать в рамках закона, и чтоб доходы и расходы были бы соразмерными. Потому что если доходы превышают расходы, то человек уподобляется свинье, лишенной всяких человеческих качеств, а если расходы превышают доходы, то такой человек является развратным и пустым. “Сохранять пропорцию расходов и прибыли – дело умного человека”.

Ованес Ерзынкаци считает, что человеку придают общественный статус красота, сила, богатство и мудрость. Первые три ценности изменчивы, преходящие, служат “мечом в руке человека”. “Кто красоту растрачивает в грехе или силу употребляет во зло, или богатством творит беззаконие, тот убивает себя своим же мечом”. В то время как “мудрость бессмертна”.

По мнению Ерзынкаци, человеческое достоинство напрямую не связано с его социальным происхождением. Поэтому следует любить и уважать того человека, который “по природе является хорошим, и дела его – добрые, но не того, кто родовит”[12]. Между тем, в реальной общественной жизни, вследствие господства несправедливости и беззакония, мудрые и достойные почестей люди часто страдают, становясь объектом пренебрежительного отношения со стороны общества, а “злостные и неправедные люди наследуют славу, почести и власть ”.

Общественную жизнь Ерзынкаци сравнивает с бушующим морем, где не каждому человеку удается найти свое место. Поэтому люди, особенно представители низших социальных слоев, чтобы противостоять социальным бедствиям, должны объединяться в братства и товарищества (право на создание общественных организаций), создать коллективную силу. Он лично участвовал в создании такого Братства в г. Ерзынка и написал его Устав. Он обращается к членам братства со следующими словами: подобно тому, как собранное в одном месте множество камней превращается в стену для укрепления и защиты города, так и вы, как живые камни, соединенные божественной любовью, неприступной мощью пребывайте в твердости.

Политическая позиция Ерзынкаци проявилась также в сфере религии и вероисповедания, где пересекаются не только религиозно-церковные, но и многие национальные и политические вопросы, тем более что: а) Армянская церковь была единственной центростремительной, объединяющей рассеянные части нации, организацией. б) В XIII веке усилилась тенденция по сближению Армянской церкви с католической церковью.

Как национальный идеолог, он стремился восстановить былой авторитет и славу Армянской церкви, ее материальную мощь, статус общенационального фактора и института. Это, в свою очередь, требовало идейно-теоретического опровержения стратегических притязаний проводимой униатами политики, которые имели бы губительные последствия как для Армянской церкви, так и всего армянского народа. Так, в связи с формулой о “двоякой природе” Христа, он пишет: “Так как две природы означает две воли, два таинства и двух господ, а разделенное царство разрушает личность, потому что две природы антогоничны друг другу, или одна господин, другая – слуга”. Кроме того,

двоякая природа Христа означает, что “Бог воюет со своим телом как друг с другом, и как он может дать мир другим”. Безотносительно к христологическим тонкостям, здесь проявляется политическая тенденция, а именно – естественный характер централизованной политической власти. Государство может иметь только одного царя, одну верховную власть. Армянский мыслитель выдвигает идею о гармонии светской и духовной властей.

Осуществление политических и правовых идей и принципов, выдвинутых Ерзынкаци, требовало наличия соответствующих специалистов, что, в свою очередь, требовало более широкого распространения просвещения и обучения. По этой причине он призывает князей уделять особое внимание созданию учебных заведений.

1 (Послание,206)
2 Матенадаран им. Месропа Маштоца. Рук. 2173. С.90а.
3 (Послание, с. 206)
4 (Посл, с. 207)
5 Матенадаран им. Месропа Маштоца. Рук. 2173. С.90б.
6 (Посл, с.217)
7 Матенадаран им. Месропа Маштоца. Рук. 2173. С.99б.
8 Матенадаран им. Месропа Маштоца. Рук. 7032. С.120а.
9 Матенадаран им. Месропа Маштоца. Рук. 2173. С.95б.
10 (Пос.с.217)
11 (Послание, с. 216)
12 (Послание, с. 218)

ПОСЛАНИЕ К КНЯЗЬЯМ ГАВАРА ЕКЕГЯЦ[1]

(перевод со среднеармянского В.Иванова)

... и по крови как истинный христианин и Христов слуга – будучи мученикам в смерти [их] сопереживателем, единоверцем и соучеником. В чем и вам Бог даровал наследниками быть князьям, как получившим власть по крови отцовской[2]. И дал вам Бог взамен задачу: [быть] утешителями нации и непоколебимым столпом для церкви и облегчительным лекарством уязвлённым сердцам христианским.

Вот почему и я, ничтожный вардапет Ованэс[3], [будучи] вам по предкам соотечественником и соплеменником, сближенный задушевною любовью и родственным сердцем, хотя и живу в месте ином[4] – был в печали вашей[5] вам соучастником, а в славе и удаче – буду вам сорадетелем. И если бы была сейчас возможность войском или сокровищами поздравить Богодарованную власть вашу, то было бы весьма приятно, но как теплый служитель слова – поздравлю речью и окажу содействие вожделённой любви твоей.

Молю тебя и очень настоятельно прошу прислушаться к посланию моему и быть внимательным к силе слов письма моего.

Осиротела сегодня нация армянская попечителями и отцеподобными князьями. Покинуты и непосещаемы церкви армянскими смотрителями и мудрыми предводителями.

И почему же армяне остались без власти и предводителей? Ибо обыкновение Божье – давать благо, и когда чести почитания не будут знать и удовлетворять – то отберёт [назад] данное им благо, как рай у Адама, и у евреев Иерусалим, царство у Саула и Иосии, первосвященство у дома Илии. И тоже самое отберёт [Он] и у всего народа. Так и армянам дал [Он] власть великую и царство сильное. Но когда они не стали жить по законам заповедей Божьих и перестали слушать святых и мудрых предводителей и стали беззаконными, и утеснителями страны – то отобрал Бог власть и лишил [их] добрых предводителей и стали мы добычей нациями убийц, пленителей и лихоимцев[6].

Но полагаем и надежду к Богу имеем, что оросит [Он] сладким дождем покрова своего, как иссохшее древо нацию и страну нашу и водным источником покроет первыми корнями.

Посох власти, появившийся как зеленый росток в гаваре этом, который благословил святой Григорий Просветитель[7], десницею святого Иоанна Крестителя.

Слышали мы о тебе, что любишь ты церковь и чествуешь предводителей, правосуден и поступаешь законно, добродетельных и учёных принимаешь и возвеличиваешь, и тысячекратно возблагодарили мы Бога.

И так как удостоверились, что имеешь ты склонность к доброму и словам мудрости, к законам Божьим и науке, то потому написал [я] тебе немного слов из законов Божьих и наставление в мудрости, чтоб было как посох в руке и светильник зрящему.

Должно знать князю эти четыре вещи: первое – знать волю Божью. И вот в чём воля Его: в благе, угождении и совершенстве. Ибо тот, кто князь – стал им по воле Божьей, т.к. кому-то должно повелевать, а кому-то быть в подчинении. И если князь будет соблюдать Божьи заповеди – то он является добрым князем. И если будет <он> удерживать в законах Божьих тех, кто ему подвластен – то он благ и угоден Богу и совершенен. И вот по этому-то признаку и будут узнавать, что власть его от Бога и Ему угодна.

Тремя вещами бывает власть Божья: когда [Сам] дарует, когда [человек] захватит и сумеет удержать, и со стороны жителей страны, одобривших князя. И тот является Богоустановленным князем, когда все трое соединяются воедино.

И если Богом установленный князь будет угоден [Ему], то прославится в трёх вещах: в лице, речи и имени. И будет лицо его грозным и внушительным. Речь же будет [славной] тогда, когда слово [его] будет сильно и разумно, а имя будет [славным] тогда, когда слышащие будут [его] уважать и чествовать.

И каким же образом так бывает? Житие по святой жизни прославляет лицо, истинное и прямое слово делает речь уважаемой, как чистое серебро, имеющее царское имя и надпись. И если [серебро] смешается, то обесчестится как фальшивое и приведут к погибели. А управление со знанием и мудростью, по закону и справедливости – прославляют имя, как у врача ученого, который мудр делом, а не одним лишь словом.

Таких князей любят их подданные по трем вещам: по природе, по положению [его] и по необходимости. По природе – как сыновья доброго и милостивого отца. По положению – как князя, установленного Богом; и по необходимости – как судью и справедливого [человека]. И как больному полезен врач, так и князь – стране. И те страна и город остаются благоустроены, в которых князья покорны законам Божьим, а город и страна – князьям.

Княжеские право и справедливость [являются] душой бедных. И город и страна, где нет суда и права – мертвы и исторгнута [у них] душа.

Не должно князю быть пьяницей и любителем вина, ибо вино и пьянство, гусан и танец наносят ущерб всякому человеку. И особенно для христианина это весьма неподобно и непристойно. Но ещё более вредно это для господствующего человека и князя. Ибо те князья, которые по неразумию своему пристрастились к этому – заботятся лишь о славе своей, но [это] потеря и телу, и душе, и дома, и уважения [к нему].

Любящий это пусть узнает из Евангелия, какую потерю совершили, когда пировал царь Ирод со своими князьями и станцевала дочь Иродиады. С вином на устах и от голоса певцов в ушах, и от зрелища танца в очах опъянели. И, вступив потоком с трёх сторон, унесло страх из сердец, мудрость из мыслей, стыд от лица и стали [они] великого пророка и Крестителя Иоанна убийцами[8]. И тот, кто любит волю Божью и [Его] святых – тот да будет ненавистником пьянству, гусану и блуднице.

Четыре великих зла творит вино и эти четыре рождают множество иных зол, и особенно, по отношению к князьям. Ибо князю должно быть храбрым и проворным, а вино же делает [его] медлительным и вялым. И князь должен бодрствовать, чтобы ночью печься и думать о дневных делах. А вино же клонит ко сну и мешает. И память у великого хозяина людей должна быть острой, а вино же делает [его] забывчивым. Князь должен быть чутким, а вино ослабляет органы чувств и творит множество иных зол. Ибо пьяный человек подобен кораблю, который разбит морем и топит все добро.Во имя чего [я] и молю: обычай винопития пресеки в стране своей, чтобы не пили и ели скромно, [или же] пили в меру, чтоб не пьянели.

Благодетельного и мудрого, добродетельного и преданного человека люби, чествуй и возвеличивай. Ибо кто обидит доброго человека – тот совершит два великих греха: отвратит его от доброго предложения и второе – наложит [своими действиями] запрет на такое же доброе усердие иных.

И кто возлюбит человека злого, предателя, грабителя, беззаконного, то совершит два великих вреда. Первое – то, что злые люди к покаянию не придут и второе то, что другие станут творить такое же зло и беззаконие. А малым же тестом весь замес замешивается[9].

Отведи в стране твоей место для учебы и школы, ибо учение и наука сохраняют веру крепкой, а народ – мудрым.

Не должно князю из-за взятки извращать Божий суд и закон. Ибо не одно лишь серебро является взяткой. Но если [князь] из-за почтения лицемерного, лести, или славословия обманет – то это тоже взяткой [является], и порицается.

Грех колеблет и разрушает мир и добрый князь преграждает и ограничивает [его] так, как и сказал пророк Давид: «Колеблется земля и все живущие на ней: Я утвержу столпы её. Говорю безумствующим – не безумствуйте»[10]. Ибо князь, который уничтожит в стране грех и беззаконие – тот станет столпом и обустроит страну.

Сотворил Бог человека из души и тела и украсил по образу и подобию своему, и сделал разум очами души, а очи – светильником тела.

Телесными очами видит [человек] красоты мира, а духовными очами – законы Божьи, которые являются светом и освещают душу.

Пять добрых вещей есть на земле, которыми наслаждается человек: прекрасный цвет, что видит глаз, сладостный голос, что слышит ухо, приятный запах, что ощущает нос, приятный вкус, что вкушает устами, и рукой познаёт твёрдое и мягкое, тяжёлое и лёгкое.

И помимо этих пяти нет иных вещей.

Пойди, взгляни на человеческое тело: какой город, окружённый стеною! И в ней есть пять дверей: одна дверь — очи, другая — уши, другая — нос, другая — рот, и руки и ноги — что являются осязателями.

Всякое злое и доброе в эти пять дверей входит и выходит.

Душа является жителем этого города. Добрые дела человека являются сокровищем и основанием и драгоценностью этого города. Разум есть царь и охранитель этого сокровища. Сатана и дэвы строят козни, чтобы захватить город и похитить добрую душу, которая является сокровищем.

И ты разум держи при себе и греховных наставлений не допускай до слуха своего. И если бы праматерь наша Ева не прислушалась к наставлению змея, то не была бы обманута.

Какую чужую вещь увидишь — да не возжелаешь очами твоими. Ведь если бы не увидел очами плода и не возжелал красоты его — не вкусил бы.

Рукою своею, клонящейся ко греху, не обманывайся. Ведь если бы не потрогал плод рукою — не возжелал бы и съел.

Не бери в рот лишних еды и питья и не держи на языке укорительного слова. Ведь если бы держал рот на замке — то не был бы обнажён от славы и не вышел бы из рая, и не попал бы под осуждение и проклятье.

Знать нужно то, что сатана — змей, который обманул Еву и теперь стремится обмануть каждого человека через эти пять дверей. Человек должен быть мудр, чтобы закрыть уши наставлением письменным, очи [предохранить] от порочного зрелища, язык — от злых речей, руку — от грабежа, ногу – [удерживать] от хождения по нечистому пути.

Но [должен] говорить языком доброе, рукой подавать милостыню и с молитвой работать. И таким образом сохранится наш город и сокровище [его] останется врагом нетронутое.

Есть четыре вещи, которые удерживают человека от греха и являются главой всякого блага. Человек пусть вовсе не забывает о своём грехе и совсем не заботится о грехах других. И чтобы ни совершал — пусть видит вблизи себя Бога и [пусть] помнит о [своём] смертном дне. И тому человеку, который не забывает свой грех, живёт покорно и не исследует чужих грехов — Бог его [греха] не вспомнит. И тот, кто видит вблизи себя Бога — тот вовсе греха не совершает. И тот, кто помнит о смерти, тот эту жизнь в невоздержанности не проводит.

Нужно бояться четырёх вещей и не согрешать. Первое: того дня, когда будешь в агонии, и когда поставят перед Богом, и когда потребуют ответа за [совершённые] дела. И ещё того [бойся], кто умер задолго до нас и ушёл печальным из-за грехов наших.

Есть четыре тягостные вещи, которые произойдут без нашей воли: болезнь и старость, день смерти, и исход на суд Божий. Эти четыре вещи, желаем мы того или нет – произойдут. К тому должны стремиться, что когда мы [живём] по воле нашей — творить добро.

Пишу тебе наставление в мудрости: посмотри на создание человека. С какой мудростью сотворил его Бог! Плотным мясом охватил кровь, а кровью – вздох, и вздохом – душу, а душой – разум. Они уложились и соединились: разум — ввысь к Богу, а тело – вниз к земле. Когда разум узрит Бога и последует законам Божьим, то душу, кровь и тело поведет за собой и сделает небесными. И хотя тело и будет [пребывать] на земле, но мыслью и душой – [будет обретаться] на небе. Если же телом пойдёт к земле, то и его тело, кровь, вздох, душа и разум потянутся к земле и станет <он> земным, как животное. И как, например, зеркало с двумя сторонами, одна сторона которого вверху, а другая

внизу, так и человек душою подобен нематериальному, а телом – земному, и чьим будет – тому и уподобится.

И человек, который мудр, из-за преходящей жизни да не падёт с небес на землю и уподобится скотам.

Сотворил Бог человеку душу и тело. И сокровище и величие человека являются слугами его тела, а тело является слугой души, а разум же – царь всему. О теле надо заботиться мало, чтобы не победило [оно] душу и не сделало [её] своей рабой. И тот кто будет усиливать тело лишними едой и питьём и украшать красивой одеждой, и упокоивать на мягкой постели – тот отдаёт душу [свою] телу в услужение.

Есть три вещи в человеческой душе: разум, гнев и желание. То, что любит разум, гнев и желание – должно взвешивать правильно. Мудрое слово, если будет более глубоким – то коварно, и если менее – то безумно и глупо, а если же поровну – то справедливо и мудро. Также и негодование: если больше его и сильнее – то дерзко и стервозно, если меньше – то трусливо и слабо, и если поровну – то живо и храбро и [имеет] чистое сердце. Так и желание: если будет очень желать материальных вещей – то любит мирское и грех, если же все желания [свои] обратит к духовному, умерщвляет тело, или, взвешивая, держит поровну: тело – в умеренности, а душу – в славе, и [такой человек] чрезвычайно благ.

В человеческой душе должны быть эти три хорошие вещи: справедливость, благородство и великодушие. Справедливым является тот, кто соблюдает закон Божий, сохраняет человечность свою, душу содержит в святости, а тело – в умеренности. Каждого человека чествует по достоинству [и] правдив в речи своей. И какой бы обет ни дал – сдержит.

Благородным человеком является тот, кто с готовностью отдаёт свои душу и имущество в нужном месте и помогает бедным и не берёт найденного, что не пристойно. И о том говорят, что шагает он по земле свободно, у кого одежда чиста, дом прекрасен, домашние сосуды драгоценны, и всё – по трудам его собственным.

Также и душе должно быть непорочной, достойной и прекрасной. И тот является великодушным человеком, кто встретив удачу, или неудачу – стерпит. [Будучи] во власти или победив врагов – не возгордится и не удивится разуму своему, и не сильно опечалится обеднению или немощи. И кто будет держаться этого пути – тот великодушен.

Есть в мире четыре вещи, которые приносят человеку уважение: прекрасный облик, мощь человека, что есть сила, богатое имущество и мудрый разум.

Из этих четырёх вещей три преходящи. Одно время хорошо будет, в другое – плохо, но хороша мудрость разума, ибо те три преходящи, а мудрость же – бессмертна. И тот, кто мудр – тот творит благо и почитает Бога. Эти три вещи: красота, сила и величие – являются мечом в руке человека, который должен умертвить или его самого, или его недоброжелателя.

Тот, кто красоту смешивает с грехом, силу употребляет во зло и богатством творит беззаконие – тот собственным мечом самого себя умерщвляет. А если же красоту посвятил Богу и сохранил от смешения, употребляет [правильно] силу, наслаждается богатством по праву, почитает Бога и одаривает нищих – то умерщвляет недоброжелателя своего – сатану, который есть противник добру.

За четыре вещи Бог дарует человеку власть и величие. Первое: если человек добр, то избирает его Бог и даёт ему в руки власть, чтобы был как отец

бедным, святым, вдовам и сирым, страну благоустроил и в этой жизни сподобился жизни иной. Как, например, выберут царём доброго человека и поставят его по уважению. А злому человеку Бог потому дарует власть, чтобы не имел, что ответить в Судный день и сказать: «Что ты дал руке моей, чтобы я мог совершить доброе?» И есть ещё одно, за что Бог дарует злому человеку власть: быть может [действительно] обратится он к Богу и скажет: даруй это величие мне — я буду соблюдать [Твои] заповеди. [Скажет так], чтобы ещё более дал [ему] в жизни этой, а там — и жизнь вечную. Как если бы выбрал [Он] одного глупца, чтобы обучить и вразумить, чтобы он пришедши с яблоком или иным приятным плодом [к нему обратился]. И другое то, что человеку, у которого все дела злы, но совершил одно доброе — то ему даёт Бог величие в жизни этой и отплачивает за его добро с тем, чтобы в жизни иной не ожидал ничего доброго, как и сказано в Евангелии о Лазаре и богаче[11].

И из-за четырёх вещей бывает бедность. Одно то, что частично бедность сотворил <сам> Бог, чтобы богатые продали имущество; ибо смилостивившемуся над бедным Бог посчитает это как возмещение [грехам его] и сам воздаст. И другое то, что как золото исследуют на огне — хорошее оно или плохое, так и Бог испытывает нищетой человека: хорош он или плох. И если терпелив — то в жизни иной Бог дарует ему своё величие небесное, а в этой жизни он будет людям добрым примером.

И другое то, что хорошего человека, имеющего величие, Бог сделает бедным и тем <его> испытает: из-за богатства ли любил Бога, или он неизменен и в бедности. И явит такой человек Богу свои добрые дела, как и Иов.

А ещё будет бедным тот, у которого все дела добры и совершил <он> единственный грех. И будет он страдать за этот единственный грех, чтобы его искупить. И когда отойдет в жизнь иную, то станет он святым и праведным и наследует Царствие Небесное.

На две вещи больше Бог даровал Адамовым сыновьям, которые не имеют ни ангелы небесные, ни другие создания земные, но только человек. Ибо какой бы грех ни совершил — то когда обратится от греха и покается — получит прощение.

И другое то, что когда умрёт — то имеет воскресенье в ином месте. Ангелы [же], если согрешат, то прощения не имеют, подобно сатане, которому не было прощения. И потому нет прощения, что не имеют тела, чтобы покаяться. И сколько ни есть на земле животных — после смерти другого воскресенья не имеют. Но человек получает искупление от грехов по [своей] телесной слабости и имеет воскресенье после смерти из-за бессмертия души.

Когда Бог создал Адама и поместил в раю, то пока [он] соблюдал Божьи заповеди — не было ни болезни — телу, ни грехов — душе. И когда вышел [он] из заветов Божьих, то грех нашёл место в душе его. А когда же вышел из рая — то нашла болезнь место в теле его, а затем и смерть. Но Бог, смилостивившись, определил лекарство для души и тела. И сколько ни есть цветов — каждому Бог дал силу, чтобы был лекарством для определённой боли. Также и для телесного врачевания нужен врач. Кто скажет врачу о боли — тот найдет лекарство. А душа же, что является подобием Бога, [неужели] не имеет лекарства или врача? Согрешивший человек подобен больному, а знающий священник является хорошим врачом. Кто исповедует грех свой — тому священник укажет лекарство. И когда примут наставление священника — Бог отпустит грех. И вот тебе другой пример: когда больным является сам врач. Но если [он] учён — то от него множество больных получит лекарство. Так и священник: хотя и грешен будет, но указанное им лекарство принесёт другим пользу, если учён. И если кто врачу

не расскажет о всей боли — тому не будет лекарств. Также если не исповедует весь грех — не найдет отпущения. И если не будет слушать врача и невоздержанно жить — боль усилится; если не будет слушать отца исповедника и не отвратится от греха — грех увеличится.

Человек, у которого весь облик прекрасен, но в одном лишь будет жить криво — или оком, или ухом, или рукою, или каким-либо иным [местом] — будет именоваться по этому месту. Будут называть [его] либо слепым, либо глухим, либо хромым, хотя и будет в каждом месте здоров. Также и душа: если будет свободна от всякого греха, но не удержит себя от единственного — то нарекут её по названию греха этого либо вором, либо грабителем, либо прелюбодеем, или кем бы то ни было. Тот единственный грех покроет его весьма доброе имя. Как, например, немного полыни меняют вкус у множества мёда и немного уксуса делают всё содержание сосуда уксусным.

В царской земле, где проживает человек — [находится] он под властью царя. Но если пожелает лицезреть его — то пойдет к нему во дворец. Также человек из любой страны, где бы ни был, или молился — [находится] он под Божьей властью. Но если захочет лицезреть Бога — то пойдет во дворец его, которым является церковь.

Человек, который оскорбит господина своего или царя — умрет. И если не уважит Бога — доподлинно умрет: либо от бедствия в этой жизни, либо в иной. И кто может оскорбить Бога, как не бранящийся ?

В раю есть множество различных деревьев, посажены они на одной почве и питаются одною водой, но хозяин рая требует от каждого дерева свой плод. Таким же раем является и церковь Божья и христиане являются деревьями, и каждый получил единого духа [Святого] в купели, но плод Бог просит различный: иной плод — от священника, иной — от царя, иной — от князя, иной — от судьи.

Плодом князя и судьи является следующее: судить без взяток и не обращаться в сторону богатого, но оправдывать правого.

Молитва святых людей и прямой суд сохраняют страну благоустроенной. И когда этих двух вещей в стране не будет — то исчезнет страна.

И когда пожелаете поставить над городом судью, то выбирайте такого человека, чей разум является его князем и который может управляться в собственной жизни и собственный уклад украшать. Такой человек может и дом обустроить с выгодой. И человек, который может содержать в порядке и границах дом свой, жену, детей, слуг и работников — тот может содержать в порядке и весь город.

Умные распознают хорошего человека по трём вещам: по лицу, по речи и по делам. Сперва смотрят на лицо, которое является зеркалом сердца. Потом узнают по речи, которая идёт от сердца, затем размышляют о делах и о том, с какими людьми общается — он учится их делам. Этим и распознаётся хороший и плохой.

Четырьмя вещами остаётся благоустроенным дом человека: когда верен жене своей; когда любит сыновей своих и питает в страхе Божьем; когда слуг и работников держит в узде; и когда выход и вход в его дом умеренны. И выход да возобладает над входом. И если больше входа, а выхода меньше-то он свинья и бесчеловечен; и если входа мало, а выхода много – то [он] развратен и варварски транжирит. Соблюдать поровну вход и выход — дело умного человека.

Князю должно три вещи: то, чтобы норов [свой] вовремя сдерживал и по справедливости управлял естеством своим в любое время. И другое то, чтобы знал, что непокорных надо храбро и дерзко усмирять, но если рассудит [он] по-

иному – то воздаст почестями ему, любовью и уговорами. Но должен выбрать, что из этих двух уместно сделать. И иное то, что к подвластному ему человеку должен быть благожелателен и желать,чтобы было у того хлеба и имущества.

Князь должен помнить три вещи, чтобы не сотворить беззакония. Одно то, чтобы знал, что подвластные ему [люди] сотворены Богом из массы, как и он сам, и не обделены ничем, кроме власти. Второе то, чтобы знал, что [находится] он под властью Божьей. Третье то, чтобы знал, что не всегда он [будет] князем, но что [это] преходяще. И помнящий это – не совершит беззакония.

Двумя вещами бывает благоустроен город: когда граждане покорны своим князьям, а князья – законам Божьим.

Праведный суд является душою бедных. Как тело, не имеющее души – мертво, так и город, если не может сам жить по праву и правде – то как может оставаться благоустроен? Беззаконный и кривой суд подобен паутине, которая улавливает мошкару и мух, а оса и пчела же рвут [паутину] и освобождаются. Так и беззаконный закон усмиряет бедного и немощного, а знатные и богатые же рвут, освобождаются и не подчиняются.

Во время войны меч лучше, чем золото. Так и в жизни этой, которая является войной, лучше разум и мудрость, нежели множество сокровищ.

Как без уздечки ни юноша, ни храбрец не могут поймать лошадь, так и без разума не могут ни величия, ни богатства обратить на пользу и удовольствие.

Как бесполезен стол без хлеба, так и величие – без мудрости. И нет [там] какого-либо удовольствия и сладости.

И не ту лошадь хвалят, у которой золотом отделана сбруя, седло и уздечка, а ту, которая благородна и храбра. Также и с человеком: не золото и серебро делают его уважаемым, но Богопочитание. Кто добродетелен и соблюдает закон Божий – тот является достойным и знатным.

Князю и господину приличествует любить того человека, который высказывается ему прямо в лицо и порицает, когда [князь] совершает беззаконное дело. Ибо тот является сердечным другом. А тот же человек, который, чтобы князь ни совершил, говорит, что это хорошо и в удобное время говорит приятное для [княжеского] сердца – тот друг лишь с виду, но в душе – недоброжелатель.

Пшеницу выбирают не из-за прекрасной нивы, но чтобы хлеб был хорош. Также и того человека надо любить, который по своему нраву добр, а делами – благ, а не того, который знатен, а делами – зол. И человек, который не может услужить господину, не сумеет и властвовать над другими.

Согласно Божьей непостижимой, несказанной премудрости, различны у каждого человека нрав, аппетит, склонности и к разным народам принадлежат люди, как и свидетельствует мудрый. Как различны не [только] лицами и сердцами, но и отделены и обособлены друг от друга видом и аппетитом.

1 Перевод сделан с критического текста, подготовленного Э. Багдасаряном. См.: Ованес Ерзынкаци и его назидательная проза. Ереван, 1977. С. 204-218. (На среднеарм. яз.).

2 Послание, по мнению Э. Багдасаряна, было написано в 1277 г. и было адресовано князю Григорису и его брату архиепископу Нерсесу (см.: Багдасарян Э. Ованес Ерзынкаци и его назидательная проза. С. 80.)

3 Касательно прозвища Ованес Ерзынкаци Г. Зарбаналян отмечал: “иногда назывался Плузом, из-за голубых очей” (см.: Зарбаналян Г. Древнеармянская литература. Венеция, 1897. С. 755. (на арм. яз.).

4 Ованес Ерзынкаци находился в то время в Киликии (см.: Э. Багдасарян. Ованес Ерзынкаци и его назидательная проза. Ереван, 1977. С. 81. (на арм. яз.).
5 На данном историческом этапе территория Армении стала ареной кровопролитных войн между Хулагуидами и Египетским султанатом. Упоминание о "печали" относится к убийству в 1276г. правителя Екегяца князя Ованэса. В следующем же, 1277г., хулагуидский хан Абага, воевавший с египетским султаном Бейбарсом, посетил Екехъяц (Ерзнку) и подтвердил права сыновей князя Ованэса – Григориса и архиепископа Нерсеса на духовное и светское правление. (см В. Акопян. Малые хронологи. Т. 1, Е, 1951, С. 44, Э. Багдасарян, там же, С. 81).
6 Любопытно, что известный деятель армянской конгрегации мхитарийцев Св. Лазаря Г.Себастаци, основываясь на конкретных (современных ему) исторических примерах, видит причину всякого упадка в следующем: "И в конце рассказа нашего скажем, что зло воистину и зло невыносимое – рознь товарищей в обществе, и предпочтение своей пользе и благу, нежели благу всего общества. И в котором обществе найдется зло это, тотчас ниспровергнется, растлится и сделается негодным общество это, будь то домом, или городом, или непобедимым царством великим, еще более величайшим, чем империи Македонского и Римская, которые пропали и погибли, потому что мало стало в них любви и единения общественного, которыми и сильны были".(см. С. Арамян. Давид бек или История кафанцев. Венеция, 1978. С. 180-181. (на древнеарм. яз.).
7 Гавар – означает уезд. В данном случае имеется в виду собственно гавар Екегяц (Ерзнка), располагавшийся в провинции Верхний Айк Великой Армении. Гавар назывался также Лусаворчакан, т. к. при династии Аршакидов являлся собственностью рода Григория Лусаворича – Просветителя (см. Армянская советская энциклопедия. 1977, т. 3. С. 497-498. (на арм. яз.).
8 Царь Ирод, опъяневший на праздновании своего дня рождения, пообещал дочери жены своей Иродиады (угодившей ему танцем) всего, чего она ни пожелает. И та попросила головы Иоанна Крестителя (см. Евангелие от Матфея, гл 14: 1-12, Евангелие от Марка. гл 6: 17-28). Вообше же, следует отметить, что как духовное лицо О. Ерзнкаци неоднократно приводит примеры в своих посланиях из Св. Писания.
9 Сходные же мысли проявляет и другой видный армянский мыслитель – Григор Татеваци. Так, он отмечает следующее: "И как князь по делам либо добр, либо зол, то также и подданные учатся тому же" (см. Н. Товмасян. Социально-экономические взгляды Григора Татеваци. Ереван, 1966. С. 53. (на арм. яз.).
10 Псалом 74
11 Имеется в виду следующая притча: "Некоторый человек был богат... и каждый день пиршествовал блистательно. Был также некоторый нищий, именем Лазарь, который лежал у ворот его в струпьях и желал напитаться крошками, падающими со стола богача... Умер нищий и отнесен был Ангелами на лоно Авраамово; умер и богач, и похорнили его. И в аде, будучи в муках, он ... увидел вдали Авраама и Лазаря на лоне его И возопив сказал: "Отче Аврааме! Умилосердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучаюсь в пламени сем". Но Авраам сказал : "Чадо! Вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь злое, ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь..." (см. Евангелие от Луки. Гл. 16:19-31).

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В ЭТНОГЕНЕЗЕ АРМЯНСКОГО НАРОДА

Аветисян П.С., Габриелян Р.А.

Процесс этногенеза каждого народа сопряжен с определенными знаковыми событиями, которые впоследствии становятся путеводными во всех сферах жизнедеятельности народа. К числу традиционных установок и механизмов, выработанных в процессе этногенеза, можно отнести и педагогические традиции, которые являются наиболее живучими и действенными, формируя общество и национальное самосознание.

Этногенез армянского народа, по мнению авторитетных ученых (академики С.Т.Еремян, Г.Х.Саркисян и др.), завершился в середине I тысячелетия до н.э. и связан с процессом объединения основных армяноязычных племенных групп и созданием единого древнеармянского государства.

Симптоматично, что идеи, возникшие в этот период, в дальнейшем были использованы для формирования мощного движения во имя сохранения национального государства.

Многовековая история армянского народа свидетельствует, что именно великая тяга к обучению и творению дали ему возможность не только выжить, но и занять свое место в истории мировой науки и культуры.

Идея объединения помогала армянскому народу не потерять свои педагогические традиции, основанные на традициях этногенеза, и в дальнейшем. После потери армянской государственности, педагогические традиции способствовали реанимации тяги нашего народа к формированию своей государственности.

Иными словами, педагогические традиции, сформировавшиеся в процессе этногенеза народа, остаются в его памяти на протяжении веков и превращаются в один из основополагаюших компонентов дальнейшего развития. Они используются в образовательной системе Армении вплоть до нашего времени. Именно это обстоятельство помогало армянскому народу сохранять свою национальную самобытность и национальное самосознание.

Не имея такого мощного гаранта, как национальная государственность, армянские педагогические традиции с честью выполнили свою миссию и донесли до наших дней не только идеи этногенеза, но сумели на протяжении веков создать целостную систему механизмов в области науки и образования.

Так, уже в V веке в Армении возникли первые учебные пособия, в частности, по истории армянского народа, в которых идеи эпохи этногенеза армян использовались для поддержания национального сознания.

Кроме идеи объединения усилий армянского народа во имя возрождения армянской государственности, в средневековой Армении использовались народные представления по некоторым аспектам этногенеза армянского народа.

В средневековой Армении большое распространение получили так называемые светские школы, в том числе и высшие, в которых преподавались ряд дисциплин, запрещенных в аналогичных заведениях европейских стран.

Это обстоятельство предполагает при рассмотрении вопросов, связанных с модернизацией современной системы образования и науки, учитывать сложившиеся педагогические традиции, а также необходимость создания единой позиции образования и науки, что позволит создать более эффективную модель национальной образовательной системы.

При определении содержания образования важно также сочетание естественно-научных и гуманитарных дисциплин, следуя принципу взаимодополняемости.

Этим можно объяснить то обстоятельство, что проблема этногенеза представлена в армянских педагогических традициях комплексно, в расчете на то, что для формирования армянского народа и армянской национальной государственности необходимо все, что помогает регулировать проблемы выживания всего армянского общества.

В этом аспекте стоит сказать и об армянской церкви, которая является поистине одним из основных архитекторов и хранителей педагогических традиций, основанных на традиционных представлениях об этногенезе армянского народа.

Деятельность европейской инквизиции свидетельствует о том, что вся система образования была поставлена на жесткие рельсы выполнения не традиций этногенеза каждого народа, а на создание единой системы ценностей в сфере образования. Даже эпоха Реформации не привнесла существенных изменений в систему образования европейских народов. Такой подход сохраняется в данное время.

Из сказанного следует, что педагогические традиции этногенеза сохраняются и передаются поколениям только в том случае, если образование становится более светским и бывает тесно связано с проблемами создания условий для нормальной жизнедеятельности каждого государства и народа, ибо не секрет, что будущее нации и государства должно определяться, прежде всего, выверенной политикой в области науки и образовательной деятельности, что, в свою очередь, определяет основу новой инновационной экономики, основанной на знаниях и интеллекте. Последнеее обстоятельство приводит к необходимости создания соответствующих управленческих моделей во всех сферах государственной деятельности.

Следует отметить, что педагогические традиции этногенеза оказались наиболее живучими у тех народов, чей этногенез завершился созданием национальной государственности и связан с функционированием национально-государственных институтов.

Этому способствовала и Армянская церковь, которая сознательно шла на сохранение комплекса преподаваемых дисциплин, развитие определенных научных направлений в средневековой Армении, так как все это создавало основу для существования армянского народа.

Сегодня, когда стоит вопрос о реформировании системы образования, мы можем опираться, в том числе, и на свой национальный опыт в сфере образования, дабы не выбросить вместе со старой системой и то здоровое зерно, которое помогало нашему народу решать свои национальные вопросы.

Так, если представить, что посредством системы образования народ передает свой исторический опыт последующему поколению, то

вырисовывается достаточно интересная картина в свете передачи идей эпохи этногенеза армянского народа через учебные дисциплины.

Значение национальных педагогических традиций повышается сегодня именно на постсоветском пространстве, ибо не секрет, что многие народы бывшего СССР не имели своих национальных образовательных систем.

Новая система образования, вместе с тем, должна строиться на принципах академической мобильности и на достижениях современной науки и технологий, где элементы национальных традиций обучения и педагогики в целом не теряются, а обретают новое значение и смысл.

Важным звеном в развитии и сохранении педагогических традиций остается психологический фактор. Соответствующая психологическая атмосфера может сложиться при активном участии государственных и общественных организаций в определении такого климата. На этом пути велика роль Академии педагогических наук, например, РАО, АПСН РФ и др.

Общеизвестно, что все безписьменные народы СССР получили возможность развивать свой язык, прежде всего, на основе кирилицы. Однако малочисленность этих народов и развитие их образовательной системы в иной, не национальной системе образования, привели к тому, что, наряду с приобщением этих народов к более высокому уровню развития образовательной системы, шел процесс деградации национальных педагогических традиций и потере элементов традиций, связанных с эпохой этногенеза этих народов.

Таким образом, если этногенез народа связан с формированием национальной государственности, то такие народы успевают сформировать также и национальные традиции в области науки и образования, основанные на традициях этногенеза.

На современном этапе народы, которые не имели своей письменности, в результате реформы образования и науки переходят на новые рельсы, рискуя, тем самым, потерять полностью свою национальную самобытность. Пройдет немного времени, когда вся система образования будет унифицирована и лишена национальных традиций, что приведет к обеднению мировой цивилизации и всего процесса цивилизационного развития, в который каждый народ вносит свой посильный вклад. Проблема сохранения национального многообразия педагогических традиций цивилизованного мира должна быть поставлена на самый высокий уровень, что позволит решать многие вопросы безболезненно. И в этом смысле не стоит слишком увлекаться новыми веяниями в области реформирования системы образования и науки. Поэтому необходимо комплексно подходить к вопросам реформы образования, с учетом местных национальных традиций и, конечно, потребностей общества.

Несмотря на то, что в бывшем СССР была единая система образования, все же многие народы СССР имели свои национальные педагогические традиции. Именно это обстоятельство необходимо учесть при рассмотрении комплекса проблем, связанных с процессом реформы образования на постсоветском пространстве.

Необходимо отметить также, что система образования предполагает и создание определенных методов как обучения, так и воспитания, в этом смысле педагогические традиции, основанные на традициях этногенеза народа, приобретают особое значение. Известно, что завершение этногенеза народа связано с возникновением этнонима.

Важнейшее значение имеет наличие или отсутствие национального алфавита, который способствовал бы процессу передачи национального исторического опыта через выработанные механизмы образования. Подмена

«своего» исторического опыта «чужим», вероятно, окажется гибельной для многих народов, приведет к потере своего национального лица.

Вот почему именно на современном этапе необходимо сохранить многие педагогические традиции на постсоветском пространстве, в особенности, связанные с эпохой этногенеза, ибо, как известно, советская система образования сумела аккумулировать в себе все то лучшее, что было в арсенале педагогических традиций всех населяющих ее народов.

Необходимо отметить также, что важным аспектом процесса образования и науки остается педагогическая наука, оказывающая непосредственное влияние на практику обучения и воспитания. И в этом смысле важнейшим звеном становится «учительство» – учитель, который возьмет на себя ответственность за тяжелое бремя образования. На современном этапе возникла необходимость формирования педагогического и воспитательного пространства ВУЗ-ов, где обучаются будущие учителя. Наряду с этим, огромными возможностями пополнения содержания образования остается широкая культурная ассоциативность в освоении знаний не только как суммы знаний, но и развития личности.

ПУБЛИЦИСТИКА

ГРИГОР НАРЕКАЦИ
МОНАХ? УЧЕНЫЙ? ГЕНИЙ? ПРОРОК?

Пирумов Э. Ф.

На рубеже веков, на стыке тысячелетий, в монастыре Нарек, что на берегу озера Ван, просто человек, Григор Нарекаци, создает «Книгу скорбных песнопений», в которой, пропустив забытые и помнимые страницы истории человечества, через горнило своей страждующей души, осознав тайны душ человеческих, преодолев вожделенческие инстинкты, предложил пути спасения всего человечества, определившись в понятиях покаяния и самоочищения.

На стыке времен, ровно тысячу лет тому назад, Григор Нарекаци создал книгу, в которой великая тайна слова, памяти, смысла существования неразгаданы до сих пор, но чья энергетика воздействует и поныне, пытая каждой прочитанной страницей совесть-жизнь в определениях вечности бытия и конечности земного. И книгу эту почему-то посвятил безжалостному убийце, императору-аскету, Василию Болгаробойце?! И как бесконечно одиночество скорби Нарекаци.

И было сказано слово, и записано было в книге бытия! Слово, ведущее свое начало из глубин вечности! Порожденное таинством седого Арарата, опаленное огнем на заре времен, стремительное, как горные реки Армении, вобравшее в себя мудрость опаленных солнцем равнин, несущее в себе неосознанность могущества.

Таинство энергетики языка Нарекаци несет в себе нечто забытое слишком давно, но влекущее невообразимостью смыслов. Энергетика эта течет из такой древности, что прочитывая слово и вслушиваясь в его звучание, теряешься в необъятности, пытаясь воспринять как можно больше. Ощущения эти не проходят бесследно. Они заполняют разум символикой тайны, которая чувствуема, но, к сожалению, воспринимаема лишь частично. Тайна сказанного слова, несущего в себе ощущение вечности, оставшейся где-то за пределами мыслимого, сказанное когда-то на грани бытия и небытия.

Символика слов, идущих от начала времен, несет в себе нечто большее, нежели обыденные обозначения предметов и явлений окружающего нас мира. И каждый ушедший день уносит с собой возможность расшифровки древних кодов, смысл которых, увы, забыт. Тысячу лет тому назад таинство это было использовано Григором Нарекаци, который осознал себя в могуществе слова в Книге скорби. Слова эти бьют в набат и возжигают души огнем нетленным, горят неопалимой купиной, даже до конца неосознанные.

Что есть «Книга Скорби» в параметрах дня минувшего, дня сегодняшнего и дня грядущего? Что есть «Книга Скорби», стоящая вне времен и вне народов, но указующая пути в грядущее для каждого из времен!

Смятение? Озарение? Всечеловеческое покаяние в содеянном?

Распяв на кресте Сына Божьего, мы обречены на постоянство предательств? Нескончаемость покаяний? Ложь жизни, укрытая неистовостью сожалений? Или же истины, идущие к нам и исходящие из нас являют собой

бесконечный круговорот, коим нас одарили или прокляли? В чем смысл озарений? В предвидении, идущем из невежества времен Нарекаци, или же в слове Нарекаци бездонность познанного и познаваемого?

Пласты слов языка Нарекаци увлекают в такую древность, что начинает казаться – нет даже смысла заглядывать столь далеко. Но именно неистовость древности, увы, полузабытой, возжигает огонь, влекущий к основам, на первый взгляд, погасшим в тумане вечности. Сколько нюансов утеряно и почти непереводимо в сохранившемся слове. Однако, прочитанное и ощущаемое, оно наполняет энергией и воссоздает понятия, воспринимаемые целостно, на генном уровне, как внезапно всплывшие в памяти картинки минувшего. Восприятие каждого слова идет через подобные ощущения, в них нет трепета мысли логических абстракций, ибо они не нужны и неиспользуемы в этой священной Книге.

Живое созерцание в использовании глубинных напластований слов, идущих из вневременных континиумов! Чувственность в сопричастности! Вбирание в себя и мгновенный выброс парадоксов времени! Осознанные гением, они взрываются, прочитанные, подобием атомного взрыва, в желании уничтожить ложь жизни! Но что есть ложь для Нарекаци? И что являет собой эта ложь для каждого времени и каждого из поколений, пронесшихся по планете, имя которой – Земля?

Не любая мысль во благо! И не любое милосердие и всепрощение! Как определиться в понятиях – добро и зло – рождающихся ежедневно в деяниях человека и истекающих друг в друга постоянно? Любовь, милосердие и прощение оставил на Земле Сын Божий! Но что есть сама Вера? В чем определяет просчёты человечества Нарекаци? В предательстве – этом постоянном спутнике человека? В минуту слабости, в тоске вожделений человек умудрился одновременно и предать Иисуса, и пойти за ним. Созданы основы нравственности, но нет сдерживающих начал. Охотник и воин подавляет всё и вся в душе человека. И есть исключения! Но был распят Иисус! И человечество постоянно в нетерпимости и жестокости! Но есть любовь! Мир этот ненавистен Нарекаци и он любит этот мир. Любовь в ненависти и ненависть в любви? В них постоянна боль измученного сердца. Как постоянно желание очистить мир от скверны! Как постоянен вопрос: «Что делать?». И, воистину, единственный ответ во всем своем многообразии на этот сакраментальный вопрос – самоочищение и покаяние! И желание узнать, когда наступит время спасения, которое увы не наступит сегодня, но что произойдёт завтра?..

В чём смысл жизни Нарекаци? Явно не освященный временем ответ – «Построить дом, посадить дерево, вырастить сына!» Уход от реальности в келью? Самосожжение? Восторг общения с Богом? Через упоение истиной, реалиями жизни – возможность спасения человечества? Мистика предвидения определяюща в направлениях жизни. Однако важно и то, что Искра Божья горит в этой Священной Книге не для всех. У каждого свой искус и свой путь. Направленная на обозримое будущее, она призвана обжечь неправедных, успокоить мятущихся в невежестве и направить ищущих!? Она должна растопить лёд и разжечь пламя. И создана она во имя того, дабы мрак грехов человеческих сменился светом покаяний. Лишь самоочистившись и покаявшись, возможно идти путем Иисуса к милосердию, всепрощению и любви?!

Печаль обнажённой души, единовременные смирение, буйство и гнев в одиночестве скорби?! В этом постоянный искус Нарекаци и смысл его вечной

геены? Неудержимый и стремительный в самобичевании Нарекаци прошел все круги Ада? Но ад и в нем и вокруг него. Ад, по Нарекаци, в утерянных путях и смыслах человечества. Нарекаци говорит от имени поруганного самим собой человечества, бездумно идущего вслед за силой и властью, предающего всё и вся на своих дорогах в грядущее! Вбирая в себя все грехи человечества, накопленные за всю историю, Нарекаци осмеливается повторить путь Сына Божьего? Не в этом ли смысл его неистовых самобичеваний? Нарекаци простирает своё слово в грядущее тысячелетие и мистика предвидения ранит его ещё сильнее? Он казалось предвидит этот путь. Что это – искус, грех, божественное озарение? Нарекаци познал человечество? Его грядущее? И как необходимо покаяние сегодня! И как велики накопленные грехи!! И как бесконечна суета!!!

Блаженство света, окаймлённое мраком грехов! Ими определяется степень успеха в дорогах, идущих в грядущее. Катаклизмы жизни, в которых нет невиновных. Устремлённость к добру через позывы зла. Увядание в постоянстве бега времени. Ожидаемые и такие неожиданные переходы от невинности младенчества, наивности юности к необходимостям зрелости и поздним попыткам самоосознаний старости. Первая и последняя секунды жизни и мятущаяся душа в буйствах природы, в которых нет исключений. Ни для кого. Несоразмеримость конфликтов добра и зла, проходящего сквозь души людские и дарующие простор для развития через боль?! Безумие и бездумие жизни во грехе с увлечённостью очищения? Возрастающие возможности духовного в потоках жизни, появившиеся с христианскими заповедями! Но рядом – гордыня невежества, умение переступать через себя в перепитиях жизни. Полёт возвышенного и хождение по трупам! Буйство красок и аромат срезанных и умирающих цветов. Вознесение славой и печаль одиночества. Возвышенность скорби! Обращение к Господу! Молитвы просьбы! Молитвы покаяния! Вечные коллизии жизни!

Скорбящая Мадонна – вечность или случай? От чего мы отказываемся в желании вечности через смерть? Почём скорбь? Красота, милосердие и любовь – посылы человеческого или божественного? Чего может желать больная душа? И больное тело вожделеет. Пока не смыта ненависть – не придёт любовь. А запертую наглухо боль сердца возможно ли унять в постоянстве самоочищений? Никогда во мраке ничего не узреть, но и воссияние света может затмить очи! Никогда не согреет остывший огонь, но светоч душ, очищенных от грязи, укажет путь, блесками огней грядущего! Насколько сильно Нарекаци познал суть человеческого. Он предвидит, что в погоне цивилизации человечество однажды забудет и о Боге и о дьяволе, превратив их в статичные фигуры в великой игре в грядущее. И человечество создаст собственных праведников и лжеправедников, определившись в необходимости существования палачей и жертв, что оно породит собственных чудовищ, многие из которых перещеголяют самого дьявола, равно как тщеславие рядится в собственные чистые одежды! Жизнь постоянно обрамляет существование ложью откровений и истиной соблазнов. И в абсурдах констант и доминантах абсурда идут процессы конкретизации истин.

Можно возлюбить себя в грехе и истово каяться, но всё проходит. Именно в нас ложь и истина, свобода и рабство, честь и бесчестие и для нас существует право выбора. Но если есть множество выдуманных истин во лжи и предательстве – нет двух истин в правде самоочищений! Человек и мудр, и глуп одновременно. Но в чем критерии? В любви к самому себе? К окружающим?

Но рядом затаились ненависть, злоба и месть! Они сжигают души дотла! И невозможно познать свет без мрака! Как услышать тишину без грохота. Как не очиститься без предыдущей подлости! В чем вина жизни и неотвратимость смерти-возмездия? Откуда и куда мы все идем? Маска, сокрывшая лицо, не в состоянии скрыть наготу глаз, в которых можно увидеть бездонность зла и бесконечность добра! Бушует нищета, в закладе — сердце, плоть нечиста и дух презрен. И я прошу, о чем не знаю? Презрение души, что ненавидит тело. Все рухнуло, обломки лишь не тонут! Я с этим миром чувствую разлад!

Но приходит время отрезвлений, и каждый раз разрушив все до основания, человек начинает свой путь заново! И в нескончаемости этого пути нет места духовному. Устремленность к разрушению, безликость востанавливаемого — реалии краха былого и вновь пришедшего. Прошлое всегда настигает и мстит! И все возвращается на круги своя, но по-новому! И постоянна заря в тумане бытия.

Тривиальная борьба добра и зла — явление сути человечества, в которой постоянен выбор, но не постоянны устремления человека, которые заставляют его кидаться из стороны в сторону в попытках утвердиться в понимании доброзло. Но, если человек ищет добро, зло ищет человека, и, как итог этой борьбы, определение права выбора, на который каждый решается сам.

А сказанное слово не только обнадеживает, зачастую оно убивает! Мы те, кем были, и в нас нечто новое, но что? В погоне за своими желаниями мы ничего не видим. А совесть пробуждается тогда лишь, когда так поздно исправлять что-либо. Но значит ли это, что мы должны ждать часа покаяний?

По ком звонит колокол? Распятый людьми Бог остался с нами! Остались былые ошибки и копятся новые. В грузе этом так много всего. Идти следует к Богу со своими грехами, или переложить все на плечи тех, кто вновь придет за нами? В чем выбор Нарекаци, пошедшего путем Иисуса, вбирая грехи человечества, ставя вопросы и отвечая на них? Что это — тайна человека? Тайна Бога, нераскрытая, но чувствуемая гением, и предтечей грядущего возрождения человечества через понятия нравственности, оставленные Господом? В душе его предчувствие следующего тысячелетия. В книге его все те, кто жил, живёт и будет жить, все люди, что внесены в книгу бытия! Со смертным ядом в душе и с сокровищем души нетленным!

Жизнь — аромат воспоминаний в затухающем теле! И мы не в состоянии понять, что теряем и что находим. Безумие рока, безумие судеб, безумие жизни и безумие смерти в понимании человека, чувствующего как всесильное время, просачиваясь сквозь пальцы, уходит навсегда, а мы не в состоянии задержать его. Живой ли Нарекаци пишет священную книгу Скорби или в божественном озарении, оставив всё земное за пределами, куда нет дороги обычным людям?

Душа моя пуста! Внемли, увидевший опустошённость жизни, когда своей тропой пойдёшь! Не уничтожь увечностью души своей Господен Рай. Он в нас остался, приемлет всё, что мы отринули когда-то! Как ни мимолётна совесть, но всё же будит она нас в наслаждениях жизни! Усталость нас влечёт к покою, но что ведёт нас в бой? Чьё презрение мы чувствуем, в чём жертвенности смысл, и в чём причина смерти? Он на кресте, а мы несём свой крест, не ведая причинности событий. Как не хитри, Голгофы нам не обойти! И это крест живущих в памяти грядущей! Тяжелы тщеславия грехи, Сизифов труд бесплоден, но он манит. Безудержностью грез, вне наказанья, ведёт гордыня нас, что, оседлав, убьёт однажды! Желаний зло и доброты преступность — даруют мир иль нет!? Грешна молитва в устах презревшего все истины

Господни? Как много вопросов накопилось, но как на них ответить? Как мир или война в душе, в которой тонем мы, в отмеренных судьбою днях! Но копятся грехи! Мы в них и они в нас! Что ввергнет человечество во прах? Истекает кровью застывший небосвод, то кровь невинных в суетной заре. Что в крови той? Гнев? Буря? Ураган? Частица наказанья? Беспамятство, что так характерно для людей? Бессмертие – отголосок судеб, погашенных в бесславии и злобе? Что есть сожаление, да и о чём оно? Куда идешь ты, человек? В напасти суетливой, что дьявол преподнёс на блюдечке любви, заполнивши её красотой страданий и тщетой искупленья! Отчаяние – то по-миру развеянное беспечье? Уродство сродни всеустремлённости вожделений? Как найти ответы на дне души, засыпанной грязью вожделений? Это часть вопросов, поставленных Нарекаци, в ответах, что он даёт, есть смысл спасения человека! В ней свет, дарующий покой! По человечеству звонит колокол, и Нарекаци, предвидящий и, смятённый грузом, обрушившимся на него, подсказывает пути к спасению! Остаётся лишь одно – воспользоваться дарованным путём или отречься от него. Выбор за всеми! За теми, кто создаёт орудия смерти, и кто протестует против него. За теми, кто уничтожает жизнь на земле, и теми, кто пытается охранить природу. Выбор за каждым! Главное успеть остановиться и спасти самого себя и того, кто рядом! Так хотел великий Григор Нарекаци, и в нашем выборе его и наша дальнейшая жизнь, или полное забвение.

Азарян Е. Р. Преступление. Наказание. Правопорядок

Авакян Р.З.

Тема «преступление и наказание» отражает существо уголовного права, определяя все рефлексии законодателя и доктрины. Именно вокруг данных составляющих уголовно-правовой материи ломаются копья на теоретических раутах, создаются императивы, которые порой превращаются в застывшие догмы одиозного позитивизма, мешающего прогрессивному развитию самой репрессивной правовой отрасли, воплотившей в себе не только мудрость веков, но и безумие их. Уголовному праву с его непременными и основополагающими составляющими в виде преступления и наказания человечество обязано появлением стигмы «преступник», которая имеет не только важное правовое значение, но и влечет за собой весьма печальный социальный итог в виде негативного шлейфа, который постоянно сопровождает лицо, единожды преступившее уголовный закон.

Работа посвящена актуальным проблемам уголовного права и практики борьбы с преступностью. Многоаспектное рассмотрение проблем сущности, видов и содержания понятий преступления, наказания и уголовного правопорядка, совершенствования системы уголовных, судебно-процессуальных и уголовно-исполнительных критериев, возведение права в закон и правомерного его применения – важная проблема во многих отношениях. Тем более, что посткоммунистические государства, обретя независимость, встали перед необходимостью радикального изменения и реформации всех направлений жизни общества и построения правового государства. Большинством этих государств были приняты ценностные системы, выработанные прогрессивным человечеством к концу XX века, и, в первую очередь, безусловное признание и защита прав и свобод личности. С этой точки зрения вполне можно понять замыслы автора – своим научным исследованием оказать помощь как законодателю, так и правоприменителям. Тем самым автор своеобразно констатирует принцип разделения властей в качестве законодательных и судебных. И это понятно, так как уголовное право является фундаментальной отраслью публичного права, которое не может функционировать в отрыве от деятельности государства и его отдельных органов. С этой точки зрения понятно и то, что наука уголовного права должна строить свои понятия с учетом познания смысла деятельности субъектов практики борьбы с преступностью.

Проблемам преступления и наказания посвящено огромное количество работ, однако, в связи с тем, что в проблематику исследования включается и понятие правового порядка, традиционные проблемы уголовного права приобретают несколько иное содержание. Действительно, преступление посягает на правовой порядок, а наказание должно восстановить нарушенный преступлением правовой порядок. Однако суть дела сказанным вовсе не

исчерпывается. Имеется в виду то, что в книге понятия преступления и наказания рассматриваются в широком смысле: излагаются вопросы сущности, структуры и меры относительности понятия преступления, соотношения преступления, с одной стороны, с понятием греха, а с другой – с иными видами правонарушения. Автор подчеркивает, что преступление нарушает не только определенную норму поведения или социального порядка, но и волю Бога, отношения между Богом и человеком. Поэтому наказание понимается не только как средство уголовно-правового воздействия, но и как разновидность родительского, церковного, школьного и др. воздействия. Автор заключает, что уголовное наказание, как и другие виды наказания, должно стать надлежащим поучением, исцелением и исправлением посредством целесообразного и справедливого воздействия, кары восстановления нарушенного права.

Согласно автору, законодатель должен правильно установить не только общее понятие преступления, но и более точно определить сущность отдельных преступлений и их составов. С этой позиции следует рассматривать и сущность наказания с целью его дифференциации и индивидуализации. Если же не удается точно установить составы преступлений, правильно квалифицировать совершенные деяния, успешно реализовать индивидуальные программы уголовно-правового воздействия, то это свидетельствует о нецелесообразности, неэффективности или даже деструктивности деятельности правоприменительных органов в деле восстановления и поддержания ими правопорядка.

В результате анализа различных точек зрения о сущности наказания, Е.Азарян приходит к выводу, что наказание не может быть свободным от определенной степени зла, однако наказание – это необходимое зло, используемое государством в отношении виновных в совершении преступления в целях устранения или предотвращения большего зла, нежели зло, причиненное преступлением. Отсюда он заключает, что если наказание, как необходимое зло, справедливо и правомерно, то правомерна также его составная часть – принуждение, применяемое против воли преступника, его переживания и страдания.

Особого внимания заслуживает рассмотрение целей уголовного наказания. Автор с этой позиции анализирует точку зрения различных мыслителей, различные судебники и законы, а также мнения специалистов по уголовному праву. На основании этого анализа, он полагает, что наказание как угроза и средство устрашения может вызвать совершенно противоположный эффект и спровоцировать человека на протест и восстание против самого закона. Иначе говоря, автор отрицательно относится к мысли о том, что наказание должно устрашать человека, как само представление противоречит свободе и достоинству личности человека.

Однако наказание не является самоцелью и обсуждение таких целей уголовного наказания, как исправление и перевоспитание осужденных, является одним из несомненных достоинств работы. Отмечая скептическое отношение некоторых ученых к указанным целям уголовного наказания, автор подчеркивает, что большинство юристов не проводит никакого различия между исправлением и перевоспитанием осужденного, тогда как исправленный еще не может быть перевоспитанным. С другой стороны, он обращает особое внимание на понятие покаяния, которое означает духовное осмысление всей прожитой жизни. Поэтому покаяние в указанном понимании достойно быть закреплено в уголовном законе. В пользу указанного положения служит тот факт, что в

воспитательной работе исправительных учреждений государства стали активно участвовать церковь и различные религиозные организации.

Следует подчеркнуть, что автор предпринимает попытку установить иерархию целей наказания в качестве начальных, промежуточных и конечных. С этой позиции автор подчеркивает, что общая и конечная цель уголовного наказания заключается в преодолении противоправной, душевной установки людей.

Нельзя не отметить рассмотрение в работе отдельных видов наказания по УК многих современных государств. Автор, при анализе отдельных видов наказания высказывает интересные соображения по усовершенствованию УК РА. Во многих случаях автор дает законодательные предложения, которые, несомненно, заслуживают внимания.

В зависимости от законодательных установлений наказания автор особо рассматривает и проблему назначения наказания. С этой точки зрения исследуется вопрос о соотношении между преступлением и наказанием, в зависимости от характера преступлений, обстоятельства их совершения, а также личности их совершившей, уточняется принцип индивидуализации наказания, а также конкретизируются цели отдельных видов наказания.

Автор исходит из тезиса, что преступление посягает на правовой порядок, а правопорядок есть система общепризнанных действующих императивов и взаимосогласованных условий, определяющих образы наций, народов и остальной части реального миропорядка. Нет никаких сомнений в том, что уголовный закон должен поддерживать существующий в обществе правопорядок, однако автор подчеркивает, что правопорядок гораздо стабильнее там, где имеется больше истинной веры и любви человека к Богу и своим ближним, добрых нравов, правомерное действующее уголовное законодательство и четкое его исполнение, своевременное восстановление нарушенного права, наказание правонарушителей и эффективная профилактика правонарушений.

В целом, работа является весьма актуальной и важной в деле дальнейшего развития научной юридической мысли и законодательно-правовых постулатов. Главное в том, что автор довольно смело критикует отдельные традиционные положения, предельно ясно выражает смысл своих формулировок и предложений.

Проделанная автором работа ценна также с точки зрения воспитания нового поколения юристов и правоведов в Армении. Она наводит на серьезные размышления о человеческой сущности и может быть полезна не только для профессиональных юристов, специалистов законодательной отрасли, работников судебных органов, прокуратуры, юстиции, адвокатов, но и для широкого круга читателей.

17 ноября 2005г. по решению ЮНЕСКО впервые отмечался Международный день философии. В этот же день в Академии наук Армении состоялась научная конференция, посвященная 100-летию известного ученого, члена-корреспондента АН Арм. ССР В.К. Чалояна. С приветствием к участникам конференции обратились президент НАН РА Ф.Т. Саркисян, вице-президент В.Б. Бархударян, президент Международной философской академии Г.А. Брутян, директор Института философии и права НАН РА Г.А. Погосян. С научными докладами выступили академики С.С. Аревшатян и Г.А. Геворкян, доктора философских наук, профессоры Г.Г. Мирзоян, Я.И. Хачикян, Л.А. Абрамян, д. ф. н. С.С. Саркисян, к. ф. н. О.Л. Саркисян, Ц.В. Чалоян-Акопян. Выступающие обратились к жизни и творчеству известного ученого, дали оценку его вклада в науку.

ПАТРИАРХ ИСТОРИИ АРМЯНСКОЙ ФИЛОСОФИИ
(К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН Арм. ССР В.К. Чалояна)

Саркисян О. Л.

Вазген Карапетович Чалоян родился 7 января 1905г. в г. Александрополе (ныне г. Гюмри Республики Армения). В 1926г. окончил юридико-экономический факультет Ереванского государственного университета. Затем преподавал в различных учебных заведениях. С 1938г. научный сотрудник сначала Армянского филиала АН СССР, затем Сектора философии АН Арм. ССР и, наконец, Института философии и права АН Арм. ССР. В 1939г. защитил кандидатскую, а в 1946г. – докторскую диссертацию. С 1965г. – член-корреспондент АН Арм. ССР. Яляется автором более 100 научных трудов, в том числе – 15 монографий. Скончался 24 марта 1981г.

В.К. Чалоян, по существу, является одним из основоположников истории армянской философии как самостоятельной арменоведческой дисциплины. В отличие от других областей истории армянской культуры: история языка, литературы, искусства и др., история армянской философии практически не была освещена до середины XX века. Первые исследования в этом направлении провели В.К. Чалоян, а также профессор Г.Г. Габриелян. Усилиями именно этих ученых история армянской философии превратилась в особый предмет исследования.

В творчестве В.К. Чалояна можно выделить несколько этапов и направлений. Он начал свой научный путь с изучения философских взглядов отдельных армянских мыслителей. Его первая работа посвящена освещению философских воззрений армянского философа V века Езника Кохбаци.

Вторая крупная работа посвящена исследованию взглядов Давида Анахта (Непобедимого) (V - VI вв.), труды которого ознаменовали завершение процесса формирования философской науки в раннесредневековой Армении. Заслуги В. К. Чалояна в области анахтоведения чрезвычайно велики. Исследованию

философских взглядов Давида посвящена докторская диссертация ученого, (монография была опубликована в 1946 г.). По существу, именно он приподнял завесу над богатейшей философией армянского мыслителя. В.К. Чалоян впервые системно изложил общефилософские и логические взгляды Давида Анахта, а также поставил вопрос о месте и роли армянского философа в истории философии. В последующие годы исследование философских взглядов Давида Анахта было продолжено, интерес к ним чрезвычайно возрос. Логическим результатом этого стала крупная международная конференция, посвященная 1500-летию великого армянского философа, с участием известных философов из разных стран.

Работы В.К. Чалояна, посвященные исследованию философских воззрений мыслителей раннего средневековья (Езника Кохбаци и Давида Анахта), фактически явились первыми профессиональными работами в области истории армянской философии. За этим последовали попытки создания обобщающих трудов по истории армянской философии, что вытекало из самой логики становления новой историко-философской дисциплины. Этим завершается первый этап развития истории армянской философии – этап ее становления как научной (историко-философской и арменоведческой) дисциплины. История армянской философии была представлена научной общественности как составная часть общей истории философии.

Труды "отцов-основателей" истории армянской философии стали основой ее дальнейшего развития: в нем сформулированы проблемы и намечены тенденции, которые попыталось реализовать следующее поколение историков армянской философии. В последующем были исследованы философские взгляды многих армянских философов различных эпох, освещены проблемы армянской философской мысли определенных эпох, появились проблемные исследования. Появилась целая плеяда ученых-философов, которые посвятили себя изучению истории армянской философии (С. Аревшатян, Г. Григорян, Ал. Тевосян, Гр. Мирзоян, К. Мирумян и др.). Особо следует выделить исследования С. Аревшатяна, в частности, работу "Формирование философской науки в Древней Армении (V – VI вв.)", где становление армянской философии рассматривается в общем контексте развития духовной культуры эпохи. Можно сказать, что С. Аревшатян завершил то, с чего начал В. Чалоян – ситемно изложил процесс становления философской науки в Армении, на основе тщательного анализа философских взглядов армянских философов этой эпохи, в том числе – Езника Кохбаци и Давида Анахта.

Вышеуказанные работы В.К. Чалояна свидетельствуют о блестящем знании автором эмпирического материала – источников, о тщательном их анализе. В то же время автор пытается на теоретическом уровне восстановить общую картину развития философской мысли в средневековой Армении (V – XVIII вв.). В.К. Чалоян отмечает, что нельзя ждать пока окончательно не будут завершены работы по исследованию источников. При таком подходе обобщающие на теоретическом уровне труды могут не появиться никогда. По-видимому, механизм исследования истории армянской философии всегда будет таким[1].

Правда, вопрос о методологических основаниях историко-философского исследования в то время был предрешен ограниченными рамками марксистской методологии. В то же время он отмечает ряд особенностей армянской философии, которые детерминированы потребностями национального бытия[2]. В свете современных методологических исканий, когда переоцениваются

методологические принципы и установки, идеи В. К. Чалояна звучат особенно актуально.

Источниковедческая, текстологическая работа является еще одним важным направлением деятельности В.К. Чалояна. Он перевел с грабара (древнеармянского) на русский и снабдил комментариями труд Езника Кохбаци "Опрожержение ересей" (Ереван, 1968). Особо ценным считается перевод на русский язык произведения армянского философа позднего средневековья Иоанна Воротнеци "Анализ "Категорий" Аристотеля", выполненный совместно с профессором А. Адамяном (Ереван, 1956). Труды об Езнике Кохбаци и Давиде Анахте, обобщающий труд "История армянской философии", изданные в Ереване, также были на русском языке. Более того, в 1974г. этот последний был издан также в Москве. Все это наводит на мысль, что В.К. Чалоян понимал, что в то время только через русский язык, один из международных языков науки, можно было популяризовать, сделать достоянием мировой научной общественности армянскую философию. Может быть, ученого к такой установке привело осознание того факта, что, будучи написанными на армянском, произведения армянских мыслителей (и не только) прошлого, остались неизвестными, "не были открыты" другими народами.

Следующее направление в творчестве В.К. Чалояна условно можно назвать культурологическим. Здесь ученый обращается к общеметодологическим проблемам развития культуры. Речь, в первую очередь, идет о таких широко известных произведениях ученого как "Армянский Ренессанс" (Москва, 1963г.) и "Восток – Запад" (Москва, 1968г.; переиздан в 1979г.; переведен на польский язык в 1980г.). Они вызвали значительный интерес и оживленную дискуссию. Примечательно, что редактором и автором послесловия к "Армянскому Ренессансу" был известный ученый, академик Н.И. Конрад, а "Восток – Запад" редактировал не менее известный академик – Б.М. Кедров. Философы-культурологи советского периода высоко оценивали творчество армянского ученого, относились к нему с большим уважением. Оппонентом его докторской диссертации был один из корифеев советской философии – В.Ф. Асмус, высокую оценку его произведениям дал другой крупнейший ученый – А.Ф. Лосев.

Книга "Армянский Ренессанс" получила широкий резонанс, вызвала оживленную дискуссию, которая не угасает до сих пор. В.К. Чалоян пишет, что "мир в своем развитии следует рассматривать не разрозненно, а в единстве и внутренней целостности". А "в аспекте единства мира Востока и Запада Возрождение есть общее явление для многих стран Запада и Востока"[3]. По мнению автора, восточное Возрождение началось задолго до западного. А одним из наиболее ярких проявлений восточного Ренессанса автор считает Армянский Ренессанс. Н.И. Конрад отмечает, что "пользование терминами, выработанными на основе истории Запада, отнюдь не означает какую-то "подгонку" истории народов Востока под нормы истории народов Запада". Далее: "Его работа занимает особое место среди соответствующей научной литературы; в сущности, это первая крупная специальная работа по эпохе Возрождения в истории неевропейских народов"[4].

Теория восточного Ренессанса имела и имеет как своих сторонников, так и противников. Но принимаем ли мы концепцию В.К. Чалояна об армянском Ренессансе или нет, в любом случае, нельзя не оценить как большой вклад в науку, научный анализ того громадного эмпирического материала, на основании которого ученый построил свою теорию.

Культурологические, общеметодологические проблемы развития культуры затрагиваются и в другом известном труде В.К. Чалояна – "Восток – Запад". В свете современных философских и культурологических концепций о столкновении и диалоге цивилизаций, о культурной глобализации и т.д. актуальным представляется критика армянским ученым как европоцентризма, так и востокоцентризма. Он стремится показать преемственность развития культуры от Востока к Западу и от Запада к Востоку; преемственность в философии античности, византийского Востока и ирано-арабского Востока. С методологической точки зрения интересны следующие рассуждения В.К. Чалояна: "Преемственность в развитии культуры: достижения культуры одной страны усваиваются другими странами, становятся достоянием других народов, переплетаются, взаимодействуют с их культурой, обогащая ее и изменяясь в свою очередь под ее влиянием"; "самобытность культуры не исключает ни разнородных источников, ни преемственной связи в развитии данной культуры"[5].

Принцип преемственности занимает особое место и в других произведениях В.К. Чалояна. Культура вообще, философская в том числе, развивается преемственно: старое готовит почву для появления нового, происходит передача идей, традиций. В то же время ученый понимал, что каждый последующий этап развития науки преодолевает предыдущий. Таков механизм развития и истории армянской философии. В конце жизни он, как бы резюмируя свой вклад в развитие истории армянской философии как научной дисциплины, пишет, что сделанное им "отражает уровень исследований в этой области на сегодняшний день. Завтра же, когда появятся ... новые материалы и исследования, посвященные отдельным вопросам истории развития армянской философии, появится новая история армянской философии"[6].

1 Чалоян В. К. История армянской философии. Ер., 1975. С. 5. (на арм. языке).
2 Там же. С. 6-7.
3 Чалоян В. К. Армянский Ренессанс. М., 1963. С. 49 – 50.
4 Конрад Н. И. Послесловие // Чалоян В. К. Армянский Ренессанс. С. 161-162.
5 Чалоян В. К. Восток – Запад. М., 1979. С. 33-34.
6 Чалоян В. К. История армянской философии. С. 5.